

VI-146 1900

НАРОДНАЯ РЕЧЬ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

ГОВОРЫ
КИРИЛОВСКОГО РАЙОНА
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Административно-территориальное деление
Вологодской области (2000 г.)
(<http://www.booksite.ru/fulltext/red/book/3.htm>)

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВСЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»
ВОЛОГОДСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

НАРОДНАЯ РЕЧЬ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

**ГОВОРЫ КИРИЛЛОВСКОГО РАЙОНА
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

**ВОЛОГДА
2014**

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2-67

Н 28-30

Печатается по распоряжению и.о. ректора ФГБОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет» доц. Т.А. Пояровой и при финансовой поддержке Вологодского областного отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» в соответствии с условиями договора № Б-68-2013 от 20.06.2013 на организацию диалектологических экспедиций по проекту «Народная речь Вологодского края».

Рецензент: О.Н. Крылова, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Словарного отдела
Института лингвистических исследований РАН

Н 28 Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области: монография / С.А. Ганичева, Ю.Н. Драчёва, Е.Н. Ильина, Н.Г. Михова; научн. ред. – Е.Н. Ильина; Министерство образования и науки РФ; Волог. гос. пед. ун-т; ВОО РГО. – Вологда: Легия, 2014. – 160 с.
ISBN 978-5-89791-128-8

В монографии характеризуются лингвистические особенности современных белозерско-бежецких говоров, представленных на территории Кирилловского района Вологодской области. Материалом для наблюдений послужили образцы звучащей речи, зафиксированные в ходе диалектологических экспедиций 1988–2013 гг. Исследование может быть адресовано специалистам-диалектологам, студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся особенностями народной речи на Русском Севере.

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2-67

ISBN 978-5-89791-128-8

© ВОО РГО, 2014

© ВГПУ: С.А. Ганичева, Ю.Н. Драчёва,
Е.Н. Ильина, Н.Г. Михова, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Говоры Кирилловского района Вологодской области	7
§ 1. История заселения Белозерского края и формирование диалекта (<i>Н.Г. Михова</i>)	7
§ 2. Говоры Кирилловского района Вологодской области в контексте лингвистического описания северорусских диа- лектов (<i>С.А. Ганичева, Н.Г. Михова, Е.Н. Ильина</i>)	16
§ 3. Фонетические особенности живой речи жителей Кирил- ловского района Вологодской области (<i>Н.Г. Михова</i>)	31
§ 4. Природа глазами жителя Кирилловского района (на ма- териале лексики говоров) (<i>С.А. Ганичева</i>)	52
§ 5. Наблюдения над особенностями диалектного словообра- зования в говорах Кирилловского района (<i>Е.Н. Ильина</i>)	65
Глава 2. Речевой портрет жителя Кирилловского района Вологодской области	75
§ 1. Анна Алексеевна Шаброва (<i>Е.Н. Ильина</i>)	75
§ 2. Аполлинария Виссарионовна Харитонова (<i>Е.Н. Ильина</i>)	99
§ 3. Нина Арсентьевна Исакова (<i>Ю.Н. Драчёва</i>)	118
§ 4. Николай Павлович Шабров (<i>С.А. Ганичева</i>)	145
Заключение	155
Список литературы	157

ВВЕДЕНИЕ

Исследование лингвистической специфики говоров Вологодской области имеет давние традиции и представлено в истории русской диалектологии именами фонетистов О. Брука и Л.Л. Касаткина, лексикологов Ю.И. Чайкиной и Т.Г. Паникаровской, исследователей грамматики говоров С.П. Обнорского и Л.Г. Яцкевич, специалистов в области народной речевой культуры В.И. Трубинского и Л.Ю. Зориной, создателей диалектных словарей М.К. Герасимова и П.А. Дилакторского, а также многих других ученых. Основу их наблюдений составили записи народной речи, начало которым положил первый в России диалектный «Словарь областных слов, употребляемых в г. Устюге Великом» (1757). Уже более двухсот лет ведутся подобные записи: со временем менялась форма фиксации диалектного материала, но по-прежнему внимательным и бережным остается отношение диалектологов к фактам звучащей речи.

Во второй половине XX века усилиями ученых различных научных центров России и, прежде всего, Вологодского государственного педагогического университета и Череповецкого государственного университета был собран весьма значительный объем записей народной речи. Контекстуальные иллюстрации диалектных слов представлены в «Словаре вологодских говоров» (1983–2007). Ответы на вопросы «Лексического атласа русских народных говоров» легли в основу его карт и комментариев к ним. Материалы бесед с информантами – жителями различных районов Вологодской области – составили лингвистическую базу многих диссертационных исследований. При этом образцы звучащей речи не вполне доступны заинтересованному слушателю – лингвисту, учителю-краеведу, специалисту в области региональной культуры. Это обстоятельство определило актуальность изданий серии «Народная речь Вологодского края», публикуемых при поддержке Вологодского регионального отделения Русского географического общества.

Первый опыт подобного рода издания состоялся в 2012 году. Книга включала в себя пять речевых портретов носителей вологодских говоров, жителей восточных районов Вологодской области: Между-

реченского, Усть-Кубинского, Тарногского, Тотемского, Бабушкинского. Фрагменты народной речи, представленные в книге, весьма интересны в жанровом и тематическом отношении: это и мемуарная проза, посвящённая судьбам своего поколения и родной деревни, это и записи народных частушек, и примеры бытовой речи, иллюстрирующие крестьянское отношение к труду, к природе и к обществу. Кроме того, комментарии к каждому из разделов решают серьезные лингвистические задачи. Это реконструкция региональной системы русского речевого этикета, анализ региональных особенностей мемуарной прозы, исследование диалектной языковой картины мира вологодского крестьянина посредством описания отдельных трудовых ситуаций, выявление универсально-жанровых и локальных особенностей бытования фольклорных текстов, комплексное описание диалектной языковой личности.

Движение от звучащей речи через комментарий к решению научных задач позволило выявить и описать наиболее интересные явления, иллюстрируемые информантами. Но это определило некоторую эклектичность работы, отсутствие в ней базовой лингвистической информации, которая могла бы послужить основой для многоаспектного анализа диалектной речи. В связи с этим в настоящем издании мы сосредоточили свое внимание на говорах одного административного района, рассмотрев их локальные особенности с точки зрения фонетики, лексики и грамматики. Материал для данного исследования собирался в Кирилловском районе Вологодской области специалистами из Вологды и Череповца в ходе диалектологических экспедиций 1988–2013 гг.

Монография «Народная речь Вологодского края», посвященная говорам Кирилловского района, включает в себя две главы. Первая из них рассказывает об истории заселения края, содержит информацию о специфике кирилловских говоров в контексте диалектного членения русского языка, включает в себя очерки фонетики, лексикологии и грамматики изучаемых говоров. Во второй главе представлены речевые портреты уроженцев Кирилловского района Вологодской области. Это люди различного возраста и уровня образования: рабочая рыболовецкой артели, сельская учительница, работница горно-металлургического комбината из Мончегорска, командир воздушного судна из Вологды. Их объединяет то, что все они в той или иной мере сохранили в своей речи черты белозерско-бежецких говоров, а также то, что они хорошо знакомы с бытовой и духовной культурой родного края.

Авторский коллектив проекта «Народная речь Вологодского края» выражает признательность рецензенту монографии – старшему научному сотруднику Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН, кандидату филологических наук Ольге Николаевне Крыловой за важные замечания и пожелания, высказанные в процессе знакомства с рукописью. Мы благодарим за участие в судьбе проекта Вологодский государственный педагогический университет и благодарим за финансовую поддержку Вологодское областное отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество», а также депутата Государственной Думы Российской Федерации, Председателя Попечительского Совета Вологодского областного отделения Русского географического общества Вячеслава Евгеньевича Позгалева.

ГЛАВА 1

ГОВОРЫ КИРИЛЛОВСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Говоры Кирилловского района Вологодской области находятся на территории древнего Белозерья. В первой главе нашего исследования рассматривается история заселения этой территории славянами, комментируются особенности формирования местного говора, его место в диалектном членении русского языка, а также особенности изучения локальной специфики местной речи в истории русской диалектологии.

§ 1. История заселения Белозерского края и формирование диалекта

1.1. Основные этапы формирования Верхней Руси

До IV – V века н.э. территория северо-запада России была заселена неславянскими народами. Об этом свидетельствует смешанный характер памятников дьяковской культуры. В памятниках письменности упоминается о финно-угорских племёнах (чудь, весь, меря, мордва), населявших данную территорию. Исследователь Ю.А. Лимонов говорит о том, что летописи выполняли функцию географических атласов. Монахи – создатели летописей – имели достаточно чёткое представление о расположении государств. Следовательно, летописцы давали комментарий описываемым событиям и народам. Историк отмечает, что «наиболее известны были владимирскому летописцу названия, связанные с угро-финскими народностями. Они употребляются даже чаще, чем название «немцы» [Лимонов, 1987: 178].

На территории, окружённой озёрами (Ладожским, Онежским, Белым и Ильменем), проживало племя *весь*. Именно с ним столкнулись славяне в процессе расселения в районе Белоозера. Мнения историков расходятся в вопросе о датировке этих событий. Некоторые исследователи (Макаров Н.А.) считают, что этот процесс начался не ранее VIII века и продолжался до X столетия. Другие (А.Н. Башенькин) полагают на основании археологических источников, что «время первоначального появления славян в Белозерье следует относить <...> ко второй половине V – началу VI в. н.э.» [Башенькин, 1992: 16]. Согласно его точке зрения, первыми славянскими поселенцами на данной

территории были кривичи, пришедшие со стороны юго-запада с территорий новгородских земель.

Первоначально отдельные общины поселенцев – славян – создавали «чересполосицу» поселений с местным населением в наиболее освоенных областях. Это позволило очень быстро образовать единую общность, говорившую на славянском и финно-угорском языках и имевшую общую культуру. Впоследствии это сыграло большую роль в процессе ассимиляции (славянизации) народов, или внутренней колонизации, которая проходила параллельно процессу принятия христианства.

Следует отметить, что достаточно редко древнерусские поселения развивались на основе прежних финских памятников. Складывание древнерусской народности, государственности и культуры – это сложный процесс взаимодействия местного, финно-угорского, и прошлого, смешанного в этническом отношении, населения. В период IX – X вв. этносоциальные границы изменяются под влиянием политического фактора.

С середины X века местное финно-угорское население начинает принимать активное участие в процессе формирования древнерусской народности. Только во второй половине XI века начинается переселение крестьян – земледельцев в массовом порядке на территории финно-угорских земель для дальнейшего их освоения. В это время основное движение колонизации идёт с юго-запада. Цель этого процесса – политическая. Каждый князь стремился к полному закреплению территории, оформлению чётких границ своего княжества.

Историки В.П. Глазов, Е.А. Рябинин, А.Е. Леонтьев сходятся во мнении о том, что «в материалах западного региона ощутимо присутствие выходцев из северных и северо-восточных районов Новгородской земли, где проживало в XII – XIII вв. смешанное славяно-финское население. В центральной группе фиксируется присутствие выходцев из центральных, «низовских» районной Ростово-Сузdalской земли при явных ещё следах новгородского присутствия» [Седых, 2001: 432].

Культурно-этническое единство русичей не исключало различий в регионах, где проходила граница поселений русских и других народов. Отличия были разными по своему характеру и восходили к дофеодальному или раннефеодальному этапам истории. Это подтверждают археологические находки, которые свидетельствуют о том, что среди племён восточных славян были различия как в сфере материальной, так и духовной культуры. Данные особенности возникали при взаи-

модействии славян с местным населением, в процессе освоения русскими новых земель и вливании других народов в единое государство.

IX – X вв. – период формирования историко-географической общности, называемой Верхней Русью. Термин «Верхняя Русь» выделяется исследователями на основе летописных данных и определяется как «Русь Рюрика». В памятниках письменности достаточно чётко зафиксированы её границы и основные центры: от первоначального объединения со столицей в Ладоге и затем стабилизацией политического пространства в Новгороде. Границы доходили до Изборска и Белозерска, а при дальнейшем расширении на западе до Полоцка, на востоке – до Ростова Великого.

Исследователь Г.С. Лебедев отмечает: «Внутренняя целостность этого пространства прослеживается и в объединённом древнерусском государстве. Во всяком случае, политические тенденции, проявившиеся при Рюрике (862–879), получили непосредственное продолжение и окончательное закрепление в 1020 – 1030 гг. с основанием Ярославом Мудрым двух новых, пограничных городов Верхней Руси – Ярославля на Волге и Юрьева (Дерпта, Тарту) в западном Причудье» [Лебедев, 2001: 31].

Русь Рюрика – это зона раннего и стабильного взаимодействия славян с финскими племенами и варягами (скандинавами). Финно-скандинавское взаимодействие предшествовало включению славян в этнические и культурные процессы историко-культурной зоны этой территории. Процесс аккультурации народов, прежде всего, отразился на языке. Например, известный советский диалектолог Р.И. Аванесов говорит о том, что одним из результатов смешения языков в период колонизации славянами новых территорий стало усвоение цоканья. Под «цоканьем» понимают неразличение аффрикат *<ч>* и *<ш>* при произношении мягкого [ч]. По его мнению, именно слияние славян и финно-угров привело к возникновению данного языкового явления. Необходимо отметить, что возникающие диалектные особенности затрагивали в большей мере фонетический и лексический уровень языка. Однако, несмотря на появление диалектных особенностей, общий строй языка сохранялся.

Археологические данные позволяют представить период (не менее века), о котором не сохранилось письменных сведений. В это время историко-культурная зона, обозначенная как «Русь Рюрика», развивается в процессе взаимодействия славян, финно-угров, скандинавов. Этот процесс периода VIII – IX вв. историки прослеживают по материалам памятников, курганов, сопок, городищ (их соотношению и

локализации). В течение IX – XII веков и последующих столетий процесс ассимиляции народов будет продолжаться и найдёт своё отражение в развитии новых археологических культур.

Исследователями отмечается, что активность внешней политики государства того времени проявилась в отношении к привозным товарам. Археологические находки свидетельствуют, что скандинавский «импорт» VI – XI вв. (украшения, оружие, технологии ремёсел, погребальные обряды), а также арабское серебро, поступавшее из Халифата в обмен на пушнину, имело широкое распространение.

В середине X века Русь Рюрика представляет особый этап. Данная историко-географическая общность послужила основой для формирования Новгородской земли XI – XV вв. и объединила изначальные земли расселения славян и финно-угорских племён. По материалам Повести временных лет северный союз племён занимает обширную территорию и «выступает ареной первых славяно-финско-скандинавских контактов середины IX в. (варяжская дань, изгнание варягов, призвание варяжских князей)» [Лебедев, 2001: 31].

Г.С. Лебедев говорит о том, что в период с 862 года данное историко-географическое пространство является цельным политическим образованием, во главе которого стоит князь Рюрик и его ближайшее окружение. Во второй половине X столетия эта архаическая целостность исчезает: происходит самостоятельное развитие периферийных областей, формируются первоначальные государственные территории Новгородской, Псковской, Смоленско-Полоцкой и Ростово-Сузdalской земель, оформляются племенные территории финских народностей. Следовательно, изначально территория Верхней Руси полностью охватывала зону взаимодействия восточных славян и финнов.

Весь на равных правах со словенами входит в военный союз, когда в Белоозере стал править брат Рюрика – князь Синеус. В X–XI веках финно-угорское племя вместе со словенами высылает своих колонистов на восток. Археологические находки позволяют говорить о последовательной славянизации, о сложении традиций общерусской ранней городской культуры. Исследования сопок и погребений, а также другие археологические находки позволяют проследить распространение славянского пашенного земледелия и древнерусской государственности в пределах формирующейся Верхней Руси.

Летописные данные дают возможность отметить определённую последовательность вовлечения в политическое единство основных центров: 862 – 864 – Ладога, затем Изборск, с 862 г. **Белоозеро**, 864 г. – Новгород, Ростов, Муром, после 864 г. Полоцк, 882 г. – Смоленск,

907 г. – Псков, Витебск, Юрьев, до 1030 г. Ярославль. Основу Руси Рюрика составляют земли современной Ленинградской, Новгородской, Псковской областей Российской Федерации, поскольку здесь сохранились черты внутрирегионального членения, зафиксированные в летописях.

Историки рассматривают регион Верхней Руси как «макроИКЗ» (ИКЗ – историко-культурная зона), в структуре которой можно выделить соподчинённые единицы, имеющие основной центр и соответствующий ему субрегион. Таким образом, выстраивается определённая иерархическая структура всей системы историко-культурных зон.

В научной литературе выдвинута гипотеза о том, что «создатели сопок IX – X вв., вероятно, как и их непосредственные предшественники, а видимо, и представители первой (условно, досопочной, любящанской) волны словен, распространяли в лесной зоне новый тип хозяйства, основанный на широком использовании пашенного земледелия с эксплуатацией пойменных почв и лугов, комплексным дополнением земледельческого уклада – скотоводством, промыслами и ремеслом, быстро развивающейся торговлей» [Лебедев, 2001: 41]. Тип хозяйства определил специфику и последовательность славянских поселений на северных землях.

Вероятно, что некоторые процессы межкультурного взаимодействия на территории Вологодской области проявились в более ранних и ярких формах, чем в соседних западных областях. Г.С. Лебедев отмечает: «Русь Синеуса, где союзниками словен и варягов выступает летописная весь, объединившаяся под властью легендарного соправителя ладожско – новгородского князя, вслед за Русью Трувора на Псковщине выступает реальной составляющей Руси Рюрика. Стоит особо отметить, что финноязычный этнокультурный массив, сложившийся в этой историко-культурной зоне, сохраняется в наши дни как народ вепсов» [Лебедев, 2001: 46].

Исследователи сходятся во мнении о том, что «Верхняя Русь в целом – это следствие многовекового процесса этнической дифференциации, интеграции, взаимодействия всех основных компонентов Северной Европы, северных индоевропейцев и финно-угров, саамов, финнов и балтов, скандинавов и славян. Уникальность региона в европейской истории, континентальное значение протекавших здесь процессов определяются именно этим, тысячелетним взаимодействием» [Лебедев, 2001: 52].

1.2. Соперничество Ростово-Суздальского и Новгородского княжеств. Заселение Белоозера

В начале XII века на северо-востоке Руси происходит интенсивное развитие ремесла, торговли, активная колонизация земель ростово-суздальцами и новгородцами, сопровождавшаяся строительством городов. Возвведение новых валов было связано с проблемами внутренней и внешней политики. Торговые связи, освоение новых территорий, расселение народа, а также угрозы со стороны соседей – всё это требовало укрепления государственности на Ростово-Суздальской земле. Ю.А. Лимонов отмечает: «Накануне похода волжских болгар в 1107 году были укреплены населённые пункты страны. Создавались валы и около Суздаля» [Лимонов, 1987: 20]. Историк приводит в качестве аргумента текст новгородской летописи, в которой описывается набег киевского князя в пределы Ростовского княжества. «Тои же зиме приде Изяслав Новугороду, сын Мъстиславъ, ис Кыева, идее на Гюргя Ростову с новгородьци; и мъного воеваша людъ Гюргево, и по Волзе възяша 6 городок, Оли до Ярославля полустища, а голов възяша 7000, и воротишаася росптия деля» [Лимонов, 1987: 24].

Суздальское княжество в это время занимало обширную территорию: междуречье Оки и Волги, земли от Белого озера и далее по Шексне до Волги. Торгово-экономические связи были не только с соседями, но и с Европой, а по Волге – с Каспием, Средней Азией и Византией. Успешная торговля была одной из причин соперничества соседских областей. Каждая правящая верхушка стремилась заполучить «доходное место». Поэтому, несмотря на тесные торговые связи, Новгород являлся постоянным врагом Ростова. Желание князей расширить свои владения за счёт чужих территорий приводило к военным действиям. Исследователи отмечают, что «... угроза со стороны Новгорода на протяжении первой половины XII века была постоянной» [Лимонов, 1987: 24].

С сороковых годов XII века ростовские рати практикуют следующую военную тактику – набеги на пограничные территории Новгородского княжества. Новгород, со своей стороны, стремился расширить свои владения и укрепить власть на местах, поэтому не скрывал своего враждебного настроя и при любой возможности выступал против Ростова. Историки, реконструируя картину прошлого, приводят фрагменты текстов письменных памятников, которые рассказывают о княжеских распрях. В 1147 году «Иде Гюрги воевать Новгорочкои волости, и пришед взя Новыи Торг и Мъсту всю взя» [Лимонов, 1987: 24].

Освоению свободных земель способствовало создание монастырей. Отмечено, что в период XII – XIII вв. было основано сорок восемь монастырей на территории Суздальской земли. Они располагались как в центральных городах, так и на периферии. Цели строительства были политические – отметить рубежи владений и распространить христианство (а также местную власть) на периферии. Княжеским повелением целые потоки крестьян и ремесленников направляются на север для освоения новых территорий.

Белозерский край был заселён сравнительно поздно. Освоение славянскими переселенцами данной территории проходило неравномерно. В X веке на данной территории живут славяне новгородские, о чём свидетельствуют ранние политические связи Белоозера и Новгорода. Исследователь Л.А. Голубева говорит о том, что в освоении этих земель участвовали и кривичи. В дальнейшем, после включения Белоозера в состав Ростово-Суздальского княжества, кривичское население будет преобладающим.

А.В. Насонов считает, что Белоозеро могло войти в непосредственное подчинение Ростову в первой половине XI века. Учёный говорит о том, что значительную роль в этом сыграла деятельность Ярослава, правившего в конце X – начале XI века в Ростове. В 1024 году князь Ярослав приезжает из Новгорода для усмирения восстания волхвов в Суздальской земле и «устави землю ту» [Насонов, 1961: 178]. Возможно, Ярослав устанавливал здесь свои погосты и дани.

В конце XI в. территория Ростово-Суздальской земли «... охватывала Поволжье от устья Которосли до устья Медведицы и тянулась по Шексне до Белоозера» [Насонов, 1961: 180]. В первую очередь люди заселяли речные долины, удобные для земледелия и скотоводства, осваивали волоки, ведущие с Шексны в систему Северной Двины и Белого моря. Движение славян на Белоозеро носило народный, крестьянский характер. Об этом свидетельствует облик поселений, не имевших земляных укреплений. Свободных земель было достаточно, поэтому ряд славянских поселений XI – XII вв. возник в долине.

Процесс хозяйственного освоения края сопровождался расширением границ феодальных владений – сначала из Новгорода, затем из Киева. Уже к концу XI столетия процесс развития феодальных отношений в крае привёл к значительному социальному расслоению, усилилось давление на местное, финно-угорское, население. Со второй половины XII века распространяется влияние ростовских князей на Заволочье, где они встречаются с новгородцами, издавна приходившими в эти места. Ростовские полки перехватывали в Белозерье новго-

родские отряды, ходившие на Двину. Историки приводят данные летописи 1169 г. об ожесточённой битве между ростовцами и новгородцами за власть на территории Белоозера [Голубева, 1973: 195].

Д.К. Зеленин в работе «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации» отмечает: «Въ исторії колонизації Вологодского края русскими безспорны два различных течения: Новгородское и Суздальско-Ростовское. Первое преобладало на сѣвѣре, второе – на югѣ» [Зеленин, 1913: 436]. Новгородцы приходят на территорию нашей области по реке Ваге из Завлочья. Двигаясь по водному пути с севера на юг, они заселили бассейн реки Кокшеньги (Тотемский район). Другой путь новгородцев проходил по Двине к югу. Ссылаясь на заметки историков, Д.К. Зеленин говорит о том, что здесь находились главные новгородские колонии. Города Сольвычегодск и Лальск населены, по народным преданиям и мнению местных исследователей, новгородцами, бежавшими сюда во время разгромов Новгорода Иваном III и Иваном IV.

Автор приводит гипотезу историка В. Попова о том, что Ростовские князья, имея право на небольшую территорию, объявляли своими исконными владениями и соседние районы. Москва, к которой в дальнейшем примкнули ростовцы, воспользовалась этими «правами», чтобы предъявить свои требования Новгороду. В основе лежали политические мотивы: московские князья стремились завладеть богатой Двинской областью и затем присоединить остальные новгородские земли. Историки отмечают, что территория Белозерья была причиной спора Ростова (а затем и Москвы) и Новгорода. Наблюдалось политическое влияние той или другой стороны, а преобладающим населением на этой территории было финно-угорское племя *весь*.

Современные исследователи говорят о том, что «движение с Северо-Запада, видимо, осуществлялось не из центральных, коренных земель новгородских, а с северных и северо-восточных окраин. <...> В этом движении, кроме скандинавов, принимали участие западные финны – *весь* и *кривичи*, возможно переселившиеся на Северо-Запад с территории Поднепровья» [Седых, 2001: 429]. Следовательно, территория, занимаемая современным Кирилловским районом, вполне вероятно, не была заселена новгородцами, но входила в состав Новгородского княжества.

С XIII века на территории Белозерья начинается строительство монастырей. Одновременно проходил процесс феодализации земель и сокращения крестьянских владений. Эти факторы ускоряют ход асси-

миляции финно-угров со славянами. Исследователь Л.А. Голубева утверждает, что «...часть веси в лице вепсов сохранила этническую самостоятельность до наших дней» [Голубева, 1973: 56]. В этот период Белоозеро – один из важнейших городов Ростовской земли. К этому времени складываются все предпосылки для выделения самостоятельного Белозерского княжества. Первым Белозерским князем стал внук великого князя Константина Всеиволодовича Глеб Василькович в возрасте двух лет. Об этом историческом факте свидетельствует «Ни-коновская летопись» 1238 г. Именно эта дата (1238 г.) считается возникновением самостоятельного Белозерского княжества.

Историки считают, что в XVI столетии переселенцы приходили на Белоозеро преимущественно из центральных районов России. К этому движению колонистов относят и тех москвичей, которые были отправлены в этот район Иваном III при завоевании Новгорода.

Ослабление древнерусского государства, начавшееся в конце XI века и усилившееся в течение следующих столетий, сопровождается бурным экономическим развитием и укреплением отдельных княжеств. При этом происходит ослабление связей между ними. Переход к феодальной раздробленности на Руси способствовал усилению различных говоров. Русское централизованное государство первоначально занимало территорию Владимира-Ростово-Суздальского княжества, где был распространён северный субдиалект. Р.И. Аванесов отмечает: «Длительная самостоятельность Новгорода сказалась в том, что северные говоры, восходящие к старым говорам Владимира-Суздальской и Новгородской земель, и сейчас существенно отличаются» [Аванесов, 1986: 27].

Таким образом, в процессе исторического развития древние новгородский и ростово-суздальский диалекты на разных частях территории их распространения переживали различные изменения, связанные с особыми историческими и языковыми условиями. В конце XV столетия Новгород теряет свою независимость и попадает под влияние Москвы. С этого времени усиливается влияние ростово-суздальского диалекта на северных территориях России.

Современные говоры Белозерско-Бежецкой и Вологодской групп расположены на территории древней новгородской колонизации. Достаточно рано вологодские говоры теряют связь с новгородскими и становятся обособленными, получая возможность самостоятельного развития. В создавшихся условиях хорошо сохранялись архаические черты, но в то же время возникали предпосылки для появления особенностей, характерных только для этой территории.

Ростово-сузdalское влияние позднее, чем новгородское, проникает на северные земли. Это происходит в период становления Московского государства. Усиление распространения особенностей в произношении, характерных для жителей Ростовского княжества, происходит после XV века, т.е. сразу после того, как новгородские земли вошли в состав московских владений. Активное распространение ростово-сузdalских (а затем и московских) диалектных черт на восточных землях Белозерского края имело место до XVII века. На протяжении этого периода времени языковое влияние было различным по своему характеру, некоторые черты, присущие древнему новгородскому или ростово-сузdalскому диалекту, сохранились в живом языке до настоящего момента. Постепенно начинают отражаться общенародные тенденции, т.е. процесс взаимодействия диалектных систем становится слабее.

§ 2. Говоры Кирилловского района Вологодской области в контексте лингвистического описания северорусских диалектов

2.1. Опыты диалектного членения русского языка в истории русской диалектологии

Вопрос о диалектном членении русского языка является в науке достаточно сложным. Исследователи отмечают, что классификация говоров может «не раз подниматься» в истории диалектологической науки в связи с появлением новых данных [Захарова, Орлова, 1970: 7].

Первые опыты описания территориальных различий русского языка были сделаны ещё М.В. Ломоносовым и В.И. Далем, однако системное изучение русского языка в его «географической проекции» начинается во второй половине XIX века. И.И. Срезневский в статье «Замечания о материалах для географии русского языка» указывает на необходимость изучения местных говоров и о создании карты языков, наречий и говоров [Срезневский, 1981]. Во второй половине XIX в. в России появилось несколько отдельных карт, посвященных говорам ограниченных территорий или отражающих распространение конкретных языковых явлений (диссимилятивного аканья и др.) [Аванесов, 1949: 297]. Первое систематическое изучение особенностей лингвистического ландшафта русского языка и появление первой карты диалектного членения русского языка связано с деятельностью Мос-

ковской диалектологической комиссии (МДК). МДК была создана по инициативе А.А. Шахматова в 1903 г. при Отделении русского языка и словесности Академии наук. Ее председателем стал Ф.Е. Корш. В состав комиссии входили такие известные учёные как А.А. Шахматов, Н.Н. Дурново, Д.Н. Ушаков, Н.Н. Соколов, Р.Ф. Брандт, В.К. Поржезинский, А.Д. Григорьев, Б.М. и Ю.М. Соколовы и др. Основной задачей МДК было составление диалектологической карты русского языка. Члены комиссии разработали «Программу для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка» (в 2-х частях, изданных в 1909 и 1911 гг.). На основании ответов на вопросы этой программы Н.Н. Дурново, Д.Н. Ушаков и Н.Н. Соколов подготовили «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» [Дурново, Соколов, Ушаков, 1915].

Особенностью этой карты является, в первую очередь, то, что она охватывает территории распространения сразу трех восточнославянских языков: русского, украинского и белорусского. В пределах русского языка составители карты выделили два наречия: северновеликорусское и южновеликорусское, между которыми, подтверждая ранее высказанные предположения И.И. Срезневского, определили зону переходных средневеликорусских говоров. Выделение северновеликорусского наречия основывалось на изоглоссах оканья, произнесения взрывного [г] в соответствие фонеме <г>, произнесения твердого [т] в окончаниях глаголов 3 лица (*везёт* [т], *несу* [т]) и употребления форм родительного падежа местоимений *меня*', *тебя*'. Для южновеликорусского наречия, напротив, характерно аканье, произнесение фрикативного [γ] в соответствие фонеме <г>, мягкий [т'] в окончаниях глаголов 3 лица (*везёт* [т'], *несу* [т']) и формы родительного падежа местоимения *мене*', *тебе*'. В пределах северновеликорусского наречия ученые выделяют Поморскую, Олонецкую, Новгородскую, Вологодско-Вятскую и Владимиро-Поволжскую группы говоров, преимущественно ориентируясь на то, как в различных фонетических позициях произносятся в этих говорах гласные, соответствующие этимологическому [ē]. Ведущим признаком, дифференцирующим группы южновеликорусского наречия, являются различные типы яканья.

Карта 1915 г. неоднократно подвергалась критике, поскольку при выделении диалектных объединений учитывались только отдельные, в первую очередь, фонетические черты говоров. Кроме того, она была сводной и не отражала территорий распространения отдельных языковых явлений. Не случайно вскоре после публикации этой карты

стали высказываться мысли о необходимости создания диалектологического атласа русского языка. Практическая реализация этой задачи началась во второй половине 30-х гг. XX в. Появлению общерусского атласа предшествовали подготовка и издание в 1949 г. «Лингвистического атласа района Озера Селигер» (М.Д. Мальцев, Ф.П. Филин). В годы Великой Отечественной войны в Вологде прошло всероссийское диалектологическое совещание, на котором Ф.П. Филин призывал научную общественность регионов активно включиться в сбор материала для общерусского диалектологического атласа. Этот сбор начался в 1945 г. после публикации «Программы собрания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (под редакцией Р.И. Аванесова). Изначально предполагалось, что атлас охватит всю территорию распространения русского языка в Европейской части СССР и будет включать 11 региональных томов. Однако в результате было создано 5 томов, из которых опубликован только «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (М., 1957). На основании материалов этих томов в 1971–1980 гг. был подготовлен сводный «Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР» (ДАРЯ). Атлас состоит из 3-х выпусков: I – «Фонетика», II – «Морфология», III – «Синтаксис и лексика». Область картографирования ДАРЯ охватывает территорию древнейшего русского заселения, на которой шло формирование национального русского языка и его основных диалектов.

В ДАРЯ нашли практическое воплощение концепция диалектного языка и теория лингвистической географии Р.И. Аванесова, которые развивались параллельно с созданием атласа. Они составили теоретическую базу Московской школы лингвогеографии (Р.И. Аванесов, С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова, Л.П. Жуковская, И.Б. Кузьмина, Е.В. Немченко, В.Г. Орлова), изложенную в коллективном труде «Вопросы теории лингвистической географии» [Вопросы теории, 1962].

Концепция диалектного языка Р.И. Аванесова включает ряд положений.

1. *Диалектный язык представляет собой систему, включающую как общие для всего русского языка черты, так и черты, по-разному представленные в говорах.* К первой группе черт могут быть отнесены общая часть словарного фонда, общие черты в организации фонемного строя и т. д. Примерами черт второй группы служат оканье и аканье, различные по говорам формы слова *свекро́вь* (*свекро́вь*, *свекро́вья*, *свекро́вя*, *свекро́ва* и т. д.) и др.

2. Говор рассматривается как частная диалектная система, характеризующаяся целостностью и единством. Говор, как и литературный язык, следует описывать как самостоятельную систему (а не только характеризовать черты, отличающие его от литературного языка). Не случайно программа ДАРЯ построена так, что ответы на ее вопросы позволяют охарактеризовать важнейшие черты разных языковых уровней системы говора (вокализм, консонантизм, особенности морфологической системы и др.).

3. Выделяется понятие междиалектного (межсистемного) соответствия как единицы диалектного языка. Среди звеньев диалектного языка, имеющих территориальное ограничение, есть: 1) непротивопоставленные диалектные различия – языковые черты, содержащиеся в одних говорах, но не имеющие эквивалентов в других (например, в некоторых русских говорах есть синтаксическая конструкция, со значением неизбежности: *быть тому случиться* ‘то неизбежно должно случиться’); 2) противопоставленные диалектные различия – языковые черты, имеющиеся во всех или во многих говорах, но представленные в них по-разному. Вторая группа черт образует междиалектные, или межсистемные, соответствия. Как правило, разные члены такого соответствия взаимно исключаются в системе одного говора. Примерами такого соответствия могут служить противопоставления звуков [z] и [y] как реализаций фонемы <з>, аффиксальные различия в словах *треск* – *трескоток* – *трескотень*, противопоставление форм родительного падежа типа *у сестры* – *у сестре* и др.

4. Существует два аспекта описания диалектного языка: структурный и территориальный. Структурный аспект предполагает рассмотрение того, какими способами представлено междиалектное различие в разных частных диалектных системах. Территориальный аспект предполагает изучение территориального распространения отдельных диалектных явлений или разных членов междиалектного соответствия (подробнее см.: [Аванесов, 1965]).

ДАРЯ является одним из важнейших источников материала для описания русских территориальных диалектов и изучения истории формирования русского диалектного языка. В 1964 г. К.Ф. Захарова и В.Г. Орлова предложили новую группировку русских говоров, выстроенную на основе изучения всех изоглосс, представленных в ДАРЯ.

Группировки говоров (наречия, группы говоров, зоны) выделены по пучкам изоглосс. Самими крупными территориальными объединениями являются северное и южное наречие. Каждое из них характери-

зуется большим количеством признаков на фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях. Переходную зону составляют среднерусские говоры, в пределах которых пересекаются изоглоссы северного и южного наречий. В пределах наречий и среднерусских говоров, также на основании пучков изоглосс разных языковых явлений, выделяются группы говоров. Кроме того, ареалы языковых явлений позволяют выделить такие территориальные объединения как зоны. Деление на зоны накладывается на основное членение диалектного пространства на наречия и группы говоров [Захарова, Орлова, 1970].

Группировка говоров, предложенная К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой, основывается на изучении диалектов в территориальном аспекте. Структурный аспект изучения говоров представлен в структурно-типологической классификации Н.Н. Пшеничновой, также созданной на материалах ДАРЯ [Пшеничнова, 1996]. Говоры (частные диалектные системы) были классифицированы на основании сходств и различий между ними по признакам, представленным в ДАРЯ; территория при этом не учитывалась. В результате были выделены диалектные типы разных уровней. Самыми крупными из них являются северорусский и южнорусский диалектный типы. Эта классификация также имеет картографическую проекцию, однако в данном случае карта выполняет вспомогательную роль: показывает, на каких территориях распространены разные диалектные типы.

2.2. Говоры Вологодской области в контексте диалектного членения русского языка

Современная Вологодская область в ее современных территориальных границах была образована в 1937 г. и в данный момент состоит из 26 районов. Характеристика диалектных особенностей говоров Вологодской области во многом зависит от истории заселения края, его более ранних вариантов административного членения, а также от ряда экономических и социокультурных условий проживания людей в более раннее время.

Исторически сложилось так, что внутри Вологодской области достаточно заметно дифференцируются восточные и западные говоры. Вологодская губерния была образована в 1796 г. и к началу XX в. насчитывала в своем составе десять уездов: Вологодский, Устюженский, Вельский, Грязовецкий, Кадниковский, Никольский, Сольвычегод-

ский, Тотемский, Усть-Сысольский, Устюжский, Яренский. В первые десятилетия Советской власти в территориальном членении края произошли значительные изменения: восточные территории, преимущественно населенные коми-зырянами, в 1921 году вошли в состав Коми АССР; к Архангельской области отошли земли Вельский, Сольвычегодский районы, часть Яренского уезда; в западной части к Вологодской области присоединились районы, исторически относившиеся к Олонецкой (Вытегорский район) и Новгородской (Устюженский, Кирилловский, Белозерский, Череповецкий, Бабаевский, Чагодощенский и др.) губерниям.

Все говоры Вологодской области относятся к северорусским. Они характеризуются таким набором диалектных черт, как полное оканье (*к[о]рова*, *м[о]локо*), звонкий задненебный согласный [г] в сильной позиции (*но[г]а*), заударное ёканье (*вын[о]с*, *оз[о]ро*), отсутствие [j] в интервокальном положении и стяжение гласных (*делаэт*, *делат*), произношение [мм] на месте [бл] (*омман*), упрощение групп согласных в абсолютном конце слова (*мос*, *хвос*), произношение твёрдого [т] в формах глаголов 3 лица (*пашэт*, *пашут*), различие гласных в безударных личных окончаниях глаголов 3 л. мн. ч. I и II спряжений (*пишут* – *дышиат*), различие окончаний в формах род. – вин. и дат. – предл. падежей личных и возвратных местоимений (*меня* – *ко мне*), использование северорусских лексических локализмов (*молотило* ‘цеп’, *уповод* ‘период работы без перерыва’ и др.).

Наиболее крупным диалектным объединением на территории Вологодской области является Вологодская группа говоров.

Вологодская группа говоров – это самостоятельное диалектное объединение, представленное в центральной и восточной частях Вологодской области, а также в южных районах Архангельской области, исторически относившихся к Вологодской губернии. Граница Вологодской группы говоров условно определяется пучками изоглосс диалектных явлений: на западе – примерно по 39° вост. долг.; на юге – примерно по 59° сев. шир. Вологодская группа говоров входит в северо-восточную диалектную зону русского языка, является одной из самых значительных по территории распространения групп диалектов первичного формирования. По данным карты 1915 г., территория современных вологодских говоров была частью *Восточной группы* говоров *Северновеликорусского наречия*. На севере вологодские говоры граничат с Архангельскими (Поморскими), на юге – с Костромскими и Чухломскими, на западе – с Белозерско-Бежецкими и Лачскими, на востоке – с Вятскими говорами. Диалектные черты вологодских гово-

ров определяются спецификой их формирования, а также особенностями проживания носителей русского языка на исследуемых территориях.

Формирование говоров вологодской группы исследователи связывают с процессами относительно раннего активного взаимодействия новгородских и ростово-суздальских говоров, а также с обособлением говоров вологодских земель в результате их удаленности от административных и торговых центров государства. В результате этих процессов в говорах вологодской группы сохранились многие архаические черты северорусского наречия: архаический тип мягкого цоканья, различия в произношении звуков в соответствии с исконными [э] и [é], [о] и [ô], сохранение архаического типа склонения существительных с суффиксами *-ушк-*, *-ишк-* по типу слов м. – ср. р. (*де'душко*, *де'ушка* и т.д.), сохранение безударного *-ти* в формах инфинитива с основой на согласный (*кла'сти*, *е'сти*), наличие мягких согласных в постфиксах возвратных глаголов (*мо'еш[с'e]*, *мо'еш[с'o]*) и др. Вместе с тем обособленность вологодских говоров, их удаленность от административных центров и зон активных междиалектных контактов определила возможности для своеобразного развития некоторых тенденций, как новгородских по происхождению, так и общерусского характера. Это, в частности, развитие произношения [l] среднего (возможно, под влиянием иноязычного окружения), наличие инфинитивного показателя *-ти* в глаголах с основами на заднеязычный согласный (*пекти'*, *берегти'*), развитие системы двойных предлогов (*по-за глаза*, *по-над болоту*) и др. [Образование северорусского наречия и среднерусских говоров, 1970: 141–281].

Среди характерных для вологодских говоров лексических черт исследователи выделяют местные слова: *валёк* ‘палка для выколачивания белья’, *кадца* ‘ручка цепа’, *туес* ‘сосуд из бересты для жидкости’ и пр. Языковые особенности вологодских говоров фонетического и грамматического уровней отражены в приведенной ниже таблице.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ			
1	Семифонемный вокализм с /e/ и /é/, /o/ и /ô/;	<i>вуол'a</i> , <i>м'ёсто</i>	Непоследовательно
2	Изменение качества гласных под ударением и в первом предударном слоге между мягкими согласными:	а) <i>гул[é]ли</i> , <i>гл[e]дым</i> , б) <i>«[ú]тер</i> , <i>р[и]кү</i> .	
3	Употребление одной аффрикаты /ч'/ (мягкое цоканье)	<i>ч'удо</i> , <i>ч'элов'эк</i> , <i>ч'асы</i> , <i>кол'ч'б</i>	Ср. также онежские говоры

4	Употребление <i>[l]</i> перед гласными непереднего ряда и <i>[l']</i> перед гласными непереднего и переднего ряда.	<i>bólómo,</i> <i>kol'd'ěc,</i> <i>potolók,</i> <i>molóbóy,</i> <i>mol'j̃tva,</i> <i>pol'ána</i>	Исторически характерно для русского языка; [w] – до падения редуцированных
5	Чередование <i>[l]</i> и <i>[w]</i> с <i>[w]</i> в абсолютном конце слова и перед глухим согласным	<i>páška</i> (палка), <i>lá[w]ka</i> (лавка)	
6	Долгий шипящий может произноситься как <i>[ш'ч']</i> , <i>[шч']</i> , <i>[шч]</i> наряду с <i>[и:]</i> .	<i>ш'ч' ўка,</i> <i>йэшч' б', дóшч</i> (дождь)	<i>[ш:]</i> – более поздний вариант
7	Ассимилятивное прогрессивное смягчение заднеязычных согласных	<i>doғč' k'ja</i>	
8	Произношение отдельных слов: <i>что</i> , <i>когда</i> , <i>дыра</i> , <i>помню</i> и др.	<i>[шч']о</i> или <i>[шт']о</i> , <i>ко[вды']</i> или <i>ко[лды']</i> , <i>ð[и]ра</i> , <i>пом[л']у</i>	
МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ			
1	Общая форма тв. и дат.п. сущ. мн.ч.	<i>с пустым вёд-рам</i>	Севернорусская диал. черта
2	Формы с ударным личным окончанием в дат. и пр. п. сущ. 3 склонения	<i>на лошадé,</i> <i>по грязé</i>	
3	Формы прилагательных с двусложным окончанием род.п. ед.ч. ж. рода	<i>у моло[дый]а,</i> <i>бол'[шый]а,</i> <i>у как[ей]а</i>	Ср. также белозерско-бежецкие говоры
4	Формы род. пад. ед. числа мест. и прил., в которых отсутствует согласный звук:	<i>моо</i> (моего), <i>коо</i> (кого),	
5	Формы сравн. степени с суффиксом <i>-ай-</i>	<i>доб[р'а]йе</i> (добре), <i>ско[р'а]йе</i> (скоро)	Ср. онежские говоры
6	Формы указательных местоимений в род. пад.	<i>тойо</i> , <i>тыйо</i> , <i>тыйе</i> , <i>тыйа</i> , <i>однойо</i> , <i>одные</i> .	Ср. ладого-тихвинские говоры
7	Употребление возвратного постфиксса <i>-с'э</i> // <i>-с'о</i>	<i>умыл[с'е],</i> <i>умойеш[с'о]</i>	В ладого-тихвинских <i>-си</i> / <i>-сы</i>
8	Формы инфинитива глагола на <i>-чи</i>	<i>печи</i> , <i>стеречи</i> или <i>пекчи</i> , <i>сте-реччи</i>	Северо-восточная диалектная зона
9	Употребление глаголов 2-го лица мн. числа с ударением на конечном гласном окончания	<i>сиди[тэ], си-ди[т'о]</i> (сидите), <i>несе[тэ], не-се[т'о]</i> (несёте)	Северо-восточная диалектная зона

10	Отсутствие морфонологических чередований в личных формах глагола	<i>спио, колотио, просю;</i> <i>пекошь, берегошь, лягёт.</i>
СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ		
1	Уподобление постпозитивной частицы финалям грамматических форм слов	<i>отéц-то, бáбата, дéвку-ту, бáбы-те</i>
2	Распространение безличных предложений с главным членом — страдательным причастием и объектом в форме вин. пад.	<i>всю картошку съéдено</i>

Ладого-тихвинские говоры распространены в крайней западной части Вологодской области (Чагодощенский и Бабаевский р-ны), а также в восточной части Ленинградской области и в северной части Новгородской области. Эта группа говоров входит в ареал северо-западной диалектной зоны и по ряду языковых черт противопоставляется восточным северорусским говорам Вологодской и Костромской групп. Общее происхождение от древненовгородского диалекта роднит ладого-тихвинские говоры с другими диалектными объединениями северо-западной диалектной зоны — среднерусскими Новгородскими и Гдовскими говорами, представленными на территории Новгородской и Псковской областей Российской Федерации. По классификации 1915 г. ладого-тихвинские говоры входили в состав Западной (Новгородской) группы Северновеликорусского наречия. Черты ладого-тихвинских говоров встречаются в говорах межзональных объединений северного наречия, а также в говорах Архангельской области.

Территория распространения ладого-тихвинских говоров находится в ближайшем соседстве с Приильменьем — древнейшим историческим центром древненовгородского диалекта. События политической истории Средневековья (утрата независимости Новгородской республики в XV в., перемещение русского населения в конце XV — начале XVI вв. в районе озера Ильмень) привели к тому, что ладого-тихвинские говоры в большей мере сохранили языковые черты древненовгородского диалекта, чем говоры современной Новгородской группы. Результатом этого развития, а также активных контактов с носителями финно-угорских языков стали такие изменения, как переход от семифонемной к пятифонемной системе вокализма; завершение перехода [ě] в [u]; отсутствие перехода [a] в [э] как в других северорусских говорах; формирование системы согласных фонем, пар-

ных по твердости-мягкости; переход от системы с губно-губным спирантом к системе с губно-зубными фонемами; формирование различия аффрикат и отвердение /ч/; сужение ареала распространения шепелявых свистящих и ареала /w/ на месте /n/ в конце слова и слова; сохранение твердых губных в конце слова и др. Другие характерные черты данной группы говоров представлены в таблице.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ			
1. Произношение гласных, соотв. этимологическим /e/, /ě/, /a/, после мягких под ударением			
А) перед твёрдыми согласными			и '[o]с, б 'и]лой, п 'а]той
Б) перед мягкими согласными			д[e]н 'зv[и]р, п 'а]т'
В) на конце слова ([и], восходящее к /ě/):			на стол[и], к себ[и], гд[и]; том — ти (как в Онежской группе говоров)
2. Произношение гласных, соотв. /e/, /ě/, /a/, после мягких в первом предударном слоге			
А) перед твёрдыми согласными			и '[e]су́ и и '[o]су́, р 'и]ка́ (и р[e]ка́ нр 'а]дý)
Б) перед мягкими согласными			и [e]си или и [и]си; р[и]кé или в р[e]кé, нр 'а]ди
В) на конце слова ([и], восходящее к /ě/):			на стол[и], к себ[и], гд[и]; том — ти (как в Онежской группе говоров)
3	Различение твёрдых звуков /ч/ и /ч/:	[чи]тат', [ча]сто	Северо-западная диалектная зона
МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ			
1	Отсутствие согласного на конце флексий 3-го лица	нес'[о] (несёт), дела[йо] (делает)	Ср. онежская группа говоров
2.	Употребление йотированных форм местоимений 3-го лица	йон, йона, йоны	Западная диалектная зона
3.	Употребление /э/ и /о/ у гл. I спр. в формах 3 л.ед. ч. и 1 л. мн. ч.	нес'[е]т и нес'[о]т, нес'[е]м и нес'[о]м	
4.	Употребление мест. она в вин.п.	ай	В южн. части - ай
5	Формы дат. и пр. п. ед. ч. с окончанием -и (-ы) у существительных ж.р. на -а:	к земл[и], к жон[ы], на руц[и]	Северо-западная диалектная зона
СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ			
1.	Употребление деепричастий прошедшего времени в качестве сказуемого:	поезд ушёвши	Западная диалектная зона
2.	Употребление предлога с / з вместо из	приехал з города, вылез с ямы	

3	Прямое дополнение при инфинитиве в форме им. пад. сущ. ж.р. окончанием <i>-a</i>	<i>пошёл косить трава́, копа́ть картошку</i>	В восточной части
4	Употребление форм диалектного перфекта в функции сказуемого	<i>у меня воды при-несено, у меня ко-рову подено</i>	Северо-западная диалектная зона

Жители Вытегорского района Вологодской области являются носителями **онежских и лачских говоров** (ареал их распространения определяется территорией вокруг Онежского озера и озера Лаче). Среди характерных черт Онежских говоров ученые называют произношение *ê* под ударением [*lêc*] в соответствии с безударным [*u*]: в [*л'ic'i*], непоследовательный переход [*a*] в [*э*] между мягкими [*gr'эc'*], наличие сложных долгих шипящих [*иch'*], [*шт'*] и [*жэдж'*], [*жэд'*]: [*иchука*], [*прийэзжэд'ай*], произношение [*û*] в конце слова и перед глухим согласным в соответствии с [*л*]: *быû*, *жыû*, *паûка*, употребление звука [*γ*] в окончаниях: *доброуо*, *тоуо*; присутствие окончаний прил. ж.р. род. и дат.п. с [*э*]: *молодэй*, синтаксические конструкции с частицей *да*: *сын дров нарубил да*, *живёт сын да дочь да*. Непоследовательно в этих говорах представлены остатки цоканья, мягкость шипящих, следы «второго полногласия»: *столоб*, *холом*, употребление мягкого согласного в окончаниях форм глаголов 3 лица: [*ход'шт'*, *знайэт'*]. Лачские говоры (Ковжозеро, Кемозеро, восток Вытегры) также реализуют характерные черты севернорусских говоров западной диалектной зоны.

Между восточной и западной диалектными зонами, образуемыми пучками изоглосс в пределах северного наречия, располагаются межзональные группы говоров. Наиболее значительную из них по территории распространения в Вологодской области составляют **белозерско-бежецкие говоры**. Они распространены на территории современных Кирилловского, Белозерского, Вацкинского, Кадуйского, Череповецкого и частично Бабаевского районов Вологодской области. Формирование белозерско-бежецких говоров определила судьба древнего Белозерья, исторически связанного с Новгородской и Ростово-Суздальской землями [Макаров, 1997]. В говорах этой группы отмечаются такие черты, как тяготение к екающему произношению гласных в первом предударном слоге: [*с'эстры*, *в л'эсу*, *н'аток* – *н'эс'ом*, *б'эл'у* / *б'ил'у*, *гл'ад'и*] и сохранение заударного ёканья: [*вын'осу*, *оз'оро*, *д'эр'евн'ой*, *д'ад'ой*], употребление ч и ч' (*[ч'ай*, *н'эчош']*), нестяженное окончание прилагательных [*краснуйу*, *б'элуйу*] в сочетании с выпадением интервокального [*й*] на стыке основы и окончания глаго-

лов: [работа~~з~~и], безударный постфикс *-сы* в составе возвратных глаголов: [бойалсы], некоторые лексические локализмы: *певун*, *певун* «петух», *мырчать*, *мыркать* «мыгчать», *будать* «бодать» и др. (подробнее см.: [Бувальцева, 1955; Галинская, 2002; Михова, 2006; др.]).

Научная систематизация материала дала диалектологам возможность классифицировать говоры исторического Белозерья как межзональные северного наречия [Карта № VI ДАРЯ «Диалектное членение русского языка»; Захарова, Орлова, 1970: 120]. Особенность межзональных говоров заключается в том, что на территории их распространения имеет место взаимоналожение ареалов противоположных (с географической точки зрения) зон. На территории Кирилловского района Вологодской области наблюдается взаимовлияние северо-восточной и северо-западной диалектных зон. Языковые явления, характерные для того и другого объединения, существуют на общей территории и могут быть распространены в разной степени. Исследователями отмечается, что для межзональных говоров характерно «наличие ареалов некоторых явлений, в основном распространённых на других, далёких от неё территориях» [Захарова, Орлова, 1970: 116]. Важно отметить следующее: для межзональных говоров некоторые черты, определяющие специфику северного наречия, встречаются здесь наиболее последовательно. В то же время встречаются и отличительные особенности, присущие только этой группе говоров. Многие из этих особенностей привлекали внимание диалектологов в контексте описания фонетических, лексических и грамматических особенностей русского диалектного языка.

2.3. Говоры Кирилловского района Вологодской области в контексте лингвистического описания северорусских диалектов

Фонетические особенности говоров Кирилловского района Вологодской области впервые были системно изучены в связи с подготовкой «Диалектологического атласа русского языка». Для местной интеллигенции были высланы анкеты – опросники с точными указаниями по сбору материала. Работа проводилась учителями, врачами, живущими в данной местности. Возможно, что на некоторые пункты анкеты были получены скудные ответы. Свидетельством этого служат те карты ДАРЯ, где при лингвогеографическом описании диалектных явлений присутствуют «белые пятна» на территории современного

Кирилловского района. Соседние Белозерские говоры были описаны К.В. Горшковой [Горшкова, 1968] и Н.М. Бувальцевой [Бувальцева, 1955]. Используя данные, собранные в середине XX века, исследователи отмечают яркие особенности живой речи, объясняют функционирование тех или иных диалектных особенностей с позиции исторического развития русского языка. Наиболее последовательно в диалектологических исследованиях описаны явления *консонантизма* говоров исследуемой территории: качество звонких губных согласных ([v], [v'], [w] или [y]), качество и функционирование аффрикат [ç'] и [t'], особенности произношения долгих шипящих, качество [l] в различных фонетических позициях, специфика произношения сочетаний [dn], [bm], утрата конечного согласного в сочетаниях [st] и [c'm], а также выпадение [j] в интервокальной позиции [Зеленин, 1913; Аванесов, 1949; Орлова, 1959; Горшкова, 1972; др.].

Лексика говоров Кирилловского района интересовала исследователей в связи с подготовкой диалектных словарей [СРНГ; СРГК; СВГ; др.] и лингвистических атласов [ДАРЯ; ЛАРНГ; Мызников, 2003; др.], а также для решения ряда других научных задач. Наиболее масштабный научный вклад в изучение лексики исторического Белозерья внесла Ю.И. Чайкина. В её работах на основании лексических данных уточняются диалектные границы внутри данной территории [Чайкина, 1975; Чайкина, 1976; Чайкина, 2005; др.], описывается ономастическое пространство региона [Чайкина, 1969; Чайкина, 1984; Чайкина, 1988; Чайкина, 1989; Чайкина, Смольников, 2001; др.], реконструируется система промысловой лексики Северной Руси [Чайкина, 1986; Чайкина, Новосёлова, 1999; Словарь промысловой лексики, 2003; др.], делаются выводы о характере межъязыковых контактов русских с финно-угорским населением края [Чайкина, 1977; Чайкина, 1988; Чайкина, 1989; др.].

Грамматические особенности кирилловских говоров изучены значительно меньше, чем явления фонетики и лексики. Явления морфологии и синтаксиса, имеющие отношение к определению диалектных границ в Северной Руси, описаны в фундаментальных трудах по исторической диалектологии [Образование севернорусского наречия, 1970; Горшкова, 1972; др.] и по грамматике русского диалектного языка [Бромлей, Булатова, 1972], отражены на картах «Диалектологического атласа русского языка» [ДАРЯ, 1986] и в исследованиях, посвященных типологии русских говоров [Пшеничнова, 1996]. Это такие грамматические особенности исследуемых говоров, как наличие

форм местоимений и прилагательных р.п. ед.ч. без согласного (*молодо́о, новоо, ко́о* и др.), образование форм д.п. и п.п. ед.ч. личного местоимения от основы *-мен-* (к *менé, об менé*), наличие [ф] в окончаниях р.п. и п.п. мн. ч. прилагательных и п.п. мн. ч. существительных (без *молоды́ф, в больши́ф домáф*), специфические формы инфинитива с основой на заднеязычный согласный (*стеречí, сечí, печí*), произношение долгого согласного в формах 2 л. ед.ч. возвратных глаголов (*смёё[ши]а*) и некоторые другие особенности.

В последние десятилетия говоры Кирилловского района активно изучаются в области исследования структуры слова [Шаброва, 2003; Ильина, 2012; др.]. Привлекает внимание явление формально-семантической вариативности морфем и основ в структуре диалектного слова (*опрахотиться, обряхотиться, обряхощиться* и др.), сохранение в говорах Кирилловского района архаичных деривационных связей, утраченных в литературном языке и других территориальных диалектах (*нурить-изнурить, завирить-завирать-завор*), и ряд других явлений.

Обзор диалектологических исследований, посвященных говорам Кирилловского района Вологодской области, убеждает нас в том, что различные диалектные явления, представленные на этой территории, изучены неравномерно. Следовательно, данные говоры могут быть объектом повторного обследования. Несомненный научный интерес они представляют как «переходные». История края свидетельствует, что население данной территории было неоднородным, долгое время на политическую и экономическую сторону развития местных населённых пунктов оказывало своё влияние Новгородское и Ростово-Суздальское княжества. Ассимиляция финно-угров, скандинавов и славян нашла своё отражение в языке, сохранившем некоторые устойчивые черты и до настоящего времени.

Необходимо сказать и о том, что в настоящее время на территории Кирилловского района Вологодской области расположены гетерогенные по своему характеру населённые пункты. Кириллов и Ферапонтово – культурные центры мирового уровня. Сюда приезжают туристы со всего земного шара. Высоко развита торговля, связь, туризм, инфраструктура. Степень влияния русского литературного языка на живую речь местного населения достаточно высока. В то же время существуют отдалённые деревни, в которые не ходит транспорт. Люди живут отдельной, закрытой группой, изредка добираясь пешком до деревень, куда приезжают автолавки. В таких населённых пунктах живут старые люди, сохранившие в своей речи архаичные черты ме-

стного говора. Записи бесед с этими информантами представляют собой бесценный материал. В результате фиксации образцов речи таких информантов можно выяснить, как происходит развитие говора, что исчезает, и какие черты являются наиболее устойчивыми.

Масштабное исследование говоров различных территорий России, осуществлённое во второй половине XX века, позволило определить говоры Кирилловского района Вологодской области как переходные северорусские говоры, обнаруживающие локальные черты, сформировавшиеся на исследуемой территории в результате взаимодействия древненовгородского и ростово-суздальского диалектов, а также вследствие активных языковых контактов славянского и финно-угорского населения на этой территории. Вместе с тем развитие средств массовой информации, усилившее роль литературного языка в регионе, а также социально-экономические изменения на Русском Севере, следствием которых стало сокращение сельского населения, переселение уроженцев Кирилловского района в индустриальные центры страны (Череповец, Мурманск, Воркута, Мончегорск, Апатиты и др.), привело к значительным языковым изменениям на исследуемой территории. Поэтому в последние десятилетия в Кирилловском районе Вологодской области активизировалась работа, направленная на повторное исследование народной речи. Результаты сбора диалектных слов на данной территории вошли в картотеки «Словаря вологодских говоров» и «Лексического атласа русских народных говоров». Фонетические наблюдения над говорами Кирилловского района описаны в диссертационном исследовании Н.Г. Миховой «Говоры Кириллоовского района Вологодской области: фонетический аспект» [Михова, 2006]. Наблюдения в сфере диалектной морфемики и словообразования представлены в электронной базе данных «Диалектного словаря строения слов» [Ильина, Крылова, Никифоров, 2013]. В следующих параграфах данной главы будут представлены некоторые итоги этих исследований. Не претендуя на полноту описания фонетической, лексической и грамматической систем исследуемых говоров, мы представляем результаты наблюдений, полученных нами в процессе записи народной речи в ходе диалектологических экспедиций 1988–2013 гг.

§ 3. Фонетические особенности живой речи жителей Кирилловского района Вологодской области

Кирилловский район занимает особое место на территории Вологодской области. Археологические находки свидетельствуют, что именно здесь проходили разные миграционные потоки; освоение географического пространства было хронологически неравномерным: в разные исторические периоды преобладающее население было неоднородным – финно-угорские племена, новгородские или ростово-сузdalьские переселенцы.

Ассимиляция населения повлияла на речь местных жителей. В настоящее время мы можем не только увидеть это в названиях, отдельных словах, но и услышать в разговоре с местными жителями. Наблюдения за живой речью жителей Кирилловского района Вологодской области позволяют говорить о том, что в настоящее время, безусловно, в большинстве случаев преобладает региональный вариант литературного произношения, однако можно услышать те специфические черты в произношении, которые отличают речь местных жителей от речи людей, проживающих на соседних территориях.

1.1. Произношение гласных звуков

Как и на многих других северных землях, на территории Кирилловского района Вологодской области распространено *полное оканье*: различение гласных фонем неверхнего подъёма во всех предударных позициях: *проход'ыло, соб'ерал'и, воротушк'и-то, подошлá, гормон'ыст, с молоды'х л'ёт, роб'ат'ышк'и, соб'ер'ом, по топоч'ын'е, созывал'и, молокó, проход'й, говор'ыл'и, прогор'ат', погл'ад'и, ворон'ец, грохотулъ-то, ф полов'ын'е, вм'есто сковороды', солон'ынь, по гороц'кому, волохóй пр'икрываал'и, в огород'е, сковородн'ик, солон'ык, корас'оф лов'ыл, простоквáшъ*.

Часто можно услышать [о] в заударных слогах: *н'и* было с *тóпкой*, *т'еплá-то* м'én'ше, *ухажóроф* – *то*, *налóжено*, *в гóрот*, *хóлодно*, *кон'е́шно*, *зъ дв'енаццет'* к'илóм'етроў, *слом'ыло* в'éтром и др. Употребление гласного звука [о] в заударном слоге после твёрдых согласных у молодых информантов встречается достаточно регулярно (особенно в северной части района).

Можно встретить и неполное оканье: *ф коухóз'е, кудá пошл'ут, полóжым, потóм, стойт, сорокá годóй, родны'х, богáты́ж, кост'у́моф, ход'ыл'и, водóй, морóшкъ, в огорóд'е, подру́шка,*

кол'ёч'ко, корз'йноч'къ, потом, пошл'й, сосул'к'и, ход'йл'и, короюа, ворон'ёц, п'ирог'й, ф' полов'йн'е, скот'йн'е, горбуху, з' водой, хоз'айн, нос'йл'и, подовал'и, гораздо, окол'ёла, зов'ом, хорбша, горшк'й, болото, однá топышынá и т. п.

В живой речи жителей в этой местности можно распространено *еканье* или *иканье*. Иногда эти фонетические явления "соседствуют" друг с другом: в речи жителей одной деревни (а иногда даже в одной семье) по-разному произносят слова. Хотя в большинстве случаев ареалы распространения еканья и иканья различны. Приведем некоторые примеры екающего произношения: гласный *<e>* в первом предударном слоге после мягких согласных реализуется в звуке [e]: д'ержáл'и, в'ер'офкам'и, п'ер'елáс (забор), с'м'етáну, ф' с'ер'ед'ё, б'ес'ёды, ст'ел'йл'и, п'екл'й, р'еб'áта, пом'елом, ухл'естáла, в'ес'ел'ёй, пр'еснúшк'и, б'едно, л'ешиш', п'еку, сл'ед'йл'и, подб'ер'б'озов'ик'и, д'ер'ёйн'а, т'ен'ёп', вос'емнáцат'и, подв'езу́т, н'емношко, б'ессов'есна какá, до п'етрóва дн'й и т. п.

Приведённые примеры свидетельствуют, что произношение [e] наблюдается как перед твёрдым согласным (позиция С'ГС), так и перед мягким (позиция С'ГС').

При прослушивании диалектных текстов встретились случаи функционирования [e] на месте [i] в безударном положении в позиции С'ГС и С'ГС': гр'ебóф, н'екáк, сл'езáл'и с'м'етáну, х'еру́рк, н'ектó, н'е хóч'ут, наб'евáјут гл'йной, д'ев'еносто.

Иканье можно встретить, например, в следующих образцах речи: [а вóт постáв'ат бл'ю́до нъ с'ир'ио'йну / даk вóт т'а́н'исс'и и яéш // а тák яéс'и фс'ем по тарéу́к'и / даk у-у / рáн'ши как'ије тар'еу́к'и / н'иќак'иx тар'ёлок / н'иц'о н'е было // ну проз'евáјеш' даk / на́до хл'ебáт' быстр'ёje // тóл'ко лóшик'и м'ел'кáјут јиd'áт / в'однóм бл'ю́д'e и јиl'и // картошку свáр'ат / ф' ц'угу́н / или гориоќ там называеџцы //].

В настоящее время случаи функционирования иканья незначительны. Подобное произношение можно встретить в речи жителей старшего поколения, у более молодых информантов, как правило, чаще встречается гласный [e] в первом предударном слоге после мягких согласных. Вероятно, вытеснение иканья еканьем – одна из особенностей развития говоров Кирилловского района Вологодской области. Следует заметить также, что еканье является прогрессирующей и устойчивой в диалектном отношении чертой. Этот тип безударного вокализма характерен для речи разных по возрасту жителей Кириллов-

ского района и не воспринимается ими как «непрестижная» особенность в произношении.

Особо нужно сказать о таком явлении как *ёканье*. Примеры подобного произношения немногочисленны (*в'олós'*, *в'оснá*, *тр'опáт'*, *л'ожы́т'*, *н'окýт'*, *б'орýт'*, *с'острá* и некоторые др.), но оно распространено по всей территории Кирилловского района. Изучение диалектных материалов позволяет говорить о том, что в настоящее время ареалы распространения данной фонетической черты сузились, подобное произношение встречается преимущественно в северной и восточной частях изучаемой территории. *Ёканье* – особенность речи женщин старшего поколения, сохранившего архаичный слой диалекта. У молодых информантов, а также у мужчин данная особенность не встречается. Возможно, *ёканье* является слабоустойчивой диалектной чертой и исчезает из говора под влиянием литературного языка.

1.2. Произношение согласных звуков

В живой разговорной речи жителей Кирилловского района Вологодской области сохранились черты, отличные от литературного произношения. Особенно ярко это заметно при произношении согласных. Остановимся лишь на самый ярких и наиболее частотных из них. Так, например, *качество звонких губных спирантов* может быть различным ([в], [в'], [w] или [ў]). Ученые-диалектологи (Р.И. Аванесов, К.В. Горшкова, Н.А. Липовская) отмечают, что многообразие произношения данных звуков связано с тем, что на территории современного Кирилловского района Вологодской области существуют различные группы говоров. «... фонемы *в*, *в'* в одних говорах полностью относятся к сонорным, в других в большей или меньшей степени приближаются к ним, входя, в основном, в категорию шумных согласных. Но во всех русских говорах перед *в*, *в'*, как и перед сонорными, глухие и звонкие различаются. Эти противоречия в отношении места фонем *в*, *в'* в системе согласных русских говоров объясняются развитием этих согласных из звука *ў*. А, как известно, сонорные звуки являются промежуточными между гласными и шумными согласными. Более старые отношения, видимо, сохранены теми говорами, в которых *в*, *в'* еще полностью относятся к категории сонорных согласных» [Аванесов, 1949: 149].

Анализ звучащего материала, записанного в Кирилловском районе, позволяет говорить о реализации *<в>* в звуке [w] на данной территории.

А) Перед глухим шумным согласным: з'имóшкъ, д'éwkъ, мутóшка, л'итóшк'и, нъ в'ер'óшк'и пл'ел'й, голóшку, [сопогóш-то] н'емнóго, п'ирогóш-то, шытóшкъ, з'имóшкъ, Ивáношкъ, луц'кóшкъ, лáшкъ, св'екрóшкъ, подос'иношку найд'óш, сл'ишк'и, кладóшкъ, лыч'кóшкъ, ножóшкъ.

Б) Перед сонорным согласным: бráт Пáшло, бр'óшнъ, w д'ер'éшн'е, прáшнүц'ка, шнүц'ка, шм'йст'и (вместе), дашнó, замушишъ ф свою д'ер'éшн'ý, П'етрóшнъ, картошн'ик'и, рóшный.

В) Перед звонким шумным согласным: w д'ер'éшн'е, прáшда.

Г) На конце слова: лаборáнтош, маст'ерош, коч'егáрош, компр'ессоришишкош, дрóш н'е разр'ешáјут руб'áш'; п'ёт' годóш; около п'ен'кóш, п'ёт' ц'асóш, гр'ибóш, корóш, зъ п'етнáццат' к'шлóм'епрош, П'етрóш дéн', Ивáнош дéн', тапúшн'икóш над'ёлаш, горóховн'икош, п'ирогóш, зúпц'икош, хл'éш, колоскóш, по д'ев'ем'и спонóш.

Следует отметить, что произношение [w] на конце слова не встретилось в центральной части Кирилловского района. При изучении говора села Ферапонтово и близлежащих деревень не было зафиксировано подобного произношения.

Д) В середине слова перед гласным: оwéц, обношáжышаў, б'ес корóшы н'е жывáл'и; ф Корóшино, крошáткъ, убáшил'и, Ивáн Ст'епáношич', п'áм' п'ёрвых клáссов, голошолóмк'и, продашáла, съмошáр, гоwóр'áш, на с'éшер'е, не бáшошал'и, п'ёрший, полошикóф, счёжеш (свяжешь), фтороó аwгуста, нъ Еwгráфовых похожса, нашéр'х, острошом, набишáјут, ес' дwoюj'роднаја с'истрá, д'éшерь, оwдошéла, б'ёлошо, ц'óрношо.

Е) В начале слова употребление [w] на месте [v] ограничено. Зафиксировано всего несколько слов, в которых встречается подобная замена. Следует при этом отметить, что частотность такого произношения слов очень высокая. Примеры: wóт, wál'енк'и, wóс'ем, wс'ák'ий.

Необходимо сказать о том, что замена [v] на [w] встречается в речи информантов в пределах одних и тех же тематических групп. Для каждой части Кирилловского района можно определить ядро и периферию такого лексического поля. Слова, в которых на всей территории района встречаются диалектные реализации (замена [v] – [w]), следующие: девки, вом, дров, коров, деревня.

Следует заметить, что на всей территории Кирилловского района Вологодской области наблюдается позиционная мена согласных *[в]//[ф]* в соответствии с нормами современного русского литературного языка: *[ф]сéх этих, дé[ф]ки, дерé[в]ню, пять килóметро[ф], де[в]ок-то много, [в]месте, [ф]торóй, [ф] коúхóзе, клюк[в]у, да[в]али, [в] Моск[в]е искать, с[в]Jóку, от[в]Jéрстie, с [в]одóй, пý[в]о [в]арíли, коро[в]а, о[ф]у'и*. Количество случаев литературного произношения (в его региональном варианте) варьируется в зависимости от населённого пункта. Например, в с. Ферапонтово нормированное произношение преобладает, а в более отдалённых от административных центров населённых пунктах диалектные и кодифицированные варианты функционируют синхронно в речи старшего поколения. Именно старшее поколение лучше сохраняет в своей речи языковые традиции говора.

Интересен тот факт, что при употреблении слова *церковь* на всей рассматриваемой территории встречается твёрдое произношение последних согласных: *цéркva, цéркva, цéрко[ф]*.

Замена предлогов *у* – *в*. В живой речи населения на всей территории Кирилловского района спорадически наблюдаются замены предлогов *у* – *в*. Как правило, данное явление встречается в беседах со старшим поколением, у молодых оно почти отсутствует. В процессе многократного прослушивания записей живой речи были выявлены единичные случаи диалектного употребления в центральной и южной частях Кирилловского района: *ў д'ер'евн'áх-то, ў л'иесу, ў Попóвк'e, ў потоук'е*.

На севере и северо-востоке изучаемых территорий такое произношение более частотно и встречается у лиц не только старшего, но и среднего возраста. В настоящее время функционирование предлога *в* на территории Кирилловского района большей частью соответствует литературной норме.

Качество и функционирование аффрикат. На современном этапе развития русских народных говоров употребление аффрикат разнообразно, даже в пределах одного региона можно встретить различные случаи употребления этих звуков. Историки языка утверждают, что совпадение *[ч']* и *[ч']* в одном звуке – одна из древнейших языковых черт. В отличие от других диалектных явлений цоканье встречается в памятниках письменности, относящихся к отдельным регионам, начиная с XI века. Особенность цоканья заключается в том, что данная диалектная черта встречается и на территории, где распространено северорусское наречие и где – южнорусское. В некоторых регионах

наблюдаются «белые пятна» – ареалы, где это явление отсутствует. В процессе работы над составлением «Опыта диалектологической карты в Европе» эта особенность была отмечена и констатирована как факт [Орлова, 1959: 5].

В исследованиях Д.К. Зеленина, посвященных живой речи деревенских жителей Белозерского и Кирилловского уездов, приводится ряд слов, свидетельствующих о наличии мягкого цоканья, ранее распространённого в этой местности [Зеленин, 1913: 507–508]. Однако цоканье в фундаментальном труде Д.К. Зеленина не являлось предметом детального рассмотрения, поэтому, к сожалению, невозможно точно определить границы территорий, где встречалось данное явление в XIX в. Только последующие наблюдения и созданные позднее описания русских народных говоров дают более чёткую картину распространения и функционирования аффрикат на данной территории.

С 1946 г., когда стали активно собираться данные для создания Диалектологического атласа русских народных говоров (далее – ДАРЯ), вопросу о функционировании аффрикат в русских говорах уделялось особое внимание, детальное изучение материала сопровождалось его картографированием.

В научной литературе, посвященной описанию фонетических диалектных черт, отмечается, что устойчивость таких особенностей может быть различной, степень изменений зависит не только от социально-лингвистических характеристик, но и от фонологической и артикуляционной базы говора. Цоканье рассматривается как неустойчивый элемент диалектной фонетической системы. Отход от цоканья – это специфический процесс, гиперкорректизм, свидетельствующий «об активном участии языкового сознания говорящих в процессах языкового развития» [Кузнецова, 1975: 143].

А.М. Кузнецова отмечает, что диалект подвергается не только влиянию внешних условий (например, воздействие литературного языка), но и внутренних факторов, которые определяют специфику диалектной системы и степень её устойчивости. Диалектные явления, контрастирующие с литературной нормой и являющиеся непрестижными для современных носителей говора, перестраиваются, изменяя всю систему в целом. В число подобных явлений входит цоканье – неразличение аффрикат [ч] и [ч']. Особо подчёркивается, что «эти особенности обычно оказываются слабоустойчивыми при воздействии с литературным языком и быстрее подвергаются преобразованию» [Кузнецова, 1975: 139]. Действительно, цоканье и чоканье – яркие фонетические явления, на которые обращают внимание все, а не только

лингвисты. Сами деревенские жители, те, кто не является носителем этой диалектной черты, нередко отмечают в беседе, что "там говорят не по-нашему", "красиво так говорят", "чирикают".

В.Г. Орлова в своём фундаментальном труде «История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров» подчёркивает, что изучение функционирования аффрикат позволяет проследить историю развития говора. Чёткие изоглоссы, очерчивающие ареал функционирования диалектных явлений, представленные на лингвистических картах, отражают передвижение и расселение групп восточных славян в процессе истории [Орлова, 1959: 17].

На территории Кирилловского района Вологодской области отмечены различные варианты функционирования [ч] и [ч']. В.Г. Орлова, описывая диалектный язык Вологодской области в середине прошлого столетия, отмечала наличие большого количества параллельного существования цокающих и нецокающих говоров. «В состав этой территории в направлении с севера на юг входят следующие районы Вологодской области: Ковжинский, Ивашкинский, *Кирилловский* (курсив наш – Н.М.), Кубено-Озерский (в этом районе вообще отмечены только нецокающие говоры), восточная часть Петриневского района, Чёбсарский (здесь также отмечены только нецокающие говоры), Мяксинский, Вологодский, Сокольский, Междуреченский, Грязовецкий, Лежский...» [Орлова, 1959: 27].

Материалы, собранные в послевоенные десятилетия, дают достаточные основания выделить территорию северо-востока русских народных говоров как ареал распространения мягкого цоканья. Анализ карты «Границы между говорами с различным употреблением аффрикат в сочетании с границами между «землями» второй половины XII – первой половины XIII вв.» (см. [Орлова, 1959]) показывает, что восточная и северо-восточная части современного Кирилловского района в этот период находились на территории исторической Ростово-Сузdalской земли. Остальные земли входили в состав Новгородского княжества. Вероятно, влияние древних диалектов привело к тому, что в одном и том же регионе наблюдаются различные диалектные черты. Происходит взаимовлияние и смешение диалектных особенностей.

Материалы лингвистических карт ДАРЯ – № 47 «Различие или совпадение согласных на месте [ч] и [ч']», № 46 «Согласный на месте [ч']», № 45 «Согласный на месте [ч]» – дают этому подтверждение: на территории Кирилловского района наблюдаются стыки изоглосс, очерчивающих границы распространения отдельных диалектных черт. На сравнительно небольшой территории были отмечены следующие

явления: мягкое и твёрдое цоканье, местами мягкое чоканье (все явления могут встречаться в единичных случаях). Однако карты дают лишь приблизительное представление, точно очертить границы распространения диалектных явлений возможно только при более подробном изучении живой речи местных жителей.

Анализ собранного нами диалектного материала показывает, что в Кирилловском районе и сейчас можно выделить территории распространения мягкого или твёрдого цоканья. Говор деревень северной, восточной и юго-восточной частей изучаемого региона характеризуется наличием мягкого цоканья: *бл'уд'еу'ко, н'иц'о* (ничего), *истолц'ом* (истолчём), *поц'ему-тъ, луц'уе* (лучше). Следует отметить, что наиболее последовательно мягкое цоканье встречается в речи жителей «кобосбленных» деревень, наиболее удалённых от центра (например, Сусла, Коротецкая, Печеньга). Язык жителей таких населённых пунктов естественным образом «консервируется», яркие диалектные особенности встречаются в речи не только старшего, но и среднего поколения. Сами носители говора не считают такое произношение «неправильным». В то же время жители соседних деревень замечают столь яркое функционирование диалектных явлений.

Функционирование [ц'] не ограничено в употреблении морфологической структуры слова: мягкий согласный [ц'] встречается в любых формах и в различных морфемах, а также на стыке основы и суффикса.

Например, в именных образованиях: *ц'асы', м'ац'иком, гост'инц'и, н'ытоц'кьми, д'ёвоц'к'и, з'емл'ан'иц'и, стър'иц'кобф, кос'иц'к'и, собац'къ, палоц'ку, в'иц'ер'инк'и, ц'орт, быц'кá, п'ат' ц'асов, ц'ай, дбц'къ, руц'к'и, нбц', суц'я (сучья), двá языц'ка, отц'оты, с'естр'иц'къ, ц'ердак, зънав'есоц'кой, с луц'иной, ф п'еу'ку, р'еу' (речь) гоор'и, в'еу'ер'инк'и, з ды'роц'към'и, куроц'ек;*

а также в формах имён прилагательных: *богац'е, ц'орново (чёрного), сл'ибоц'ноje, ц'истой;*

в глагольных словоформах: *кбнц'илас', околац'ивъл'и, истолц'ом, вы'ц'итыл, полуц'ицъ, наколац'ивъл'и;*

в наречиях: *снац'ала, ц'асто, ны'ни'е, оц'ен', сец'ас (сейчас), вруц'нуу;*

в местоимениях: *н'иц'о (ничего), н'еу'ево (нечего), ц'о (что), ц'ево (чего), ц'о-н'ибут', поц'ему-тъ;*

в числительных: *ц'ётв'еро, ц'ётв'орты.*

Интересно, что распространение мягкого цоканья не имеет ограничения в пределах лексико-тематических групп или морфологиче-

ских характеристик слов. Примеры употребление этой диалектной особенности в материалах, собранных в середине XX века, разнообразнее и, как отмечают В.Г. Орлова и Л.Л. Касаткин, встречаются в речи практически всех жителей региона, в котором распространено данное явление. При сборе материалов для ДАРЯ было замечено: мягкое цоканье сосуществует с чоканьем, но употребление твёрдого [ч] отсутствует.

По нашим наблюдениям в настоящее время в речи жителей деревень Кирилловского района чоканье почти не встречается. Только в деревне Лобаново (северная часть Кирилловского района) было зафиксировано произношение: [а күроц'ек дák ч'ына подзывајеш]. Возможно, это следы чоканья, ранее функционирующего на этих территориях. Мягкое цоканье встречается только у жителей старшего поколения и у людей, имеющих преимущественно начальное образование или неграмотных. Те, кто получил дальнейшее образование (как правило, средне-специальное) или сезонно проживает в другой местности, не имеют яркого употребления мягкого [ч']. В речи таких информантов наблюдается либо произношение, соответствующее литературной норме, либо частичное употребление слов с мягким [ч'] (большей частью в именных формах). А вот употребление [ч'] в основном соответствует литературной норме: [ч']ай, [ч']еловéк, дéво[ч']ка, тел'óно[ч']ек, [ч']éтверо, знá[ч']ит, молó[ч']ный, электрич'кой.

Многократное прослушивание записей живой речи, собранных в западной и центральной частях Кирилловского района (с. Ферапонтово и близлежащих деревенях – Яршево, Кнышево, Усково, Щёлково, Теряево, Глебовское, Нефедьево, Акулово, Родино, Мыс) показывает, что здесь ранее было распространено твёрдое цоканье, которое в настоящий момент встречается лишь спорадически. Большинство проживающих употребляют аффрикаты в соответствии с литературной нормой. Вероятно, это связано с активным влиянием литературного языка в данной местности. Ферапонтово – мощный культурно-исторический комплекс, который ежедневно посещает огромное количество туристов из разных стран. Ежегодно туда приезжают специалисты и люди творческих профессий, историки, художники, культурологи. Почти всё население села занимается обслуживанием музея и сохранением культурных ценностей. Администрацией музея организована работа с молодёжью с целью передачи культурного наследия будущим поколениям. Как следствие, идёт активный процесс размы-

вания диалекта, ухода из живой речи ярких фонетических черт, контрастирующих с литературной нормой.

Ранее цоканье (твёрдое и мягкое) было широко распространено на территории Кирилловского района Вологодской области. Материалы карт ДАРЯ № 45, 46, 47 подтверждают эти наблюдения. Данные, собранные в пятидесятые годы прошлого века, говорят о том, что здесь наблюдалось произношение [ц] и [ч], соответствующее литературной норме, а также цоканье (твёрдое и мягкое). В настоящее время происходит сужение ареала диалектного функционирования аффрикат на этой территории, уступая место нормированному произношению. Только в отдалённых районах у жителей старшего поколения ещё сохраняются указанные диалектные черты.

Следует отметить также, что в настоящее время невозможно определение чётких границ, отделяющих ареалы распространения твёрдого и мягкого цоканья. В некоторых (наиболее удалённых от центра) населённых пунктах архаичное произношение сохранилось у большинства жителей. Историки и лингвисты отмечают, что мягкое цоканье – особенность древнего новгородского диалекта. Можно сказать, что до наших дней сохранилось произношение, свойственное языку далёкого прошлого. Но очевидно, что диалектные особенности уходят, стираются в результате влияния литературного языка.

Качество свистящих звуков. На рассматриваемой территории наблюдается различное произношение свистящих звуков. Реализации фонем <с>, <с’> и <з>, <з’> неодинаковы в пределах этого административного района: в некоторых частях произношение приближено к литературной норме, в других – широко встречается диалектное употребление.

Качество глухих свистящих. Анализ диалектного материала, собранного в восточной и северной частях Кирилловского района, показывает: в речи местных жителей встречается различное функционирование глухого свистящего [с]. Произношение твёрдого глухого свистящего согласного [с] преимущественно соответствует литературной норме: *сóкоу́, послáт', просóх, соххóз'е – то, косы́нк'и, засол'иши* (2 лица, ед.ч.), *зъ колбасóй, насушáт, капúсты, стóяа, вы́сохн'от, сорт'иrowáл'и, сúсло-то, п'éску, нъсол'и́л-то, л'éс, масл'áть, пъскóтн'е, старúхъм, свáд'еп já н'е пóмн'у*.

В беседах с информантами нам встретился шепелявый согласный [с^ш’] или [с’] на месте мягкого глухого свистящего [с']. Фонетисты говорят о том, что шепелявость – очень мягкое произношение согласного, нечто среднее между мягкими звуками [с'] и [ш']. В научной

литературе отмечается, что «шепелявые свистящие представляют собой реликт иноязычной подосновы русского языка» [Аванесов, 1949, I: 136]. Шепелявый свистящий [с'] известен в других русских говорах. Р.И. Аванесов подчёркивает, что шепелявые свистящие сохранились на некоторых территориях Псковского края. При этом учёный отмечает, что звуки [с'] и [з'] в прошлом были широко распространены в диалектной системе русского языка.

В настоящее время признак шепелявости свистящих согласных распространён в Вятском крае и в Сибири, в среднерусских говорах Поволжья, а также в Рязанской области. Непоследовательное употребление шепелявых согласных в соответствии мягким свистящим – одна из особенностей Белозерско-Бежецких межзональных говоров северного наречия [Захарова, Орлова, 1970: 120]. А.И. Сологуб считает, что произношение шепелявых звуков в соответствии с [c], [з] – инновация позднего, обособленного развития диалекта Вологодского края [Сологуб, 1970: 43].

Своебразие говоров восточных и северо-восточных территорий Кирилловского района состоит в том, что шепелявый [с'] встречается в разных позициях:

А) перед гласными, в том числе и перед старым *<h>*, реализующимся в настоящее время в дифтонгическом сочетании [ue]: с''и'ено, с''ёна, с''и'ем (сем), ѹс''о, с''и'ем'ыро, с''и'ицу (ситицу), с''и'емнáцат', с''и'рух'и, с''и'ёрые, фс''о, на пéнс''ии, совс''иём, с''иинн'ик, с''и'ер'едá (кухня), с''и'ротá, с''и'ес'трóй, с''и'и'з'д'ил (съездил), с''и'лу, фс''и'вó (всего), от с''и'д'ёла, зъ конс''и'рвам'и, кос''и'ц'к'и, на Руc''и, из Но'вос''и'лок, на с''и'в'ер'е, ун'и'в'ерс'и'теты, с''и'жс'у, п'áт' б'ес''и'ёт, до шес''и'и'д'ес'áтмоо гóду, нам'еc''и'им, по вос''и'емнац'и'ат' л'еt, с''и'ем'я, в'ес''и'ло, с''и'хару, пр'и'н'ес''и'от, к'ерос''и'н сáм'и нос''и'л'и, с''и'ел'сов'еt'е, с''и'ам'и, кóс''и'т, относ''и'л'и, ў ги'и'с''и'е, до с''и'х нóр, ѹс''и'ем тру'дно былó, ги'и'и;

Б) в постфиксах возвратных глаголов: *жен'и́ус*''*a*, *вы́стоја́ус*''*a*, *доста́ус*''*a*, *б'еспокои́ус*''*á*, *оказа́ус*''*á* *мужы́к*, *уч'и́ус*''*a*, *об'ерн'омс*''*a*, *пожа́р-то з'д'яла́ус*''*a*;

В) перед мягкими согласными: *c'н'имáл'и, мас'л'áтъ, ѹс'т'и* (есть, кушать), *n'éc'н'и, n'éc'н'ам'и, пос'пстъ* (поспеть), *c'в'éрхъ, мéс'т'ь, кр'ес'т'ам', с'в'éм, с'н'ам, с'м'етањъ, с'в'éц'к'ијъ, с'т'огáтъ* (стегать, шить), *с'п'ервá*;

Г) на конце слова: *молодос'*, *приходыос'*, *кудá фс''о д'евáлос'*, *éс''* (есть), *в'éс''*, *род'ицáс''* дак.

В речи информантов, проживающих в д. Клеменево (восточная часть Кирилловского района), были зафиксированы следующие реализации звука [c]: [c], [c'], [ш]: *пошнич'ајут* – *посноје* – *поста*, *собирајемс'a* – *шоб'ирáемс'a*, *с'ем'я*. Такие примеры эпизодичны, круг подобных слов лексикализован. Задача диалектологов – фонетистов и лексикологов – объединить усилия и стараться зафиксировать как можно больше слов, в которых прослеживается то или иное фонетическое явление.

Необходимо сказать о том, что материалы карты № 64 ДАРЯ «Диалектное произношение мягких переднеязычных *т*, *ð*, *с*, *з* (I), мягкие шепелявые согласные на месте *ч* и *ц* (II)» (вопросы программы №№ 56, 60) свидетельствуют о распространении шепелявых свистящих в середине XX века в восточной, северо-восточной и частично юго-восточной частях Кирилловского района. В настоящее время ареал распространения данного явления значительно сузился под влиянием литературного языка.

*Качество звонких свистящих согласных [з] и [з'] в живой речи жителей Кирилловского района Вологодской области, как правило, соответствует литературной норме: *созовут*, *вывоз'ил'и*, *замуши*, *отв'езацъ*, *розд'ил'и*, *зъд'ержал'ис'*. Но наряду с указанным произношением наблюдается и специфика в употреблении звонкого свистящего согласного [з]. Случаи диалектного употребления [з'] встречаются только в позиции перед гласными переднего ряда: *з'имошка*, *з'иму*, *воз'ил'и*, *с'из'ис-т-то*, *з'ерно*, *коухоз'е*.*

В речи жителей некоторых населенных пунктов (д. Петровское, восточная часть Кирилловского района, а также в д. Коварзино – северная часть указанной территории) встретилось произношение [з'] – *вз'а́й* и даже замена [з] на [ж'] – *ж'меи*. Вероятно, в этой частной диалектной системе раннее наблюдалось функционирование шепелявого [з'], однако со временем под влиянием литературного языка утратилось быстрее, чем функционирование [с']. В настоящее время [з'] большей частью встречается в слове «зерно».

Варианты [жм'еи] и [з'м'еи] на севере района были отмечены чаще, чем на восточных территориях. Возможно, это связано с тем, что в северной части Кирилловского района Вологодской области больше обособленных деревень. Таким образом, говор в таких населенных пунктах консервируется, дольше сохраняя архаичные черты. В настоящее время эти особенности утрачиваются не только под влиянием литературного языка, но и в связи с исчезновением дере-

вень, уходом старшего поколения, являющегося хранителем прежних диалектных особенностей.

Записи живой речи, сделанные в округе с. Ферапонтово (центральная часть Кирилловского района), свидетельствуют о следующем: употребление свистящих [c], [c'] и [з], [з'], соответствующее норме русского литературного языка, преобладает над диалектным. Только в пяти населённых пунктах в речи местных жителей спорадически встречается произношение [c']. Это деревни: Мыс, Захарино, Кнышево, Погорелка, Родино, которые удалены от центра – с. Ферапонтово. Частотность употребления [c'] в живой речи незначительная. Необходимо сказать о том, что информанты либо несколько лет проживали в городах, либо имеют полное среднее образование и часто выезжают в культурные центры Кирилловского района. Вероятно, в связи с этим диалектные особенности в произношении свистящих звуков в данной части Кирилловского района размыты в большей степени, чем в других его частях.

Таким образом, в современных говорах Кирилловского района Вологодской области в соответствии с фонемой <c> литературного языка встречаются следующие реализации: [c]; в соответствии с фонемой <c'>: [c'] [c''], [ш].

Реализации звонких свистящих фонем представлены вариантами: <з> – [з], <з'> – [з'], [з'']. В большинстве случаев наблюдается соответствие литературной норме русского языка. Следует отметить, что в разных частях Кирилловского района функционирование свистящих согласных неодинаково: в деревнях восточной и северо-восточной частей Кирилловского района диалектное употребление свистящих встречается чаще, чем на других территориях.

Шипящие согласные. В древнерусском языке, как известно, шипящие звуки были мягкими согласными, и только к XIV – XV вв. они отвердели. Процесс отвердения – длительный период, в некоторых говорах рефлексы мягких шипящих встречаются до настоящего времени как реликтовое явление. Л.Л. Касаткин пишет: «Однако до сих пор в русских говорах известно произношение мягких щелевых шипящих, причём перед гласными [и, е] мягкие [ш', ж'] встречаются чаще, чем в других позициях, что свидетельствует о том, что отвердение шипящих раньше происходило перед гласными непереднего ряда и позднее перед [и, е]» [Касаткин, 1999: 360–361].

Произношение шипящих согласных в говорах Кирилловского района имеет свои отличительные особенности. Анализ записей живой речи жителей этой территории свидетельствует, что варианты

реализаций шипящих различны. Звонкий шипящий [ж] произносится твёрдо в соответствии с общерусским звучанием: *жы́л’и, кáм’енныé жы́рновá, служы́ў ф кáждом дóм’е, н’е с’ержúс’, од’óжсы, ржы, жен’йúс’а, двá мужыкá, тóже, бáржы, н’е нужны’, б’ежáт’, лóжцеу’ку, пожылы’je, бóжый хráм, чужы́x, пр’ижы́мáт’, на кáжный прáз’н’ик, молод’óжы мнóго, тóжко, жáл’и, пожыла, посажóны.*

В большинстве случаев глухие шипящие употребляются в соответствии с литературной нормой: *róш, пáшн’а, ушáт, кáши навар’йш, волнúшк’и, мáтушка, штаны’, шлá, горшк’й, кон’ёшно, зáмуш, п’ешкóм, прошл’й, картóшка, згноша́т* (сделают быстро), *шырокó отм’ечáл’и, п’ер’ешлá, пушн’йну, тушы́т’, бол’шóй, дéдушко, бáрышн’у.*

Глухой твёрдый шипящий встречается в следующих позициях:

А) в начале слова: *[и]ш’еc’* (шесть), *[и]ш’л’úзы – то*, *[и]шеснáцат л’éт;*

Б) в глагольных флексиях форм второго лица единственного числа: *вы’стира[и], одевá[и], ночуé[и], наварí[и], гляди[и], не знае[и] куды’ и девáцца, понимá[и], зна[и] чевó, послу́ша[и], рó[и], жи-вё[и], хóди[и], постáви[и], вы’кати[и], подымá[и], знаé[и], не мó[ж]о[и], пи[шо]ишь* (пишешь), *оформ’ишу[и], зап’исыва[и];*

В) в середине слова: *постáр[и]е, по[и]шыка́рн’ей[и]е, бóл’[и]е, ран’[и]ло, повы’[и]е.*

В говоре жителей деревень восточной и северо-восточной территории Кирилловского района Вологодской области в соответствии с [и] литературного языка спорадически встречается в позиции перед гласными переднего ряда мягкий шипящий [и̊] или [и̊']. Для речи жителей этих населённых пунктов характерно периодическое смешение звуков [и] и [и̊]. Как правило, информанты произносят некий средний (шепелявый) звук, как на месте свистящего согласного, так и на месте шипящего.

Были выявлены следующие случаи функционирования данного явления: *и̊’еc’, и̊’ес’д’ес’áт, наи̊’е.* Следует отметить, что функционирование шепелявого шипящего весьма ограничено. В записях живой речи, сделанных в д. Рюхино и с. Волокославино встретилось произношение *[и̊’ин’е́л’], [хорóш’еje].*

Диалектные данные, собранные в середине прошлого столетия для составления карт ДАРЯ, показывают наличие мягких, полумягких и шепелявых шипящих [и̊'], [ж̊'], [и̊'], а также функционирование звука [з'] на месте шипящих в южной части Кирилловского района Воло-

годской области, а также на пограничных северо-восточных, восточных и юго-восточных территориях района (карта ДАРЯ № 63 «Мягкие звуки в соответствии с *и*, *ж*», вопрос программы № 55). Возможно, шепелявые (а также мягкие и полумягкие) шипящие занимали и другие ареалы, однако вся территория Кирилловского района в то время не была подробно исследована в этом аспекте и это не нашло своего отражения в атласе.

В настоящее время фонема *<ж>* реализуется в согласном [ж], соответствующем литературному языку; фонема *<и>* представлена следующими фонетическими вариантами: [и], [и'], [и'']. Необходимо отметить, что реализация [и'] – раритетное явление; а [и''] наблюдается преимущественно в речи старшего поколения.

Взаимодействие свистящих и шипящих согласных, наряду с цоканьем, – самая яркая, с точки зрения лингвистов (Аванесов Р.И., Горшкова К.В., Орлова В.Г., Касаткин Л.Л.), диалектная черта, вносявшая существенные изменения в фонологическую систему говора в процессе его развития. В диалектном языке происходила трансформация в системе оппозиций согласных фонем: изменялся набор дифференциальных признаков и возможность сочетания гласных и согласных звуков. Историки языка и диалектологи связывают возникновение в русских говорах цоканья и смешения свистящих и шипящих согласных с воздействием языка (или языков) с фонетической системой, включающей только свистящие согласные (например, финские или балтийские). Современные исследования в области экспериментальной фонетики на базе русского и европейских языков дают основания для создания классификации согласных, в которой свистящие и шипящие объединены в одну группу. «По интенсивности шума фрикативные согласные отчётливо делятся на два класса: сибилянтные (свистяще-шипящие) типа русских [с], [з], [и], [ж] и все остальные» [Кодзасов, Кривнова, 2001: 175]. Прежде всего, это связано с самой природой этих согласных, а именно с характером шума, который образует данные звуки.

Долгие шипящие. Тщательное изучение рукописных текстов XIV в. позволило лингвистам сделать вывод о том, что долгие шипящие [и'и'] и [ж'ж''] были мягкими. Они могли функционировать в речи в следующих вариантах: [и'и'и'], [ж'д'ж''], а на некоторых территориях – [и'и'] и [ж'д'']. К.В. Горшкова говорит о том, что в период XIV – XV вв. в новгородском говоре «лабиовелярность ещё не была связана с системой согласных» [Горшкова, 1972: 89]. В системе

консонантизма того времени противопоставленность согласных по признаку «твёрдость – мягкость» была развита недостаточно.

Р.И. Аванесов отмечает следующую особенность долгих шипящих в русских народных говорах: «в пределах одного и того же говора их произношение часто очень неустойчиво: например, может быть очень различной степень мягкости: их произносят мягко и полумягко или полумягко и твёрдо, а также без взрывного элемента (например: *иши*) и с взрывным элементом (например: *иши*’)» [Аванесов, 1949, I: 129].

Материалы карты № 52 ДАРЯ «Звонкие долгие шипящие и их соответствие» (вопрос программы № 38) показывают, что на территории Кирилловского района в середине XX в. наблюдалось твёрдое произношение [жжж] в словах типа *е[жжж]у*, *во[жжж]и*. Только на северной границе встречался мягкий долгий шипящий [ж'ж']. В настоящее время отмечены следующие случаи употребления долгого твёрдого звонкого шипящего: *дро[жжж]е́й* (Ферапонтово), *дро[жжж]и* (Кнышево), *дро[жжж]е́чек поло́жьши* (Чевакино). Случаев употребления мягкого долгого звонкого шипящего не наблюдается.

Карта ДАРЯ № 48 «Глухие долгие шипящие и их соответствие не на стыке морфем» (вопрос программы № 36 «а») отражает специфику реализаций долгих шипящих и их территориальное распространение в середине прошлого века. Были зафиксированы варианты: [ш'ш'], [иши], [иич']. В современных говорах Кирилловского района на месте литературного *щ* произносится долгий твёрдый глухой шипящий [иши]: *вар'ат пишишу* (Ферапонтово), *настоја́шишь* (Ферапонтово), *настоја́шишо* (Кнышево), *обр'ёжут гол'ен'ишиша-то* (Ферапонтово), *карто́шка н'е проро́шиена, клáдб'ишишо* (Кнышево), *водохра́н'и́л'ишишь* (Кнышево), *мушишины*, *жéнишишь*, *выра́шишывал'и* (Рюхино), *шишо́локом, отшежы́т'и'це* (Мыс), *расишишы́т'и'вас'с'а*, *пóмошиши, мóшишну́ю т'éхн'ику, óвошиши, с настоја́шишым* (Ферапонтово), *выра́шишывал'и* (Рюхино), *кл'ешишёй* (Кнышево), *норм'ирóшишыком* (Кнышево), *прошишай* (Мыс), *ишиш'и* (Мыс), *робот'ашишь* (Коровино), *нашишипáјут* (Коровино), *компр'есоришишыкоу* (Левково), *шишуч'и* (Левково), *запр'ешишоно ѹс'о* (Левково).

Долгий мягкий шипящий встречается преимущественно в речи более молодых информантов: *јáш'ишик, тáш'ишит, настоја́ш'ишиј, ишиши'и', ишиши'е', клáдб'ишиши'е, ишиши'ука, товáр'ишиши'и, вéшиши'и*.

Особо следует сказать о произношении слова *женщина*. В большинстве случаев оно произносится (как уже было указано выше) с долгим твёрдым глухим шипящим – [жéнишишьна], однако было за-

фиксировано и другое произношение данного слова – жé[нч]ины. Сочетание [иЧ] встретилось только в слове *иши* [иЧ'и] на рассматриваемой территории. Подобное произношение в настоящее время является спорадическим, хотя в XIX веке было преобладающим.

Качество бокового сонорного латерального согласного. По данным Диалектологического атласа русского языка (карта № 61 «Диалектные замены *л* твёрдого» в соответствии с вопросами программы №№ 48 и 49) на территории Кирилловского района наблюдались случаи различного произношения на месте [л]. В 50-е гг. XX столетия были зафиксированы замены [л] на [ў] в середине и на конце слова: *вó[ў]к*, *нá[ў]ка*, *дó[ў]го*, *пошé[ў]*, *уна[ў]*. В некоторых частях района были выделены ареалы распространения *л* – «среднего», европейского в различных позициях.

Замена [л] на [ў] и наличие в говорах *л* – европейского – специфики древнего новгородского диалекта: «на территории, генетически связанной с говорами новгородского диалекта, с путями ранней новгородской колонизации, проходят изоглоссы конечных отвердевших губных, мены [л] или [Л] на [ў]» [Горшкова, 1972: 87].

Современные наблюдения над говорами Кирилловского района и анализ диалектных текстов, собранных и записанных в этих местах спустя несколько десятилетий, показывают, что на данной территории встречаются различные реализации <л>.

А) На конце слова наблюдается замена [л – ў]: *жы ў*, *куп'иў*, *ув'оў*, *забы ў*, *ф Сóкоў*, *глóт бы ў*, *стáв'иў*, *сáм не вар'иў*, *в'инó потр'ебл'áу*, *нав'éшаў*, *пр'ишиóу с войны'*, *не п'ер'еход'иў*, *ши ў бráт м'ен'шáк*, *б'иў*, *поjéхаў*, *пошóу*, *ушóу да и нéт*, *рабóтаў*, *спáу*, *вз'áу*, *подp'исáу јéму*, *нана нé п'иў*, *забол'éу*, *пр'иглас'иў*, *уц'иў*, *поў – то*, *д'éуаў*, *ўгоў*, *шоў*.

Б) В суффиксах глаголов прошедшего времени употребляется [ў]: *жен'иўс'а*, *уц'иўс'а*, *возиўс'а*, *остáўс'а*, *соб'ирáўс'а*, *достáўс'и* (достался), *прожымáўс'а*, *з'д'елáўс'а*, *под'иўс'а*, *т'ануўс'а*, *остáўс'а*, *называўс'а*.

В) В середине слова на месте твёрдого [л] встречается [ў]: *jóўк'и*, *нáўка*, *м'áўка* (мялка), *дóўго*, *коўхóс*, *истоўк'ут*, *пр'áўка*, *стоўб'áнка*, *угоўк'и*, *стóўп*, *вóўк*, *нос'иўк'и*, *жóўг'и* (баловники), *хоўст'анáа*, *вы'с'еўк'и*, *хоўст'иń*.

Г) Перед гласными наблюдается произношение [Л] европейского на месте [л]: *ход'ила*, *кабlyц'óк*, *не продаўáла*, *т'éчно стáло*, *ис стolбá*, *dolz'и*, *ф шкóлы*, *klyбóц'ек*, *mp'enáло*, *уц'ила*, *кан'икулы*, *б'éлыje*, *лов'и́л'и*,

вы́'шla зáмуш да и фс'ó, быlá, голодáт', ýбыlo, пр'ýбыlo, дóбýго шá, тóлky не смálo, молóд'ен'к'ијe.

Д) Функционирование [л], [л'] в соответствии с литературной нормой: *ходý[л']и, покутá[л']и, [л]адбíшку, [л]антá, н[л]óтный, н[л']е[л']ý, катá[л']ись, за[л']еденéет, мáс[л]а нé бы[л]о, в го[л]осовóм цехе, н[л]áнки, бó[л']ше, пропи[л']ý[л']и, вá[л']еноц'ки, уç'ите[л']á, крúг[л]а тaka, переп[л']етá[л']и, утен[л']áем, на [л]ошадí'х, мо[л]оќо.*

В речи жителей деревень, относящихся к Ферапонтовскому сельсовету (центральная часть Кирилловского района), употребление вариантов, отличных от литературной нормы, встречается меньше. Диалектное произношение встречается у лиц преклонного возраста или у тех, кто занимается сельскохозяйственными работами. В собранном нами материале встретились такие случаи употребления сонорного:

А) на конце слова: *од'евáу, д'éлау, пахáу, с'и'еу, н'е с'иð'éу, кр'ес'т'иу, пр'ишóу, дáу, знáу, обноwáжывау, кот'óу, бы'ý, над'ý, службы'ý;*

Б) в глагольных суффиксах **-л-**: *уч'иúс'a, жен'иúс'a, род'иúс''a, умы'иúс''a;*

В) в середине слова: *ф'коухóз'e, вóйк;*

Г) *l* – европейское (зафиксировано в единичных случаях): *род'иúá, на лошад'и, ход'ила, шлá, смáла выход'и́т зáмуш.*

В большинстве случаев произношения слов с [л] наблюдается соответствие литературной норме. Вероятно, речь жителей центральных территорий сильнее подвержена влиянию литературного языка. Также причиной исчезновения диалектных черт на этой территории является тот факт, что в деревнях, входящих в Ферапонтовский сельсовет, проживает большое количество дачников из крупных городов. Коренное население в некоторых населённых пунктах отсутствует совсем. Люди, родившиеся здесь, несколько лет жили в городах, а впоследствии вернулись. Поэтому резко выделяющиеся диалектные особенности в их речи стираются или исчезают совсем.

Диалектное произношение заднеязычных согласных было отмечено в начале XX в. Д.К. Зелениным. В своём исследовании «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации» автор ставит задачу – проследить процесс постепенного распространения мягкого [к'] в различных великорусских говорах, в том числе и в говорах современного Кирилловского района Вологодской области. Отличительная черта данного явления, по мнению авто-

ра, заключается в следующем: «Уже одна обширность этой области говорит о том, что м. к (мягкий [к']) – сокращение Д.К. Зеленина) встречается в говорах не одного какого-нибудь типа, а в говорах очень разнообразных. И действительно, м. к мы видим одинаково как в говорах акающих, так и в окающих, в говорах цокающих и не цокающих, в говорах дзекающих (сицкари Моложского уезда), в говорах, в которых гласные *e* и *u* не смягчают предшествующий им согласный (полехи Калужской губ.), и т.д., и т.д. Словом, область распространения м. к не совпадает с областью распространения ни одной другой диалектической черты в великорусских говорах» [Зеленин, 1913: 1–2].

В Кирилловском уезде, по данным начала XX в., ассимилятивная мягкость заднеязычных согласных встречалась в юго-восточной его части и на восточной границе с Вологодской губернией. Зафиксировано немного слов, отражающих рассматриваемое явление на данной территории: *Паранька, преницька, руськая, руськево, царьськей, скольке, только* [Зеленин, 1913: 507]. На остальной территории Кирилловского уезда мягкий [к'] не наблюдался, о чем свидетельствуют, по комментариям Д.К. Зеленина, и ответы на программы Академии. В Белозерском уезде изучаемое явление было отмечено на небольших ареалах, расположенных на юго-западе. «Из 16 сообщений о говорах разных местностей Белозерского у. только 4 указанных свидетельствуют о м. к, прочие 12 этой черты не знают» [Зеленин, 1913: 508]. Учёный считает, что функционирование мягких заднеязычных согласных в речи жителей этой местности – результат влияния говора Череповецкого уезда, где это явление было широко распространено.

Карты Диалектологического атласа русского языка №№ 66, 67 «[к'] на месте к твёрдого после мягких согласных», «Мягкие согласные на месте твёрдых г, х после мягких согласных» (вопросы программы №№ 51, 52) показывают: на территории Кирилловского района употребление ассимилятивной мягкости заднеязычных согласных в указанных позициях в середине XX века практически не встречается. Исследователями выделены небольшие ареалы употребления [х'] (свé[р'х']у, ве[р'х']бм) в пограничных районах на севере и на востоке; только на восточной границе – спорадическое употребление [к'] после звуков, выступающих на месте этимологического ч: дóч[к']а, дéвоч[к']а и т. п. На основной части Кирилловского района ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в указанных позициях не встречается.

Л.Л. Касаткин, изучая говоры Кожуховского сельсовета Биряковского района и Слободского сельсовета Харовского района Вологод-

ской области, приходит к выводу о том, что наличие мягких заднеязычных согласных – черта, привнесённая ростово-сузdalьскими колонистами. «В вологодских говорах результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных распространены на той территории, где сталкивались два колонизационных потока – новгородский и ростово-сузdalьский. На территории новгородской колонизации, не испытавшей интенсивного воздействия ростово-сузdalьских говоров, этого явления нет. Таким образом, можно считать, что явление это было занесено в вологодские, новгородские по происхождению говоры ростово-сузdalьским колонизационным потоком» [Касаткин, 1999: 209].

В результате многократного прослушивания и анализа собранного нами диалектного материала не было выявлено ни одного случая употребления прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных в живой речи современных носителей говора. Причиной отсутствия данного диалектного явления в говорах Кирилловского района может быть утрата данной черты за прошедшие десятилетия. Значительную роль в этом играет влияние литературного языка, а также резкое уменьшение количества жителей в деревнях, исчезновение многих районных населённых пунктов. Отсутствие молодого поколения и малое количество молодёжи в современной деревне практически сводит на нет процесс передачи диалектных фонетических традиций. Естественное убывание населения приводит к размыванию диалектных черт, а в дальнейшем и к полному его стиранию. Непрестижные черты в произношении уходят, уступая место литературной норме.

1.3. Другие фонетические явления, отмеченные в говорах Кирилловского района

В процессе анализа записей живой речи были отмечены следующие фонетические явления в области вокализма и консонантизма, встречающиеся в большей или меньшей степени в различных населённых пунктах по всей территории Кирилловского района.

А) Изменение сочетания [дн] в [нн]: оннá, оннó, лáнно.

Б) Переход [бм] в [мм]: оммáн, оммáнывајут, омм'ер'áл, оммáнывът'.

В) Утрата конечного согласного в сочетаниях [ст], [с'т'] на конце слова: *жы́с'*, *болéс'*, *рýт'*, *пýс'* (*пусты*), *јéс'* (*есть*), *дáс'* (*даст*), *сорокоúс* (*сорокоуст*), *мóс'* (*мост*), *мóлодос'*.

Г) В речи жителей старшего поколения по всей территории Кирилловского района наблюдается утрата интервокального *ј* и стяжение гласных: *знáэт*, *д'élъэт*, *мóэт*, *жúмкъэт* (*жуёт*), *рóэт*, *фстайл'áэш*, *фстр'еч'áэць*, *зъворáч'ивъэт*, *н'е лáзъэм*, *бúэт*, *п'ер'еэ'хъл'и*, *вы́мози*, *нъэжжáэт*, *пострóэн*, *нъзывáэць*, *ráзноэ*, *фс'ák'иэ*, *над'élъэт*, *густóэ*, *нав'éшывъэт*, *накрóэш*, *кидáэш*, *п'ер'езр'éэт*, *робóтъэт*, *п'ер'иб'ерáш*.

Д) Перестановка звуков в слове *глина*: [в нáшэй д'ер'éүн'е гл'йну до с'их пор гн'йлой зовут] (д. Лобаново, северная часть Кирилловского района).

Необходимо сказать о том, что перечень слов, отражающих диалектное произношение, является небольшим. Один и тот же вариант диалектного функционирования лексемы отмечается в разных населённых пунктах.

Данные особенности характерны для северорусского наречия. Следует отметить, что такие фонетические явления в настоящее время являются раритетными. В речи жителей населённых пунктов, близких к районному центру, они почти не встречаются, тогда как в отдалённых деревнях можно услышать диалектное произношение.

Необходимо сказать о том, что эти явления могут встречаться в речи людей часто выезжающих в город, и, наоборот, отсутствовать у тех, кто постоянно находится в диалектной среде. В прошлом такие фонетические явления были широко распространены на территории Кирилловского района Вологодской области. В настоящее время они встречаются в редких, единичных случаях, исчезая под влиянием литературного языка. Таким образом, можно говорить о том, что за последние десятилетия произошло сужение ареалов этих особенностей.

В результате анализа диалектных текстов, собранных во время полевых экспедиций, можно выделить следующие специфические черты, функционирующие в говоре в настоящее время:

- А) наличие оканья, еканья, иканья и ёканья;
- Б) употребление [w] на месте [v]/[v'];
- В) распространение твёрдого и мягкого цоканья и исчезновение чоканья;
- Г) частотное употребление долгих твёрдых шипящих, шепелявых звуков [с''] и [ш''];

Д) на месте бокового сонорного латерального согласного [л] в говорах Кирилловского района можно услышать [л], [ў], [Л].

Изучение живой речи свидетельствует: на территории современного Кирилловского района Вологодской области существуют реализации, характерные для прошлого состояния ростовского и новгородского говоров. Фонетические особенности, определявшие специфику древнего ростовского говора, в настоящее время встречаются на восточных и северо-восточных территориях (например, билабиальный [w]); на западе, юге и в центральной части в большей степени функционируют особенности, характерные, по мнению историков языка, для древнего новгородского диалекта (например, цоканье). Следует сказать, что новгородское влияние оказалось устойчивым в большей степени, чем ростово-сузdalское. Эти черты лучше сохранились в говорах до наших дней.

§ 4. Природа глазами жителя Кирилловского района (на материале лексики говоров)

Горожанин и сельский житель воспринимают природу по-разному. Это объясняется тем, что в их повседневной жизни различаются степень соприкосновения с растительным и животным миром, степень влияния климатических и ландшафтных особенностей местности на хозяйственную деятельность и т.п. Для сельского жителя природа играет огромную роль. Так, состав почв, увлажнённость, продолжительность тёплого времени года определяют возможность выращивать те или иные сельскохозяйственные культуры, от наличия водоёмов и их фауны зависит существование в деревне рыбного промысла и т.д. Несовпадение восприятия природы городским и сельским жителем отражается в языке, о чём свидетельствуют многочисленные исследования русских говоров (Вендина; Радченко, Закуткина; Демидова; др.). Так, для картины мира носителей диалектов характерны естественный характер, конкретность, pragmatичность, эмоциональная окрашенность и др. [Радченко, Закуткина, 1994: 38–43].

Эти и другие черты проявляются в говорах Кирилловского района Вологодской области. Данный раздел посвящён картине природы, сложившейся в сознании носителя этих говоров и отражённой в их лексическом составе. Диалектные слова (лексемы), на основе которых восстанавливалась эта картина, включены в состав словаря «Лексика природы говоров Кирилловского района Вологодской области», пред-

ставленного в электронном приложении к данной книге. Материалы для этого словаря собирались в ходе диалектологических экспедиций в Кирилловский район, проводившихся кафедрой русского языка ВГПУ на протяжении нескольких десятков лет.

Рельеф, почвы, водоёмы

Картина природы, сложившаяся в говорах, в первую очередь, определяется реалиями окружающего мира, существующими в той или иной местности. Кирилловский район отличается от прочих административных районов Вологодской области наибольшим ландшафтным разнообразием. Не случайно в 1992 г. здесь был создан национальный парк «Русский Север» – одно из наиболее посещаемых туристами мест Вологодчины. Облик центральной и северной частей Кирилловского района во многом определяется холмами и грядами ледникового происхождения, между которыми разбросаны озёра (самые крупные из них – Сиверское, Бородавское и Ферапонтовское). В то же время на этой территории встречаются и равнинные участки, болота. Для южной части района, напротив, характерны низины, часто заболоченные. На всей территории района много рек и ручьёв [Разнообразие..., 2007].

Холмы, озёра, низины, болота, реки и ручьи – всё это составляет природную среду, окружающую кирилловского жителя, и определяет его мировосприятие, которое отражается в языке.

В Кирилловском районе диалектные лексемы используются для обозначения таких элементов рельефа, как низкие места (низины), возвышенности, ямы, овраги. Наиболее чётко в сознании диалектоносителя противопоставлены первые два понятия. Названиями низких мест являются слова *логовина*, *ложина*, *низовина*. Обозначения возвышенностей более многочисленны. В говорах Кирилловского района представлен целый ряд существительных со значением ‘возвышенность, холм’: *веретьё*, *верховье*, *горбушина*, *скат*, *увал*, *угорь*, а также уменьшительно-ласкательная форма *угорчик*. Небольшая возвышенность называется *горбышом*, возвышенное место, покрытое лесом, – *боровиной*. Как и в литературном языке, в кирилловских диалектах может отражаться противопоставление «подножие – склон»: *подгóрье* – *отлóжье*, *отлóг* (о пологом склоне), *стеной обрёзан* (о крутом склоне). В то же время в лексемах *подгор*, *подгорок* ‘склон или подножие холма’ эта оппозиция снимается. Интересно, что для сельского жителя важным является различие пологого и крутого склона. Это может

быть связано, например, с тем, что крутой склон потенциально является источником опасности. Не случайно по отношению к нему используется экспрессивный фразеологический оборот: *На холм не ходите: стеной обрэзан*.

Обозначения других элементов рельефа среди диалектной лексики Кирилловского района представлены незначительно. Единично зафиксирована лексема *рόссошь* ‘овраг’. Существуют также слова *кальгá* (*кальгá*) и *кургáн*, которые называют яму (впадину, выбойну). Последние два слова связывают обозначения рельефа с группой слов, обозначающих водные объекты и их части, поскольку *кальгей* (*кальгой*) называется также лужа, а *кургáном* – глубокое место в реке, озере.

Связи между лексемами, употребляющимися по отношению к разным природным объектам, демонстрирует и уже рассмотренное слово *боровíна*, другое значение которого – ‘небольшой лесок, роща’, а также существительное *скат*, которое помимо возвышенности может называть в кирилловских говорах высокий крутой берег. Семантический переход «гора => лес» (в слове *боровíна*), согласно Н.И. Толстому, является семантической универсалией не только в славянских, но и в других языках [Толстой, 1969: 22-103]. Подобные случаи развития значения отражают ассоциативные связи, возникающие в человеческом сознании.

Для жителя деревни важным элементом природной среды, свойства которого определяют возможность заниматься земледелием, является почва. Несмотря на это в говорах Кирилловского района зафиксировано незначительное количество диалектных обозначений почвы. Это слово *скоморóшка*, имеющее широкое значение ‘почва, земля’, а также обозначение *дёрна* – *дернó* – и прилагательное *дернíстый*. Существованием фразеологизма *рóвда (рóвга) не вышла*, употребляющееся по отношению к не прогревшейся, не до конца оттаявшей земле, подтверждается тот факт, что диалектная картина мира во многом определяется хозяйственными нуждами человека: *Ишио `ро`уга понастóя щему не вы `шила, а уж си ять собира ются* [СВГ: 9, 58]. Закрепившееся в этом фразеологизме слово *рóвда (рóвга)* имеет прибалтийско-финское происхождение, что отражает былые языковые контакты славянского населения с финскими племенами.

Как уже было сказано выше, природа Кирилловского района богата различными водными объектами: озёрами, реками, ручьями, родниками, болотами. Диалектные лексемы используются преимущественно для обозначения разновидностей водоёмов и их частей, а также пространственно смежных с водоёмами объектов; исключение состав-

ляют диалектное название ручья *ручевіна* (*ручейна*) и его уменьшительно-ласкательная форма *ручевінка* (*ручейнка*), а также слово *исток* ‘родник, ключ’. Кроме того, несколько слов маркирует такие мелкие водные объекты как лужа (*ліга*, *кальга* (*кальй*)) и яма, заполненная водой (*бочаг*). Существование в деревнях выкопанных прудов, из которых берут воду, послужило причиной появления слова *кóпанец*, имеющего яркую внутреннюю форму (копаный, выкопанный пруд).

В восприятии диалектоносителями рек и озёр на передний план выдвигаются следующие факторы: характер течения реки (*быстрь* ‘место с быстрым течением’; *ключ, въюн* ‘водоворот в реке’), излучины (*излук*, *крайуль*), глубина водоёма (*курган* ‘омут’; *каменищик* ‘каменистая мель’, *мелководица* ‘мелкое место, по которому переходят реку’), наличие насосов песка и ила (*намóина*), наличие залива у озера (*плеши* ‘часть озера, вдающаяся в сушу, залив’), особенности береговой линии (*скат* ‘высокий крутой берег’, *залив* – ‘низкое, заливаемое место на лугах или на пашне’), состояние водной поверхности (*рябица* ‘мелкая рябь, зыбь’). Кроме того, в языке отражается факт изменения рекой её русла (*зáводь* ‘старое русло реки’, *плес* ‘новый берег реки после изменения её русла’). Две лексемы непосредственно связаны с использованием водоёмов в повседневной деятельности людей: *зáводь* ‘огороженная часть водоёма, прилегающая к пастбищу’, *купалище* ‘удобное для купания место’.

Отдельная группа слов связана с замерзанием водной поверхности: *располица* ‘ледоход’, *шух (шох)* – ‘мелкий лёд’, *ерик, наслуз* – ‘вода на льду во время оттепели’, *пролубь* – ‘прорубь’, *глыба* ‘отдельная льдина’, *закраек (закрайка)* ‘полоса воды между берегом и краем льда’.

При обозначении ручьёв могут маркироваться такие признаки, как время появления ручья (*зажор* – весенний ручей), отсутствие зимой ледяного покрова (*тáлица* – незамерзающий ручей).

Ещё одним водным объектом, занимающим значительное место в диалектной картине мира, является болото (*ліва* ‘болото, низкое болотистое место’). Наличие вблизи населённого пункта болот влияет на особенности ведения человеком хозяйственной деятельности. Сельскому жителю приходится учитывать, что лес, растущий на болоте (*болотняк*), отличается низким качеством древесины (А *там не лес, а одын болотняк* [СВГ: 1, 37]), что на болоте необходимо соблюдать осторожность, чтобы не попасть в не заросшее травой окно (*полынью*) или топкое место, трясину. Последнее обозначается с помощью целого ряда существительных, большая часть которых имеет корень *-топ-*

(ср.: *топить, топкий*): *потопа, потопна, топище, провал, дыбун*. Зыбкое, топкое болото обозначается специальным прилагательным *слабый*: *Зди`ся боло`то сла`боё, всё прова`ли да прова`ли*. Названиям трясины противопоставлены слова *пригороды, суходол*, употребляющиеся по отношению к сухому месту на болоте. Высохшее болото обозначается существительным *суходолье*: *Ра́ньше было боло́то сы́рое, кругом обходи́ли. Тенé́рь высохло, так по суходолью можно дойти́мдо сосéдней дерéвни*. Кроме того, в кирилловских говорах отражается различие в поверхности болот: *кочки́ник, кочкивáтка, кочкивáтик, кочу́рник* ‘кочковатое болото’, *тóлица* ‘болото, поросшее лесом’, *лýва, травянíк (травянíк, травенни́к)* ‘болото, поросшее травой’, *чисть* ‘лишённое кустарника болото’.

Климат

Для сельского жителя важной характеристикой природной среды является климат, во многом определяющий специфику годового цикла сельскохозяйственных работ. Анализ лексики кирилловских говоров показывает, что в картине мира диалектносителя наибольшее место занимают такие природные явления, как осадки, облачность, ветер. Кроме того, оценивается общее состояние погоды с точки зрения температуры и влажности, а также наличия или отсутствия на небе солнца.

Следует отметить, что восприятие диалектносителями климата отличается от восприятия почв, элементов рельефа, водных объектов. Во-первых, климат отражается в диалектной картине мира как динамическое явление (что соответствует объективной действительности). Об этом свидетельствует большое количество глаголов среди слов соответствующей тематической группы (22 слова из 73): *направля́ться, чирýть, размолáживаться, фükнуть* и др. Во-вторых, восприятие климата нередко связано с его оценкой относительно определённой нормы, причём сознание диалектносителя выделяет отклонения от нормы, а сама она при помощи отдельного слова чаще всего не обозначается. Например, маркируется отсутствие росы по утрам при хорошей погоде (*сухорóс*), отсутствие снега зимой (*бесснéжица*), зимняя оттепель (*теплúха*), ненастная погода (*большáя погóда, непогóдье* и др.) и т.д.

Общее состояние погоды в кирилловских говорах определяется на основании одного из двух признаков. Во-первых, погода может быть охарактеризована с точки зрения температуры воздуха. При этом существуют отдельные слова для обозначения жаркой погоды летом

(*жарына* ‘жаркое летнее время’, *парко* ‘душно, зноино (при высокой влажности воздуха)’), чрезмерно тёплой погоды зимой (*тáлица, теплúха*) и сильного мороза зимой (*трéсни да лóпни*). Как видим, слова, относящиеся к температурной норме для того или иного времени года, отсутствуют.

Во-вторых, общее состояние погоды может оцениваться по шкале «ясная, солнечная погода – пасмурная погода – ненастная погода». Солнечную погоду обозначает существительное *разгулье*, а процесс её становления – глаголы *размолáживаться, развéдриваться* ‘становиться ясным, проясняться (о небе, погоде)’. По отношению к пасмурной погоде используются прилагательные *пáсменный, суморóчный*, а также глагол *захмúриваться* ‘становиться пасмурным’. Ненастье обозначается словами *большáя погóда, непогóдье, погóда, мокротá*, а его наступление – глаголом *запогóдить*. Как видим, слов, связанных с солнечной погодой, меньше, чем обозначений пасмурной и ненастной. Это не случайно: в русском языке в целом количество обозначений негативных отклонений от нормы преобладает над количеством обозначений позитивных отклонений.

Общее состояние погоды во многом определяется наличием или отсутствием осадков, из которых носители диалектов чаще всего обращают внимание на дождь и снег. Значительно меньше в кирилловских говорах обозначений для гололёда (*гололéдъ*), инея (*ку́ржса*) и тумана (*сúмороchно ‘туманно’*). По отношению к росе не употребляются специальные диалектные лексемы, хотя маркируется негативное отклонение от нормы – отсутствие росы утром при хорошей погоде (*сухорóс*): *Уж какóй день сухорóс, что и за погóда.*

Осадки тёплого времени года – дожди. Отношение к ним как к небесному явлению, дающему жизнь природе, выражает сочетание *бóжья росá ‘дождь’*. Другие названия дождя в кирилловских говорах – *помóка, чирá*. Кроме того, существует достаточно много лексем, употребляющихся по отношению к разным видам дождей: мелкому и сильному, кратковременному и затяжному. Подобная дифференциация не случайна: тип дождя влияет на ход хозяйственной деятельности человека. Это можно проиллюстрировать словом *сеногнóй*, обозначающим мелкий продолжительный дождь во время сенокоса. Внутренняя форма существительного указывает на последствия *сеноchnóя* – гниение скошенного сена. Также по отношению к мелкому дождю употребляются слова *чирá, спóрный (спóрый), чирítъ, труcítъ*. Для обозначения сильного дождя используется существительное *зáливенъ*, однокоренное с литературным *лíвень* и образованное от

глагола *залить*. От этого же глагола образовано прилагательное *заливный* ‘очень сильный (о дожде)’.

Другим признаком, на основе которого в говорах различаются виды дождей, является длительность. В словах *перевалинка*, *спрысточек* суффиксы *-к-* и *-очек-* передают значение кратковременности. Затяжной дождь обозначается словом *плаксун*, внутренняя форма которого также очень выразительна. Эту выразительность создается через связь с глаголом *плакать*, а также с помощью суффикса *-ун-*, имеющего экспрессивную окраску.

Ещё одно явление, тесно связанное с дождями, – это гроза: *перевалина*, *погода* (в одном из оттенков значения этого слова). Сознание диалектоносителя в этом явлении особенно выделяет молнии, о чём свидетельствует существование глаголов *стrekáть* и *опекáть* (*опечь*) ‘сверкать (сверкнуть) (о молнии)’.

Осадки холодного времени года – снег. Диалектные лексемы употребляются в кирилловских говорах для обозначения таких его разновидностей как снежная крупа (*трухá*, *трупá*) и мокрый снег с дождём (*слáкось*). Кроме того, существует много названий для метели (выуги): *завíруха*, *тúха* (*тúхта*), *куревá*, *кутельмá*, *зáволока*. Отдельные слова используются для обозначения первого снега (*первотáлец*, *покróв*) и подтаявшего снега на дорогах во время оттепели (*тúха*, *тúхта*: *Тúха на дорóгах – не пройти, не проéхать!*). Как уже было сказано ранее, маркируется такое отклонение от нормы зимой, как отсутствие или малое количество снега (*бесснéжица*).

К обозначениям осадков примыкает несколько слов, называющих тучи и облака. Это существительные *óbолок* (*óbолоко*) ‘облако, туча’, *перевалинка* ‘небольшая туча’, *судóрна* ‘скопление облаков, облачность’, а также глаголы *заволокáться* ‘покрываться тучами (о небе)’, *заоболáкивать*, *заоболáчивать* (*заоболочítъ*) ‘(безл.) заволакивать, закрывать тучами (о небе)’.

Небольшую группу метеорологической лексики кирилловских говоров составляют слова, употребляющиеся по отношению к ветру. При этом большинство из них обозначает северный ветер: *северóк*, *северáк*, *северáник*, *сíвер*, *сíверик*, *белозёр*. Как видим, первые пять слов имеют корень *-север-* // *-сивер-* и образованы от названия стороны света. Подобные существительные используются для обозначения северного ветра во многих говорах (например, по данным «Словаря русских народных говоров» слово *сíвер* ‘северный ветер’ употребляется в архангельских, вологодских, новгородских, московских, вятских, уральских, сибирских и других говорах). Небольшую террито-

рию распространения имеет слово *белозёр*, внутренняя форма которого – ветер, дующий с Белого озера (это озеро расположено к северо-западу от Кирилловского района). Кроме того, по отношению к ветру используется глагол *фукнуть* ‘дунуть’. Существительное *боковик* называет боковой ветер и, вероятно, связано с судоходством.

Растительный мир

Среди лексики растительного мира можно выделить две основные группы: слова, относящиеся к отдельным растениям и их частям, и обозначения растительных сообществ (лесов, лугов) [Соколова, 2007: 111–146].

Обратимся к названиям отдельных растений. Общим обозначением любого дерева является слово *деревина*. Помимо этого, диалектные слова используются по отношению к таким распространённым в Кирилловском районе деревьям как сосна, черёмуха, берёза, ольха; не имеет диалектного названия ель, для обозначения которой, видимо, употребляют литературное слово. Вместо литературного *соснá* в говорах могут использовать его акцентологический вариант *сósна*. В качестве названия берёзы существуют слова *берёзина* (любая берёза) и *чистушка* (*чистюшка*) (обозначение берёзы повислой). Для обозначения черёмухи в кирилловских говорах используется целый ряд слов, однокоренных с литературной лексемой: *черёминка*, *черемиá* и *чёремша*, *чёремхá* и *чёремха*. Один корень с литературным существительным имеет и лексема *олешина* ‘ольха’.

К обозначениям кустарников относятся названия ивы (в том числе вербы), красной смородины, шиповника, можжевельника. В основе лексемы, относящейся к иве, лежит цветовой признак (светлая кора): *светлуха*, а также уменьшительно-ласкательное *светлушка*. Один из оттенков значения этого слова – ‘ива со светлой корой’ [СВГ: 9, 104]. Интересно, что восприятие такой разновидности ивы в говорах может быть связано с оценкой дерева с точки зрения практической пользы: *светлуха* ‘ива со светлой корой, непригодной для дубления кож’ [СВГ: 9, 104]. Для обозначения такого вида ивы, как верба, используется слово *тáлина*. Красная смородина называется словом *княженица*. Обозначения шиповника, как и литературное слово, мотивированы наличием у этого растения шипов: *шипýца* и *щипýца*, *шипýчник* и *щипýчник*. Первая лексема является также названием плодов этого растения и, во втором значении, названием плодов крыжовника. Можжевельник в кирилловских говорах обозначается словом *вересóк*, куст можжевельника – *вересíна*, отдельная ветка – *вересíнка*.

Ряд лексем представляет собой не видовые названия, а обозначения дерева, имеющего какой-либо признак. Во-первых, это сухое дерево: *подсушина*, *засушина* ‘высохшее дерево’, *подсушник* ‘дерево, начавшее сохнуть с вершины’, *сухоподстой*, *сухопостой* ‘высохшее на корню деревья, кустарники; засохшее на корню дерево’. Все эти слова имеют один корень (-сух- // -суш-) и связаны с прилагательным *сухой*. Во-вторых, это гнилое дерево (*дряблы́на*). Кроме того, гниль на дереве обозначается словом *оболонь*. Прилагательное *заморёный* имеет значение ‘гнилой (о дереве)’. В-третьих, это молодое дерево с неокрепшей древесиной (*пресня́к*, *пресни́на*). В-четвёртых, дерево с дуплом (*дупля́к*).

В сознании носителей говоров выделяются и некоторые отдельные части деревьев и кустарников. В первую очередь это ветки: *ветвина* ‘ветка, прут’, *вича* ‘гибкая ветка, прут’, *ломина* ‘сухой прут, хвостина’. Кроме того, высохшие ветки, хворост обозначаются словами *пашина*, *сушник*. Существование отдельного названия для этой реалии, видимо, объясняется её значимостью для человека: хворост служит для растопки, поддержания огня. В кирилловских говорах существуют также отдельные диалектные обозначения для корней выкорчеванного дерева (*кокора*), нароста на стволе дерева (*налив*, *набалдашник*, *болонá*), пней (собирательное существительное *пеньё*). Щель в стволе дерева называется *расщепиной*, щель в бревне, пне – *рósщепом*. Наличие *расщепин* и *рósщепов* имеет значение, например, при использовании древесины в хозяйстве: *Не берёй э́то бревнó, в нём рóшишеп большо́й. Смотри́, чтобы рósщепов нé было в дёреве.* С *расщепиной* могут быть связаны даже определённые магические действия: *Змею́-то лови́ли, в расщёпину клали, онá там высыхáла, потóм её колдúн себé брал.* Отдельная группа слов обозначает кору и древесину различных деревьев: *подобрáнник* – кора ивы, *светлúха* – кора ивы, растущей в низинах, *соснóвина* – древесина сосны.

Группа диалектных названий травянистых растений в кирилловских говорах также многочисленна. В картине природы диалектносителей особое место занимают такие травы, как лютик едкий (*желтúха*, *желтúшник*), щавель (*киселка*, *кисля́тка*), репейник (*литульник*), кипрей (*макóвник*), полевой хвоц (*пýстик*), осока (*резу́н*), подорожник (*пúтик*, *придорóжник*), луговой клевер (*сосульник*), *сердцевáя травá* (валериана). Все эти растения или полезны для человека (щавель – съедобное растение, клевер луговой – кормовое растение, кипрей и подорожник – лекарственные травы, репейник используется в косме-

тических и в лечебных целях), или могут причинить вред (лютик является сорняком и, кроме того, ядовит для скота).

Толкования некоторых слов, обозначающих травы, приведены собирателями недостаточно точно, из-за чего не могут быть соотнесены с конкретным растением: *урезная трава* ‘лекарственное растение (какое?)’, *урэз* ‘водное растение (тростник?)’, *тягун* ‘растение, настойка из корня которого обладает целебными свойствами’, *клопники* ‘растение (какое?)’, *омег* ‘ядовитое двулетнее растение из семейства зонтичных (какое?)’ и др. Однако и на примере этой группы слов видно, что отдельные лексемы существуют для тех растений, которые приносят человеку пользу или вред.

Как и среди обозначений деревьев, в этой группе слов есть лексемы, относящиеся к растениям, имеющим какой-либо признак. Во-первых, это может быть место произрастания растения. Трава, растущая на прибрежном лугу (и сено из неё), называется *бережиной*, полевая трава (и сено) – *полина*, трава, растущая на болоте – *травяник* (*травянник*, *травенник*). Во-вторых, таким признаком может быть непригодность для кормления скота: *старокула* ‘старая, не скошенная прошлым летом трава’ (*Старокулой отравить скотину-то можно*), *тайбала* ‘высокая трава, непригодная для кормления скота’.

Существуют также обозначения для отдельных частей травянистых растений: *озорной пух* ‘семенные пушинки камыши’, *сосулька* ‘соцветие клевера’. От семенных пушинок камыши надо защищать огород, соцветия клевера являются хорошим удобрением, а в голодные годы их употребляли в пищу.

Из названий ягод в «Словаре вологодских говоров» и в материалах экспедиций зафиксированы только обозначения для брусники, голубики, земляники, а также клюквы, перезимовавшей под снегом. Первые три лексемы отличаются от литературных аналогов суффиксом: *брусница*, *голубица*, *землянка*. Аналог слова *подснёжица* (*подснёжница*) ‘клюква, перезимовавшая под снегом’ в литературном языке отсутствует.

Очень интересны диалектные названия грибов. Здесь основную оппозицию составляют обозначения несъедобных и съедобных грибов. К первым в кирилловских говорах относится только слово *поганька*, фонематический вариант литературной лексемы *поганка*. Зато обозначения съедобных грибов многочисленны. В кирилловских лесах растут белые подосиновики (*крабик*, *красноголобик*, *векшарь*), белые грибы (*поддубик*, *толкач*), волнушки (*волнёница*, *волдёница*), сыроежки (*синюха*, *синюшка*, *сыроёга*, *красулька*, *краснушка*, *красушка*),

желтúшка, серúшка, зелёнка), груздь перечный (скрипúн), маслята (соплевíк, подсóсенник), подберёзовики (челик (чилик), черноголовик, обáбок), валуи (сопляк, соплевíк), дождевик (ворóнье яйцó, дéдушик, табáк, табакéрка, чёртова бáня). Слово бáбье úхо называет рыжик с неправильной шляпкой: *Бáбье úхо – это два-три рýжика, шляпки бúдто срослись. Их солить нельзя, только вárить, так как рýжики прокýснут* [СВГ: 11, 159]. Съедобными или условно съедобными являются некоторые из трутовиков (*трут, трúтень*); также они применяются в народной медицине.

В целом эта группа слов очень интересна. Во-первых, в говорах часто существует несколько обозначений для одного и того же гриба. Особенно многочисленны названия сыроежек, отражающие разнообразие вариантов окраски шляпки (красная, синяя, желтая, зелёная). Лексемы, обозначающие грибы, позволяют проиллюстрировать тот факт, что в основе слов, относящихся к одной и той же реалии, могут лежать разные мотивировочные признаки, то есть для людей могут оказываться значимыми разные стороны одного явления. Так, названия сыроежки могут быть мотивированы особенностями употребления этого гриба в пищу (можно есть сырым: *сыроéга, сыроеjска*) или цветом шляпки (*желтúшка, синюха* и др.). В основе обозначения маслёнка – либо особенности поверхности шляпки (склизкая на ощупь: *соплевíк*), либо особенности произрастания (*подсóсенник*). Интересны в этом плане названия гриба-дождевика. Все они метафоричны, что, видимо, объясняется необычностью облика этого гриба. В основе номинации *ворóнье яйцó* лежит форма и цвет гриба. Остальные названия – *дéдушик, табак, табакéрка, чёртова бáня* – видимо, относятся к уже созревшему грибу и обусловлены находящимися внутри него порошковатыми спорами.

Кроме того, существуют обозначения для грибов с одинаковыми свойствами. Во-первых, это грибы, использующиеся для засолки: *соленина* (*солони́на*). Во-вторых, грибы, употребляющиеся в пищу после отваривания: *отварúшка*. В-третьих, грибы, появляющиеся во время колошения ржи: *колосовикý*.

Помимо слов, обозначающих отдельные растения и их части, в говорах существуют названия для растительных сообществ. Прежде всего, к ним относятся обозначения леса и его частей. Во-первых, типы леса различаются в зависимости от преобладающих пород деревьев: сосновый лес (*соснáг*), осиновый (*оснáк*), лиственный (*лýственик*), смешанный (*разнолéсье*). Во-вторых, в зависимости от места произрастания. Лес, растущий на болоте, называется *болотníк*; он отличается

низким качеством древесины и оценивается диалектоносителями негативно (*А там не лес, а один болотник*). Лес, растущий на берегу реки, называется *прибрежник*, *бережина*. В-третьих, виды леса могут выделяться в зависимости от внешних особенностей и качества древесины составляющих его деревьев: *малоросник* ‘мелкий лес’, *жердняк* ‘тонкий высокий лес’, *ровняк* – ‘лес из стройных прямых деревьев одинаковой высоты’, *болоня* – ‘больной, низкий, кривой, нестроевой лес’, *удёлочный лес* ‘строевой лес’. Отдельный участок нестроевого леса, вырубаемого на дрова, обозначается словом *древяник*. В-четвёртый, маркироваться может возраст леса: *подсáд* ‘молодой лес’, *подсóсенок* ‘молодой сосновый лес’, *подсáдина* ‘полоса молодых посадок деревьев’. В-пятых, лес может различаться по густоте деревьев. Так, редкий лес называется словом *порéдье*, густой лес, заросли – *слепняк*, *тáйбola* (в одном из значений), *чáщá*. Признак густоты может сочетаться с другими признаками: *суходóл* ‘редколесье в сухом месте’, *частокóл* ‘молодой лес из высоких тонких деревьев, расположенных близко друг к другу’.

Кроме того, существуют отдельные названия для участков леса: *поляны* (*гладь*, *пустоляна*, *тáйбola* (в одном из значений), *плешина*), лесного покоса (*дубróва*, *дубróвка*), опушки (*подлéсок*), просеки (*прут*, *réмéнь*, *визíра*).

Второе растительное сообщество, значимое для человека и занимающее определённое место в диалектной языковой картине мира, – это луг. Общими названиями для разных типов луга являются слова *пáлестíна*, *исáда*, *пóжня*. В говорах также могут маркироваться особенности расположения луга: *лукá* ‘луг в излучине реки’, *бережíна* ‘прибрежный луг’, *сухмёный покóс* ‘сенокосный луг на сухом месте’.

Животный мир

Обратимся теперь к группе «Животный мир». В любых говорах большую её часть составляют обозначения домашних животных, что связано с прагматическим характером диалектной картины мира. Названий диких животных меньше. Как правило, обозначаются животные и птицы, имеющие промысловую ценность или представляющие опасность для человека.

Общее название диких зверей в кирилловских говорах – *боровá*, *дичáтина*. Для обозначения одного животного используется слово *зверíна*.

Самое большое количество слов относится к такому опасному лесному зверю, как волк: *лесnóй*, *пёс*, *зверíога*, а также *бирюк* (распро-

странённое в русских говорах обозначение волка) и *волчага*. Первые три из них, вероятно, носят описательный характер и могут быть связаны с запретом произносить настоящее имя зверя, чтобы избежать его нападения.

Два других крупных животных, встреча с которыми в лесу может оказаться опасной для человека, – кабан и медведь. Отдельная лексема используется для обозначений детёныша кабана – *кабанёнок*. Существует слово *пённик* с очень конкретным значением ‘медведь, питающийся личинками насекомых, которые извлекаются им из разломанных пней’. Другая лексема, относящаяся к медведю, – *пестун*. Так называют в говорах медвежонка одного-двух лет, оставшегося при матери. Интересна внутренняя форма этого слова. Оно производно от глагола *пестовать* ‘нянчить’. Контекст проясняет мотивировочный признак в основе этого слова: *Пестуны, они не отходят от матери-медведицы, а нянчатся с медвежатами маленькими*.

Кроме того, диалектное название употребляется по отношению к хорьку (*хорик*). Сознание диалектносителя также выделяет из диких зверей лося – существует диалектный глагол *рычать* (*ричать*) ‘издавать характерные звуки (о лосе)’.

Дикие птицы в целом обозначаются словом *дичьё*. Из общей массы этих птиц носители кирилловских говоров выделяют тех, для обозначения которых существуют отдельные слова и в литературном языке: жаворонок (*жаравка*), журавль (*журавель*), кукушка (*кукуля*), ласточка (*ластивка*, *касатушка*), тетерев (*полевик*), скворец (*скворчик*), соловей (*соловьёныш* ‘детёныш соловья’), тетерев (*тетерёнок* ‘детёныш тетерева’), *чувыкать* ‘издавать звуки, характерные для тетерева’), сорока (*стремануть* ‘издать характерные звуки (о сороке)’).

Среди пресмыкающихся носители говоров выделяют лягушек и змей: *лягва* ‘лягушка’, *норос* ‘лягушечья икра’, *пологоло́вец*, *пологоло́вец*, *попоголо́вец* ‘головастик’, *урчать* ‘квакать’, *гáдина* ‘змея’, чёрная змей ‘уж’. Из насекомых внимание диалектносителей привлекают муравей (*марыш*), овод (*овад*, *паут*), стрекоза (*сíлик*), сверчок (*стричóк*; *сверчать* – издавать звуки (о сверчке)), а также пчёлы (пчелиный улей – *пороёк*).

* * *

Таким образом, картина природы носителя кирилловских говоров отражает такие общие черты диалектного восприятия мира как прагматичность, конкретность, образность, деление объектов познания на части и др. Сознание диалектносителей выделяет в окружающем

природном мире объекты, имеющие определённое практическое значение, так или иначе включённые в круг повседневной деятельности человека (лекарственные травы, опасные звери, участки болота в зависимости от степени их проходимости и т.д.).

§ 5. Наблюдения над особенностями диалектного словообразования в говорах Кирилловского района

Явления диалектного словообразования начали изучаться диалектологами значительно позднее, чем фонетико-морфологические черты и лексическое своеобразие говоров. Тем не менее во второй половине XX века в русской диалектологии появился ряд исследований, посвященных диалектному словообразованию. Это анализ слов одной части речи отдельных говоров [Иванова, 1972; Завалишина, 1981; др.] и различных их совокупностей [Опыт, 1982]. Это описание различных единиц диалектной словообразовательной системы: словообразовательных категорий [Яцкевич, 2006; Новикова, 2006], типов словообразования [Араева, 1981; 1994; Антипов, 2001; Гудкова, 1983; др.], словообразовательных гнезд [Пантелеева, 1978; Шелепова, 1985; Галинова, 2000; др.]. Это подробное описание отдельных словообразовательных формантов: их формальной репрезентации в сочетании с различными производящими основами [Антипов, 1997; 2001], семантического потенциала [Араева, 1994; Вяткина, 2004; Катышев, 2001; Оглезнева, 1996], функциональных характеристик, например, продуктивности в исследуемой системе [Павленко, 1974; Методические рекомендации, 1990; Евдокимова, 1995; др.]. На основании частных исследований на материале различных русских говоров уже состоялись несколько попыток концептуального описания русской диалектной словообразовательной системы и методов ее исследования [Порохова, 1968; Пантелеева, Янценецкая, 1979; Вендина, 1998; Азарх, 2000; Русская диалектология, 2005]. В основном наблюдения в области диалектного словообразования касаются явлений севернорусских и сибирских говоров. Исследуемые нами говоры Кирилловского района Вологодской области в этом отношении изучены недостаточно: на их материале делаются выводы относительно функционирования отдельных словообразовательных формантов, преимущественно в области исторической диалектологии (см., например: [Чайкина, 1977; Чайкина, 1988; Герд, 1995; др.].

Экспедиции, ориентированные на изучение диалектного словообразования, работали в Кирилловском районе с 1996 по 2003 гг. Организация работы в такой экспедиции существенно отличается от работы, ориентированной на фонетические или лексические программы. Приведём результаты работы одной из таких экспедиций. Местом её работы были пять населенных пунктов Кирилловского района: г. Кириллов, сёла Горицы и Ферапонтово, деревни Борбушино и Зыбощине. В состав рабочей группы входили студенты I–III курса филологического факультета ВГПУ. В течение трёх лет работы состоялось четыре выезда, в результате которых был собран значительный по объёму диалектный материал.

Основу сбора данных по диалектному словообразованию исследуемых говоров составил вопросник, ориентированный на изучение производной лексики в составе диалектных словообразовательных гнезд [Шаброва, 1998]. Применялась методика сбора данных по «матрице» гнезда. Основные принципы этой методики состоят в следующем.

1. Наиболее продуктивным для работы по словообразовательным программам представляется *метод направленной беседы*. Следует помнить, что беседа по словообразовательной программе для информанта значительно сложнее и утомительнее, чем по лексической, поэтому целесообразно чередовать эти виды работ.

2. Перед экспедицией в результате работы с данными диалектных словарей формируется первоначальный список непроизводных диалектных слов – предполагаемых вершин словообразовательных гнёзд. Эти слова ранее были зафиксированы на исследуемой территории, они не обнаруживают формальных и семантических признаков производности. Возможно, в исследуемом говоре от таких слов могут быть образованы другие слова. Это и предстоит выяснить собирателю, параллельно работая по словообразовательным и лексическим программам.

3. После того, как наличие слова в говоре установлено, можно переходить к изучению его словообразовательного потенциала. Если в говоре обнаружилось несколько однокоренных слов, то можно попробовать определить, есть ли между ними отношения словообразовательной производности. Для этого следует обратиться к списку производных для той или иной части речи словообразовательных типов. При этом вопросы могут быть направлены и на выявление слова через его словообразовательное значение, и, наоборот, на определение значения через слово.

Так, например, производные от глагола *боркать* 'звенеть, стучать', 'болтать' [СВГ, 1: 39] (*бо'рк/ну/ть* 'произвести какой-либо звук', 'чиркнуть, издать резкий звук' [там же], *за/бо'ркать* 'застучать, зазвенеть' [СВГ, 2: 95]) могут быть прямо названы информанту («*Известно ли вам это слово? Что оно означает?*»), а также могут быть выявлены через словообразовательные значения («*Боркать – стучать. А если стукнуть один раз? А если начать стучать?*»). Среди реально существующих в говоре информант может называть и *потенциальные слова*, образованные по аналогии, но не известные данному говору. Поэтому в беседе с разными информантами следует перепроверять результаты предшествующих бесед, чередуя вопросы разных типов относительно одного и того же слова.

4. Выявление состава однокоренных производных слов в исследуемом говоре и обнаружение между этими словами отношений словообразовательной производности дает основание для предварительного моделирования *словообразовательного гнезда*. Зная закономерности структуры типовых словообразовательных гнезд с вершинами определенных частей речи, можно предположить, какие производные слова с какими значениями могут его составить, иначе говоря, составить «*гнездо-матрицу*» (см., например, [Тихонов, 1990]). Вместе с тем не все потенциально возможные компоненты этой матрицы могут быть реализованы в исследуемом говоре в предполагаемых значениях. Какие из этих компонентов существуют в говоре и в каких значениях – серьезная задача, которую и будут решать собиратели в беседе с информантами.

В результате работы по «*матричной*» программе могут быть описаны реально представленные в говорах совокупности однокоренных слов. Оптимальные результаты дает сочетание бесед по «*матричным*» и лексическим вопросникам, позволяющее более полно выявить значение каждого слова и избежать излишнего давления на собеседника логикой гнезда-матрицы. Фрагмент расшифровки такой беседы приводится ниже. В ней участвуют три собеседника: собиратель (С) и два информанта (И₁: Анна Алексеевна Шаброва, 86 лет; И₂: Анна Львовна Струничева, 81 год), жители деревни Борбушина Кирилловского района Вологодской области. Речь идет о словах диалектного корневого гнезда с вершиной *-паз-*; о наличии в говоре непроизводного глагола с этим корнем собирателю было известно заранее.

С: *А пазгать – это что делать?*

И₁: *Пазгать? Ну вот вицу пямят восьмёт и начнёт пазгать, если наварзашь чего. Бить то есть. Или матка. Такую устроит пазгать, дак ж... всю исхлётшет!*

И₂: ... Я раз <еду в поле отцу> понесла, дак на мосту пазгнулась, всю стекляшку пролила. Ой, меня матка-то отчихвостила!

И₁: *На вашем-то на мосту недолго и на тот свет пазгнуться. Поди, с Леушка <отец И₂> никто не обихаживал, и свет вы с Виушкой худой жжёте.*

С: *Пазгнуться, получается, это упасть? А пазгаться?*

И₁: *Пазгаться? Вон, бабы в кине из-за мужика пазгаются, одна другую за волосы дерёт! Или муж с женой. Вон Шумиловские не отстают пазгаться, Людка который раз с синяком ходит.*

С: *А когда друг с дружской пазгаются, как таких людей назовут?* <Вопрос раздела «Человек» программы ЛАРНГ>.

И₁: *А дураки назовут. Скажут: собачистую себе бабу взял, горлопанку.*

С: *А мужик если?*

И₁: *Фулюган, скажут, зимогор.*

И₂: *Выпьют, дак и пошли друг дружку пазгать...*

В результате беседы, фрагмент из которой был приведен выше, а также после беседы с другими жителями этой деревни мы структурировали корневое гнездо с вершиной *-пазг-* в говоре деревни Борбушина, получив при этом дополнительные сведения о семантике других диалектных слов, функционирующих в данном говоре: *зимогор, наварзать, обихаживать, отчихвостить, собачистый* и др.

Работа по словообразовательным программам, ориентированным на исследование явлений глагольного словообразования, дала возможность выявить следующие особенности диалектного словообразования в исследуемом говоре.

Предварительный список диалектных непроизводных глаголов, зафиксированных на этой территории, состоял из 400 слов. В результате были структурированы 164 отглагольных словообразовательных гнезда объемом от 2 до 20 слов. Отмечены типичные для диалектного словообразования явления формального и семантического варьирования словообразовательных гнезд: наличие в гнездах фонематических вариантов (*разбудáть – разбодáть* ‘забодать’), словообразовательных вариантов (*обстíгчи – обостíгчи* ‘обогнать’) и синонимов (*разбудáть, забудáть, сбудáть* ‘забодать’), особенности семантической организации гнезда (выделение внутри гнезд различных семантических зон) и т.д. Было отмечено также, что ряд непроизводных глаголов, ранее отмеченных на данной территории, не имеют произ-

водных, употребляются в говоре изолированно или вообще не употребляются, а только опознаются информантами (например, *хұннаты*, *хылкать*, *жұлькать*, *курёвтать* и др.).

Исследование диалектных словообразовательных гнезд в говорах Кирилловского района позволило сделать следующие выводы.

Диалектная словообразовательная система, являясь территориальной разновидностью общерусской словообразовательной системы, в основном состоит из общерусских элементов, вступающих в локально не ограниченные отношения. Об этом свидетельствует то, что отглагольное словообразование осуществляется в этой системе с помощью продуктивных в русском языке словообразовательных формантов (*за/рюхать* ‘начать хрюкать’ – *рюхать* ‘хрюкать’, *по/шиньгать* ‘пощипать шерсть в течение непродолжительного времени’ – *шиньгать* ‘щипать, теребить шерсть’, *про/шляндать* ‘пройти мимо чего либо, гуляя без дела’ – *шляндать* ‘бродить без дела, шляться’, *у/мұслять* ‘испачкать слюной’ – *мұслять* ‘пачкать слюной’, *на/крятать/ся* ‘наработатьсь до каких-либо отрицательных последствий’ – *крятать* ‘тяжело и много работать’, *баж/ұтқа* ‘капризный человек’ – *бажыть* ‘хотеть, желать чего-либо’, *зыб/ұл/я* ‘треснувший лед’ – *зыбать* ‘колебать, качать’, *лявз/ұн* ‘сплетник’ – *лявзать* ‘сплетничать’, *нявга/л/о* ‘плакса’ – *нявгать* ‘надоедливо, монотонно плакать’, *пóрх/алиш/е* ‘место, где пернатые чистят перья’ – *пóрхать* ‘барахтаться в песке (о птицах)’ и др.). В результате, как правило, в системе отглагольного словообразования образуется типовое гнездо, в структуре которого преобладают производные глаголы, различным образом модифицирующие значение исходного действия, а также встречаются производные существительные со значением лица (производителя действия) или предмета (орудия или результата действия), реже – отглагольные прилагательные. Пример типового отглагольного словообразовательного гнезда приводится ниже (гнездо №1).

<i>карз/áть</i> →	<i>карзатъ-ся</i> ‘терзаться’ →	<i>ис-карзатъся</i> , ‘истерзаться’
‘обрубать ветки, сучья у деревьев’	<i>вы-карзать</i> ‘обрубить ветки, сучья’ <i>до-карзать</i> ‘закончить обрубать ветки, сучья’ <i>о-карзать</i> ‘обрубить ветки, сучья со всех сторон’ <i>по-карзать</i> ‘пообрубать ветки, сучья в течение некоторого времени’	
	<i>ис-карзать</i> ‘исцарапать’ →	<i>искарзатъ-ся</i> , ‘исцарапаться’
	<i>карз-ұнъ{й-а}</i> ‘место в лесу, где заготовляют ветки, сучья’	

Приведём фрагмент беседы собирателя с информантами относительно слов данного гнезда (С – собиратель, И₁ – Анна Алексеевна Шаброва, 86 лет; И₂ – Анна Львовна Струничева, 81 год; И₃ – Ольга Павловна Мышина, 58 лет).

С: *Карзать* – это что делать?

И₁: *Карзать-то? А, поди-ко, чего-то делать...* Ольга, *карзают-то* ведь сучья?

И₃: Сучья. Топором берешь и карзаешь. *На Карзунье*.

С: *На Карзунье?*

И₃: Ну, *Карзунья...* Мы маслушки-то с тобой, помнишь, брали. *На Карзунье* маслушки-то сей год много.

С: *А ещё где-нибудь карзают?*

И₁: *А к избе привезут в сучьях – дак и тут карзаешь.*

И₂: *Обкарзать надо со всех сторон.*

С: *А Карзуньей-то почему называли?*

И₃: *Дак карзали, лес там заготовляли.*

И₁: *Обкарзали, намусорили, не пройти и не проехать.*

И₁: *Нюрка, ты на Карзунье гадюку-то видела?*

И₂: *Ой, Алексеевна, не говори. Согрешила я с гадюкой-то. Еле ведь тогда от неё ноги унесла.*

С: *А выкарзать можно что-нибудь?*

И₁: *Выкарзать? Ну, вырубить, сучьё-то это.*

С: *А карзаться?*

И₃: *Карзаться? Искарзался весь, дома-то когда худо. Бабы карзаются, как в доме чего неладно. А что ещё? Не помню, поди.*

Наряду с общерусскими явлениями в диалектной словообразовательной системе можно выделить и региональные особенности.

Во-первых, это существование в ней диалектных производящих глаголов – вершин словаобразовательных гнезд. В таких гнездах на основе общих закономерностей отглагольного словаобразования образуются локально ограниченные элементы – диалектные производные глаголы, имеющие различную территорию распространения. Это общедиалектные глаголы (гнездо № 2), а также глаголы севернорусского ареала распространения (гнездо № 3).

Гнездо № 2.

баж/й/ть →	бажить-ся ‘хотеться’ → за-бажиться ‘захотеться’
‘хотеть, желать’	за-бажить ‘захотеть’
	баж-үтк-а ‘тот, кто часто капризничает’
	баж-ён-ый ‘любимый’

Ср.: *баж/áть* (нврс., вор., влгд., вят., олон., симб., ниж., пенз.), *баж/е/ть* (яросл., вят.), *баж/и/ть* (влгд., перм., нвг., ниж., яросл.), *баж/áн/и/ть* (нвг.) ‘желать, хотеть чего’ [Даль, I: 37; СРНГ, 3: 44]; *баж/и/ть* ‘очень хотеть’ [СВГ, 1: 18].

Гнездо № 3.

<i>ня'вг/а/ть</i> →	<i>за-ня'вгать</i> ‘начать плакать’		
‘кричать’,	<i>по-ня'вгать</i> ‘поплакать’		
‘плакать’,	<i>раз-ня'вгать-ся</i> ‘раскричаться, расплакаться’		
‘говорить	<i>ня'вг-ал-о</i> ‘тот, кто постоянно плачет, капризничает, плакса (общ.)’		
невнятно’	<i>нявг-ун</i> ‘тот, кто постоянно → плачет, капризничает, плакса (м.)’		

Ср.: *нявг/а/ть* ‘тихо плакать, хныкать’ (волог., олон., новг., сев.-двин., вят., перм., енис., тобол., сиб., томск., урал.) [СРНГ, 20: 332]).

Приведём пример беседы, ориентированный на сбор информации по гнезду с вершиной *нявгать*. С – собиратель, И₁ – Анна Алексеевна Шаброва, 86 лет.

С: *Бабушка, а кто нявгает?*

И₁: *Нявгает? Вон кошка нявгает, ись хочет. Человек нявгает, тоже ись хочет. Ты маленькая была, нявгала. Нявгунья была.*

С: *Девочка – нявгунья, а мальчик?*

И₁: *Нявгун, нявгало – кто как скажет. А больше, если разнявгался, дак тумака дадут. Не нявгай!*

С: *А почему начинают?*

И₁: *А еот вы с Пашей раздерётесь, бывало, и занявгаете.*

Во-вторых, это не типичная для общерусской словообразовательной системы сочетаемость производящих основ и словообразовательных формантов. Так, например, образование производных глаголов совершенного вида от общерусского производящего *бодать* в говорах происходит с помощью приставки *за-*, как в литературном языке (*забодать*, *забудать*), а также путем присоединения приставок *раз-* и *у-* (*разбодать*, *разбудить*, *убодить*), что не характерно для словообразовательного гнезда с данной вершиной *бодать* в литературном языке. В некоторых случаях в диалектном гнезде представлены отношения словообразовательной производности, утраченные в системе современного литературного языка (*ку-мékать* ← *mékать* ‘соображать, размышлять’). Это свидетельствует о том, что словообразовательная система исследуемых говоров является более архаичной, чем соответствующая система литературного языка.

В-третьих, это региональное варьирование формальной и семантической структуры гнезд. Так, среди вершин исследуемых гнезд достаточно часто наблюдается варьирование фонематического состава в структуре корневой морфемы (*куфтать*, *кухтать* ‘кутать’, *жварить*, *шварить* ‘бить’, *мыркать*, *ныркать* ‘говорить невнятно’), а также варьирование основообразующих суффиксов (*влада́ть*, *володовáть* ‘владеть’). Вариантность вершин наследуется в гнезде, вследствие чего в некоторых из таких гнезд можно выделить подгнёзда, образуемые от различных вариантов вершины гнезда (гнездо № 4).

<i>влад/а/ть</i> →	<i>о-влада́ть</i> ‘сделать что-либо своей собственностью’
	<i>со-влада́ть</i> ‘справиться с кем-либо, подчинить себе’
<i>волод/ова/ть</i> →	<i>за-володовáть</i> ‘завладеть’

В некоторых случаях варьирование фонематического состава наблюдается и эпизодически (*выкобáниться* ‘вделать что-либо наперекор здравому смыслу’ – ср.: *кобéниться* ‘упрямиться’).

В-четвёртых, вершины многих гнёзд, как показали наблюдения, имеют в говорах несколько значений. Поэтому в структуре этих гнёзд могут быть выделены отдельные семантические зоны, которые развивают отдельные значения производящего глагола. Примеры подобных гнёзд приводятся ниже (№ 5–6).

Гнездо № 5.

<i>сн/овá/ть</i> ¹ →	<i>по-сновáть</i>
‘в ткацком деле:	‘поткать в теченис некоторого времени’
соединять нить	<i>о-сновáть</i>
основы и уток’	‘соединить основную нить и уток; соткать что-либо’
<i>сн/овá/ть</i> ² ‘быстро ходить взад и вперед’ →	<i>сновáть -ся</i> ‘бродить без дела’

Гнездо № 6.

<i>кулик/á/ть</i> ¹ →	<i>куликáть-ся</i> →	<i>кулик-нú-ться</i> ‘перевернуться через голову’
‘переворачивать’	‘кувыркаться’	
<i>кулик/á/ть</i> ² ‘бросать’ →	<i>кулик-нú-ть</i> ‘бросить’ →	<i>куликнúть-ся</i> ‘упасть’
<i>кулик/á/ть</i> ³ ‘бить’ →	<i>ис-куликáть</i> ‘избить’	
<i>кулик/á/ть</i> ⁴ →	<i>до-куликáть</i> ‘перестать ходить (обычно об умерших)’	
‘ходить, передвигаться’	<i>от-куликáть-ся</i> ‘то же, что <i>докуликать</i> , отмучиться’	
<i>*кулик/á/ть</i> ⁵ ‘пить (вино, водку)’ →	<i>на-куликáть-ся</i> ‘напиться вина, водки’	

Приведем пример диалога, ориентированного на сбор информации по гнезду с вершиной *куликать*. С – собиратель, И₄ – Николай Павлович Шабров, 60 лет.

С: *Николай Павлович, а что банку куликнуть – это что сделать?*

И₄: *Это, Катя, перевернуть. Дном кверху. Вот так поставь.*

С: *А куликать?*

И₄: *Куликать? Куликать – получается, что переворачивать. Ещё куликать, например, в кусты, когда чего не надо. Искуликать можно кого-нибудь, кто если худой человек.*

С: *Это что сделать?*

И₄: *Ну, извалять, избить, искуликать если. А ещё говорят – он накулился. Пьяный.*

Достаточно часто диалектное словообразовательное гнездо в ис следуемом говоре представляет собой сложное образование, в котором может присутствовать несколько ступеней производности, могут быть выделены зоны как формального, так и семантического варьирования. Таковым, по нашим данным, является гнездо, приведенное ниже (гнездо № 7).

<i>шáр/u/tъ</i> ¹ ‘искать’ →	<i>вы</i> ‘-шарить’ ‘отыскать’ <i>на-шáрить</i> ‘найти, обнаружить’ <i>о-шáрить</i> ‘обыскать везде, где можно’ <i>по-шáрить</i> ‘поискать’
<i>шáр/u/tъ</i> ² ‘тереть, лить’ →	<i>на-шáрить</i> ‘натереть’
<i>*шáрить</i> ³ ‘бить’ →	<i>шáр-ну-ть</i> ‘ударить’
<i>швáр/u/tъ</i> ¹ → ‘тереть, чистить, скоблить’	<i>швáр-ну-ть</i> ‘содрать резким движением’ <i>за-швáрить</i> ‘испортить трением’ <i>на-швáрить</i> ‘начистить, натереть’ <i>по-швáрить</i> ‘пооттираять, почистить’ <i>со-швáрить</i> ‘удалить что-либо, стереть’
<i>швáр/u/tъ</i> ² ‘бить’ →	<i>швáр-ну-ть</i> ‘ударить’ →
<i>швáр/u/tъ</i> ³ ‘шаркать ногами при ходьбе’ →	<i>швáрнуть-ся</i> ‘упасть’, <i>от-швáрить</i> ‘избить’, <i>у-швáрить</i> ‘уйти’

жвáр/uть ¹ ‘тереть, →	на-жвáрить ‘натереть; вымыть мочалкой в бане’
чистить, скоблить’	по-жвáрить ‘потереть; помыть мочалкой’
жвáр/uть ² ‘интенсивно, →	на-жвáрить ‘накосить сена;
с усилием делать что-либо’	затопить баню, печку’
жвáр /uть ³ ‘бить’ →	жвáр-ну-ть ‘ударить, стукнуть’
	на-жвáрить ‘набить, избить’

Наблюдения над функционированием производных слов в говорах Кирилловского района показали, что в диалектной словообразовательной системе на равных основаниях соседствуют общерусские и территориально ограниченные элементы и отношения. Это убеждает нас в том, что явления диалектной словообразовательной системы следует изучать в недифференцированном виде путем целенаправленного опроса носителей говора с помощью специальных словообразовательных программ.

Крестьянская семья Архиповых—Татауровых. 1906 г.

Дмитрий Петрович Татауров, уроженец
д. Дымково Новгородской губернии.
Начало XX в.

Анна Алексеевна Шаброва.

Фотографии
30-х и 70-х гг. XX в.

Ученики Борбушинской начальной школы Кирилловского района. Начало 60-х гг. XX в.

3-й ряд: Струничев Николай, Белов Владимир, Воронцов Николай, Маркелова Любовь, Назарова Галина, Струничева Валентина, Гагарина Нина; 2-й ряд: Маркелов Николай, Воронцова Валентина, Хохлова Нина, Полина Татьяна, Миронов Федор, Корягина Нина; 1-й ряд: Воронова(?), Гагарин Николай, Назарова Татьяна, Хохлов Николай, Сергеев Геннадий; Взрослые: 3-й ряд: Гусева Роза Ивановна, 2-й ряд: Людмила, зав. клубом, 1-й ряд: Шаброва Анна Алексеевна

Жители Кирилловского района у памятника воинам-землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Конец 90-х гг. XX в.

1-й ряд: Маркелова Екатерина Игнатьевна, Струничева Тамара Никитична, Маркелова Мария Акимовна,
Кочнева Александра Григорьевна (?), Корягина Зоя Александровна, Корягина Александра Дмитриевна,
Максимова Валентина Семеновна, Воронова Мария; 2-й ряд: Корягина Маргарита Ивановна (?),
Шаброва Анна Алексеевна, Некрасова Надежда Ивановна, Струничева Анна Львовна,
Грибова Нина Георгиевна, Гоголева Зинаида (?), Степанова Агния Васильевна, Максимов Анатолий Павлович,
Харитонова Аполлинария Виссарионовна

Н.П. Шабров за штурвалом самолета. 1957 г.

ГЛАВА II

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ЖИТЕЛЯ КИРИЛЛОВСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Изучение феномена диалектной языковой личности относится к числу актуальных проблем современной диалектологии [Гольдин; 1997; Иванцова, 2002; Трубинский, 2004; др.]. Для решения этих проблем необходим значительный корпус текстов, разнообразных в тематическом и жанрово-стилистическом отношении, ярко иллюстрирующих фонетико-интонационное, лексико-фразеологическое и грамматическое своеобразие речи информанта, а также показательных в сфере анализа его когнитивных и поведенческих особенностей [Тимофеев, 1971; Иванцова; 2005; др.]. Длительные наблюдения над речью сельских жителей Вологодского края в Вологодском государственном педагогическом университете позволили не только сформировать обширную лексическую картотеку, послужившую основой «Словаря вологодских говоров» и других лексикографических проектов кафедры [Вологодское словечко, 2009; Золотые россыпи, 2014; др.], но и систематизировать значительный по объему корпус текстов, записанных со слов отдельных информантов. Актуализации этих материалов служит проект «Народная речь Вологодского края», в рамках которого представляются речевые портреты пожилых вологжан – носителей вологодских и белозерско-бежецких говоров.

Описание речевого портрета каждого информанта в нашей работе включает в себя краткую биографическую справку, представление записанных с его слов текстов в форме звучащей речи (в приложении к монографии), орфографической записи и / или упрощенной фонетической транскрипции, а также комментарий собирателя, относящийся к наиболее ярким особенностям языковой личности информанта. В конце каждого из четырёх разделов этой главы приводится список диалектных слов, отмеченных в записях речи, с опорой на лексикографические источники.

§ 1. АННА АЛЕКСЕЕВНА ШАБРОВА

В гостях у Анны Алексеевны Шабровой за пятнадцать лет полевых записей говоров Кирилловского района побывало более сотни диалектологов. В её гостеприимном доме на краю деревни Борбушина находилось место для студентов из Вологды и Череповца, для аспи-

рантов-диалектологов из Санкт-Петербурга, для специалистов из Германии и Швейцарии, изучающих русский язык и самобытную культуру северной деревни. Хозяйка угощала гостей немудрёной домашней едой, доставала с полки старинные фотоальбомы, на страницах которых навсегда остались её родственники, односельчане, ученики.

Особая порода людей – сельские учителя. Каких только испытаний не выпало на их долю в бурные двадцатые, индустриальные тридцатые, трагические сороковые, тревожные пятидесятые, беспокойные шестидесятые и во все прочие десятилетия XX века! Чем только не приходилось заниматься сельскому учителю кроме своей профессии: и разъяснять генеральную линию партии, и агитировать крестьян приобретать облигации государственного займа, и собирать сведения о составе семей и численности домашнего скота, и участвовать в переписи населения! И – вместе с односельчанами – пахать, жать, сеять, косить траву, заготавливать дрова, делить радости и тревоги своего неспокойного времени. И на протяжении долгих лет оставаться для своих учеников – уже взрослых людей, состоявшихся в семье и в профессии, – другом, советчиком, примером для подражания. Возможно, поэтому, идут годы, а сельский учитель не торопится дряхлеть, по-прежнему остаётся для своих односельчан не просто соседкой, бабкой Нюрой, а Анной Алексеевной.

Судьба А.А. Шабровой (Татауровой) во многом отразила драматические события новейшей истории нашей страны. Родной деревни Большое Дымково, в которой 1 ноября 1911 года родилась Анна Алексеевна, уже давно нет на географической карте. Эта земля лежит на дне водохранилища, а остатки сельского кладбища покоятся возле Покровской церкви недалеко от Кириллова. Родная семья Татауровых относилась к числу зажиточных: имела достаточно земли, собственное кустарное кожевенное производство, мельницу, небольшую пасеку. И семья человек детей, на долю которых выпали аресты и расстрелы, война и тяжёлый труд. Когда в начале тридцатых годов Анна закончила Белозерское педучилище, возвращаться ей было уже некуда: семью раскулачили, дом и скот отобрали для колхозных нужд, старших братьев арестовали. Спасением для неё стали добрые люди: заведующие и учителя сельских школ, в которых она работала после училища, односельчане и семья мужа, Павла Прокопьевича Шаброва, ставшего вскоре председателем Борбушинского колхоза. В этой деревне Анна Алексеевна прожила более шестидесяти лет, выучила всех сельских ребятишек в начальной школе. В этой же деревне 26 июня 2001 года она скончалась, немного не дожив до своего девяностолетия.

Анна Алексеевна Шаброва охотно беседовала со студентами-диалектологами о природе, о крестьянском труде, о невероятных проишествиях, свидетелем которых она была или о которых слышала от очевидцев. Обращают на себя внимание некоторые фонетические особенности речи информанта: произношение долгих твердых шипящих (*н йиший, зав ёдуший*), неслогового *у* на месте [в] и [л] в слабых фонетических позициях (*коўдовство, по ўсякому, Пáулк*). В грамматическом отношении речь Анны Алексеевны близка к литературной норме. Далее приводится расшифровка записи одной из бесед с А.А. Шабровой (общая продолжительность звучания – 1 час 23). Самой яркой диалектной чертой в этой записи является употребление диалектных слов: они выделены в тексте жирным шрифтом и про-комментированы в примечаниях с опорой на лексикографические источники.

Разносторонний разговор (00.00)

– Когда в хлеву черное находят в зерне, это что?

– Спорынья.

– А её используют для колдовства?

– Не знаю, матушка, я с коўдовством не знакома.

– А вот если человек со странностями немножко: такой вот то ли сумасшедший, то ли со странностями, ведет себя не так, как все, как его назовут?

– Дурак, полуумный.

– А скажут половина дурака?

– Половина дурака, да.

– А скажут лешачиха?

– По-другому так часто называют лешачиха.

– А за что?

– Не знаю. Ругаецца. Вот пришла сюда. Я лежу. <Лешачиха>: «Так и знала, что дрыхнешь». Ну а ейное ли дело, какое дело: я лежу, не лежу? Посидела и ушла: «Нигде меня не любят». Ушла и все.

– Бабушка, а если у человека волосы вот так вот не прибранны?

– Растрёпа.

– А еще как? Скажут ли, что заполненные волосы?

– А? Заполненные? Да.

– Ясно. А вот если у женщины на голове ничего нет (не покрытая голова)?

– Гологоловая.

О зимогоре (01.31)

— *А если человек неряшливый, как его назовут?*

— Неряхой, и все.

— *А не назовут, что этот человек зимогор?*

— Зимогор? Зимогор — это специальные люди были, которые ходили по деревням собирали крошки, хлеб. А сами и хлеб пропивали да едали. У нас зимогор ходил с зимогоркой, и у них ребёночек был.

— *Зимогорок.*

— Как звали её — не помню. Он такой чудак: всякие фокусы знал делать. Так мы ещё ходили маленькие. Нас мама не отпускала. Хотя тётя: «Пусть идут, научаща всему, посмотрят». Так мы еще таким давыдом вон у них останавливался у Нефёда. *«Зимогор»:* «Чё, ребята, пришли-то?» — *«Пришли».* А он уж знает зачём пришли. *«Зимогор»:* «А может вам показать што-нибудь, фокус какой-нибудь?» Здоровенный. Это зимогор и зимогорка. Вот недавно, годов десять тому назад. С ним сзади с клошкой ходила с котомкой зимогорка. Вот Хрущову спасибо: всех таких низших, всех этих зимогоров определил в эти дома престарёлых. А теперь опять появились, снова идут.

О заговорах (02.59)

— *Бабушка, а вот когда от испуга лечат, как заговаривают? Чево делают?*

— С испуга? Так к колдунам тоже ходят.

— *А как вот это делают?*

— Не знаю, я ведь не колдунья.

— *А не выливают воду, вот так. Воду изо рта на человека не выливают?*

— Вспрыскивают.

— *Дак как это делают?*

— Не знаю.

— *Просто спрыскивают неожиданно?*

— Да. Вот, озык. Да, вот придет Львовна: «У тя есть слова, найди». Вот найду слова, почитаю и говорю: «От Бога, от людей, от ветра». Три уголька надо спустить. Я говорю: «У тебя от людей». — «Так и знала, что от людей!».

— *Какие это три уголька? Куда три уголька?*

— В воду. А потом этой водой надо спрыснуть её нечаянно. Но и дать попить и умыться. Вот и так, как легче стало. Я и говорю: «Больше тебе делать не буду».

— *Бабушка...*

— Не помню, у меня памяти нет, а надо читать, дак какой толк? Не один раз это прочитать, не буду читать.

— А ты как узнала, что от людей озык?

— Да потому што шипит на тот уголёк.

— А что, он в воде шипит?

— В воде шипит.

— А грыжу как лечат?

— А грыжу по увсякому лечат. Дедушка у нас, Прокопий, дак заговаривал. А хто дак зашибывает зубами своими или дёснами, если зубов нет. Где у кого какая грыжа бывает пуповая, а бывает и моночки.

— А жабу заговаривают?

— А где жаба бывает? Где-то в груди не бывает жаба? Не знаю.

— Не знаешь, да? А вот вода, которую заговаривают, её как-нибудь называют?

— Не знаю. Вот, Дмитриевна Валерку когда родила, Гриша-то у ей загулял, она и ходила к колдунам. Дак колдунья какую-то верёвку в воду спускала, ниточку. Вот говорит: «Гляди, как он тебя не любит-то, крутица верёвка-та». Говорит *<Дмитриевна>*: «Видала и сама, вода, — говорит, — забурлила». А потом *<колдунья>*: «Он любить тебя не будет, а жить от тебя не уйдёт, с тобой жить будет».

— А если человек в животное превращается, дак как это назвать?

— Животное, и всё. Как он в животное превращаецца?

— А не может человек в животное превратиться?

— Конёшно. Не знаю. Пьяный дак, конёшно, он животное, не человек.

— Почему говорят, что тётя Поля — колдунья, ведьма?

— Да не ведьма, у ней мать была колдунья — знала это всё. А так-то никто хоть вы не скажите никому — она рассердица.

— А еще есть на деревне колдуньи?

— Нет, здесь нету. Была да умерла.

— Она детям передала своё колдовство?

— Говорят, что дочка всё знает. Вот, этот Миша, цыган-то, был, с дочкой жил.

— Передаётся по женской линии?

— Нет, говорят, кому хочешь можно передать. Была колдунья, Лебедева-то, говорят. Передала Шурке. Вот и всё. А Шурка теперь умерла. Дак кому передала? Неизвестно. А Нюрка больная дак, Зинка не будет, не верит ничему. Значит, кому-то чужому передала. И умерла легко. Говорят колдуны мучающие долго — не могут умереть, а вот она легко умерла. Колдуном может быть только тот, у кого очень хорошая память. Да, память, если хорошая, дак она все слова может запомнить, всё колдовство это всякое. А если не помнишь, дак чё, какой толк? Мне дали списали. Вот от озыка, от змей, ишшо какие...

— Покажи.

— А где-то есть от озыка. Сейчас поищу. Надо найти.

— Давай-ка, читай.

— Я знаю, что ты меня обманываешь: всё записываешь.

— Где очки? Передайте очки.

— Бежит речка с севера на юг, с запада на восток. Омывает речка пенье, коменье и всяко коренье. Обмой у меня у рабы божия, у Анны пальчики, суставчики, жилы подколенные, головные, внутренние. С ветру пришло — угольки спускаешь на ветер иди, от народа пришло — к народу иди, от злого, от лихого человека пристало — злому человеку пойди (попить, умыться и водой). Вот и всё. Вот, от озыка.

— А больше нет никаких?

— Были, да потеряла. Были много. Мне сказали — запиши. Памяти нет, дак запиши. А я записывала, а потом подумала — к чему мне это всё.

— Ну ладно, спасибо.

О поминаниях (09.35)

— Поминания дак это чево?

— Поминания, дак устраивают питьё опять да еду, да поминают за столом, да ходят на могилы да. Отмечают, что севодня год прошёл, как она умерла или он умер.

— Это только раз в год бывает?

— Раз в год, в этот день, когда она умерла.

— А для кого не устраивают поминания?

— У кого нет родных никого. Вот Лёня умрёт, то какое поминание об нём будет? Или как Львовна вон говорит: какое обо мне поминание будет? Дом заколотят да до свидания. Свезут да.

— А на году их сколько бывает-то?

— А поминают и в сорок дней, поминают и в полгода, поминают и в год.

— А скажут ли, что на году было несколько поминаний?

— Могут сказать. Значит, и в девятый день ходили, и в двадцатый день ходили, и в третий день ходили. Это всё поминания. А если с чужими людьми ешько приглашают других, дак поминания настоящее. Поминки еще называют. Поминания или поминки. Поминки. На поминки.

О беседах (11.05)

— Когда девушки засватали за кавалёра своево, она замуж выходит. Она делает для кавалера, то есть для барышней беседу, то есть вечер, и называющая они просвятки.

- *А что такое сватанье?*
- А сватанье одно и тоже. Просватки и сватанье — одно и то же.
- *А называют ли просватками тир, когда приезжаю сватать невесты?*
- Нет. Никакова веселья не бывает. А тут весельё и праздник. Тут даже пиво варят, бывает. Бывает, угощают девиц и гостей. На просватки приходят гости, что севодня просватки. Праздник. Устраивает вечер. Ну, по-городскому — вечер, а по-деревенски — беседа. Бывает, она и причёт отдаёт, когда начинающа эти просватки. А потом веселье. Выпьют с парнями. Пьяные.

— *А просто беседы бывают, когда молодежь собирается?*

- Бывают. Тоже беседой называют. Посиделка ещё. Бывает, приходят, знаете, с чем? С прялками. Тоже называлось «пойдём на беседу». Придут прялки — спрядут. Одна перед одной, которая больше и лучше напрядёт. Вдруг ребята с гармонью приходят: «Девки, бросайте свои прялки, давай плясать». И пошли все плясать. Устроили беседу. «Чево мало напряли?» — «Да севодня ребята приходили».

— *Много раньше было бесед?*

- А беседы были по очереди. Вот у нас, я маленькая была еще, только начинала маленько гулять-то, в седьмом классе училась, дак. Три беседы было. Вот были беседы с Николы. У нас беседы с Николы. Две недели идут. С Николы до Рождества. С Рождества идут в Уломе в самой, потом идут там в Воланцах. Те по две недели. А там три деревни вместе были — дак во всех тех деревнях тоже по две недели. Девицы и справляли. Есть пять девиц, то есть пятнадцать девиц — так надо, значит, на каждую штобы, каждая. А если не приходит на каждую по вечеру, дак второй раз обойдёшь. А если как лишка — то двое собирающа. Ну, вот за меня, помню, отдавали да решето картошки, да сколько-то хлеба, не помню. Не коровай ли хлеба отнесли за меня? Беседа. Дома некуда было — семья большая пускать. Дак и наймовали. Тут одна женщина бедно жила, дак она все пускала к себе эти беседы.

О наймовании (14.24)

— *А что значит наймовали?*

- Наймовали — это значит за деньги просились, чтобы провели вечер за нас. Женщина уж готовит, скажет: «Несите свои лампы и свой керосин». Так лампы свой нальём полно керосину и снесём лампы свои. Однудве. «У меня, мол, ничего нет». Она уж приготовит помещение: вымоет пол, лавку, везде пыль обтерёт, чтобы пришли, не запачкались.

— *А один человек может наймовать?*

- Может и один устроить вечер.

— *А если я это делаю?*

— Ты наняла, ты наймуешь.

— *А они?*

— Наймуют. Все соберёмся, вон, скажем, тетя, как её звали, у холушки старуху, забыла уж: «Тётя Наташа, пусти нас-то». — «Я большим девкам; большие девки у Тани будут спрашивать». — «Сколько тебе надо-то?». — «Да уж сколько вам не жалко». — «Нет, уж, вы скажите, сколько определите». — «Да по решету-то картошки принесите». Вот по решету картошки принесём, она на вечер нас и пустит. Прийдешь, скажешь: «Бабушка, мне бы картошки надо». — «Полезай в подполье, доставай». Вот пойдём, достанем в подполье картошки. Положила и понесла.

— *Если ты наймуешь, то как про себя скажешь?*

— Наняла, найму. По найму ходили, как по найму.

— *А я?*

— Наймуешь. По найму вот вчера. Значит, избу наймовали, вот как. А бывает жать наймовали, косить наймовали. Вот у нас дак жать рожь наймовали. Жито мелкое, ячмень, овес, это другое всё сами жали, а вот рожь наймовали. Зараз возьмут, рожь-то осыпаеща, надо её жать срочно. Возьмут человек пятнадцать девиц. «Приходите, девушки, кто хочет, дак сёдня к нам жать». Мама просит, и прийдут. Но кто прийдёт, другие скажут, что к другому ушла, другому обещалась. Вот человек пятнадцать придет, надо их завтраком накормить, обедом накормить, чаём напоить, вечером опять чаём напоить и ужином накормить. Три раза покормить да два раза чаём напоить. А за это ешшо надо отдать деньги, сколько они берут на день. Вот, Некрасиха говорит: «Я вот за пятнадцать копеек день жала». Бывали случаи. Я уж не помню, за сколько там. У нас тоже наймовали. У нас не один мы, а многие, у кого большие семьи да большие полосы, дак наймовали девицы, а девицы радёхоньки: надо на одежду-то, а особенно деньгами плотят дак тем более. Сами ешо напрашивающца.

— *А можно сказать «нанаймовать»?*

— Нанаймовать.

— *А как будет «нанять»?*

— Нанять — это значит кого-то, человека какого-то нанять работать.

— *А если его наняли, дак он какой работник?*

— Нанятый. Нанятый работник.

— *А казаком не назовут такого работника?*

— Нет.

О жатве (18.54)

— Это кто развар?

— Тихо переваливающа или я иду толстая, иду как утка.

— А вот таких женщин развар много бывает?

— Нет, немногих таких. Только старухи одни, а каких молодых не бывает развар штоб. Развары ведь они не в чести, их не любят. Особенно в деревне. Надо, штоб она пошевеливалась.

— А пошевеливается, скажешь, что ходко работает?

— Вот Анна Некрасова говорит: «Я по восемнадцать суслонон жала. Это очень много. За двоих работала. Так у них посмотришь — только снопы вертящца.

— А что такое суслоны?

— Суслон — это одиннадцать снопов. Надо сжать и поставить их в кучку. Я помню как груду ставили, как суслон ставили.

— А груду как ставили?

— А тоже надо десять — одиннадцать: так три, так три, да так три, да сверху три. Вот и четыре будет. Двенадцать снопов. А суслон сверху ешьшо ево раскроют и шляпу положат. Под суслоном можно скрыться от дождя, и тя не обмочит.

— А сколько суслонов выставляют на поле?

— А сколько полоса даст. Вот у нас была большая полоса. Так на одной полосе было восемнадцать суслонов, а на другой пятьдесят. Это в одном поле. Вот, какие были большие полосы. Потому что тринадцать человек, я помню, семья была, пока Александр, старший брат, не отделился от нас: взял жену, да ешьшо и ребёнок родился. Так вот их трое да нас десять человек.

— А бывало, что собирали по три — четыре суслона?

— Бывает, и такие два суслона нажнёт, ой, говорит, два суслона на полосе и колосок маленькой. Это, конечно, бывает, у бабули на поле: ни лошади у них нету, ни коровы путёвой нету и навозу нету. Кашу, пшена им возят.

— Это значит они бедные были?

— Бедные были. А у нас всё сами делали. Не наймовали никого, чтобы пахать или там еще чё-нибудь. У нас, я помню, отец, пока я жива, никогда не забуду: мы с Афонькой принесли ему еду. Я говорю ему: «Мы те еду принесли». — «Ладно-ладно, оставьте тут». — «Да ведь выстынет всё». А вы знаете, когда рожь сеем, запомните, ребята, шапка упадёт, так её некогда поднимать. Вот как надо торопиться сеять. Думай, завтракать или обедать. Скорее надо сеять рожь. Сеять пять дней, а потом вдруг сама взойдёт. А теперь после сентября сеять, то к сентябрю. Самый лучший сев — это в августе месяце: с пятого августа до сентября. Так вот и урожай будет, и хлеб будет, было много хлеба.

— Бабушка, а груда — это что?

— А груда — это тоже такой же суслон, а только что на грудкой, и сверху три снопа. Так два снопа и сверху сноп и все — груда. А суслон закрывать обязательно надо. Её составят эти снопы, а потом сверху разломают и сделают шляпку, и закроют. И стоит эта рожь, выстаивающаца. Когда она выстоища — её можно сразу солодом иссушить.

— А сноп перевязывают чем?

— Соломой перевязывают.

— А как она называется, то, чем перевязывают?

— Забыла. Вязка. На вязку берём, если мёлкое жито, то на вязку брали хорошую солому тонкую белую. А солому, где полоски-то вместе соединяешь, потом перевиваешь — вязка и будет. А если рожь просто берёшь горсточку, завиваешь у колосков, расправляешь её, а полоски-то так лежат вдоль колосков то, и ложишь. А потом завязываешь.

— А на один сноп сколько надо их?

— На один сноп — одну вязку.

— А на пять?

— Пять вязок надо. Значит, если овёс иль ячмень, да пшеницу — брали солому. А рожь рёжью и завязывали. Где как зовут. Кто вязкой зовут.

О провором человеке (25.18)

— А проворый человек это какой?

— А проворый усё умеет делать. Всё знает. Проворый, говорят, он.

— А если он хитрый?

— Хитрый? Тоже проворый. А не проворый, дак он чё — половина дурака.

— А кто самая проворая старуха у вас на деревне?

— Самая проворая, проворая была Лия.

— А почему?

— Она умела хорошо разводить печь, она и сшить умела на руках, она и соткать умела чево хочешь. А вот, дочку-то не научила ничему: и за платы не зашьёт. Акимовна у нас проворая.

— Дак они, значит, обе проворые?

— Акимовна и сшить может, и все, и соткать может, и связать может — все. Она проворая, она очень. Обе проворые.

О ляпаке (26.42)

— А скажи, что такое ляпак?

— Ляпак можно назвать. Ляпак вырвали сучком, платье я вот разорвала, помню. Ляпак вырвала. Не зашить было. Влезла маленькая на сосенку, я вот, как теперь помню. Новое платье было. Поехали, побежали цыплят

кормить. На сучок задели, дак ляпак вырвала. Ляпак, говорят. А потом зовут. Прозвище такое есть – ляпак. Такой непутёвый. Ляпак и сам не понимает чё. Вот ляпаком назовут. Вот Колью Зайцева зовут ляпак.

– *А такие ляпаки часто в деревнях бывают?*

– Нет, мало таких.

– *А если вырвала два, то, как скажешь? Два ляпака вырвала?*

– Два ляпака вырвала.

– *А если много, то, как сказать?*

– Вся платье было изорвано, в ляпаках. Ляпаки – это вырываешь.

– *И зашить уже никак нельзя? Дыры?*

– Дыры.

– *А маленький кусочек ткани ляпаком назовут?*

– Нет.

– *Маленький ляпак, так скажут?*

– Мне маленький ляпачок.

– *А такие ляпачки куда нашивали?*

– Куда, одеяла делали. И такие красивые. Тepерь ведь мода потом пошла, а сейчас, вот я помню, так они вышли ляпачками этими: то треугольнички, то длинные такие коротенькие и разные-то сде^{ла}ют. Так ведь загляденье. Делят серёдка. Это называлось серёдка, а каймы другие делали. Вот такие стёганые одеяла у невест раньше и были ў деревне. Это такие из ляпаков одеяла. Ляпак.

– *А вот если всё платье в заплатах, то скажешь, что оно всё започиненное?*

– Пришла вся в платье започиненом.

– *А может быть кофта започинена?*

– И кофта может быть започиненая.

– *И пальто?*

– И пальто всё изодраное, започиненое.

– *А вот если штаны починяют, то, они започиненные?*

– Штаны? Започиненые.

– *А такого человека, у которого всё започиненное да худое как его назовут?*

– Никак.

– *А не назовут отерёбок?*

– Нет, не знаю.

– *А как скажут?*

– Да вот, Изоська-то здесь. Знаешь? Так вот, все четыре сына у меня учились. Когда бы я к ним не пришёл, она всё сидит и починивает. Так они выросли все в тряпичках. Я как-то ей сказала: «Господи, когда к вам не приду вы всё починиваете». – «А где новова-то взять? Вот, из двоих доделываю один штаны, и сбоку делаю однушу».

- Значит она бережливая хозяйка?
- Бережливая, да и нужда была большая.
- А я починиваю?
- Пчиниваешь.
- А если они двое сидят, то, что они делают?
- Пчинивают или штопают. Одно и тоже слово. Штопают, конечно, чулки да носки.
- А остальное?
- А остальное всё пчинивают. Штопать там ведь знаете, как вас учили в начальной школе штопать дырочки на чулках, на штанах на трикотажных. А ведь, починивание — это заплату ложат сюда.
- Значит починивание говоришь?
- Да.
- А вот если тебе некогда, то скажешь что тебе не до починивания?
- Вся в прорёхах ходит. Чё, нёкогда започинить — ходишь? Нёкогда мне започинить. Да, не до починивания.
- А когда не до починивания бывает?
- А когда нет времени, пролёница. Ленюсь я, дак. Можно многое кое чево п починила, а ничево не починила.
- А если человек ленивый, то, как про него скажут?
- Лентяйка.

О бохвалах (33.06)

- А не скажут, что человек бохвал?
- Есть такие бохвалы.
- А бохвалы какие?
- Какие бохвалы. Всё у ней хорошо. Всё хорошо: она и печёт хорошо, и варит хорошо, и делает всё хорошо. У ней и приданово всяково. Вон, бохвалка приехала, Вера-то Некрасова. У ней веть платья-то чемодан целий привезла. А не охота одевавца-то. Бохвалица, значит. Я зря не вскочу. Лишь бы можно жить, мне ведь чево не надо, денек мне хватает, пенсии явно богато, накупить всево. Рынок рядом. Выйди из дому — и рынок рядом. Дак чё, можно было бы накупить всево, дак просто уж, так поехала в деревню. Вот и бохвал.
- Много в деревне бохвалов?
- Нет. Мужики другие есть такие бохвалы. Вот. Наш в магазине. Дак это бохвал настоящий.
- А почему?
- Выставляет себя, только я.
- Вот если я буду говорить, что у меня сорок платьев и все шёлковые?

- Бахвалишься.
- *А если ты будешь это говорить?*
- Ой, да, посмеют все. Чё, помёшана старуха-то. Сорок, нет, не насчитаеща. С роду не бывало сорок.
- *А человека как называют, если он очень любит наряжаться?*
- Катя любит наряжаться. У неё, поди, и сорок есть.
- *А как её назовут?*
- Бахвалка.
- *А скажут, что она басиха?*
- Басища, модничать, молодёть, молодеёт.
- *Красивого человека как назовут?*
- Очень красивая? Тоже модничает, говорят, своей рожей. Так и скажут.
- *А если лицо оспой побито, то, как скажут?*
- Коряный.
- *А если женщина?*
- Корявая.
- *А у вас была кто корявая?*
- Жёншин нё было, а парни были, мужики.
- *Какие?*
- Дак вот, Гриши Корягина два брата были корявые. Дедушка, свёкр наш, тоже был корявый. Я бабушке и говорю, своей свекровке: «Мама, пошто ты пошла такая красивая (она было красивая, высокая, стройная, румяная была), пошто ты пошла замуш за папашу». Он такой некрасивый, да и корявый ешо. *<Мама>*: «Матушка, дак ведь одали меня. Я ведь из прислуг, прислугой была, а ему надо было женища. Вот и сказали. Вот наш и живёт в работницах. Девка-то хорошая, красивая. Пришли свататься к маме, а не ко мне. Ну вот. А мать две коровы было да лошадь, да хозяйство хорошо да. Даничо, Машка, расуждать: чем в людях-то жить, лучше со своим хозяйстве жить. И вышла замуж». А говорит бабушка: «Ты не любила ево, нисколечко не любила. Так всю жизнь с ним и жила».
- *А если на лице одна вмятина от оспы, то, как назовут?*
- Никак не назовут. Со шрамами, дак с ямками-то. А у меня выступали вот здесь, я помню, пятна, как эти, когда рожают. Дак как они называюща. А у меня и замуж ешшо не выходила. А весной у меня выступят тут как какие-то пятна. Это недостаток витаминов. Я потом посмотрела. Дак меня один парень, не с нашего курса, всё меня звал девушкой с пятнышками.

О жердинах (39.01)

— Бабушка, а очень высокого, большого человека как назовут?

— Дылда, говорят. Вырос-то какой.

— А ещё?

— Жердина-то какая.

— А ещё жердиной что назовут?

— Жердиной? Высоково парня.

— А в лесу, что жердиной назовут?

— Жердина. Это огород городят жердинами. Тонкая, длинная, высокое дерево тонкое. Вот такие жерди растут по болотам. Их специально ищут, но их рубят. Они особенно ценные еловые, сосновые жерди. Осиновые, берёзовые — они непрочные. Ольховые тем более: они один гот простоят. А берёза — это тоже не так долго стоит. А вот сосны, ёлка.

— А сколько их на огород надо?

— Конечно, пять—шесть жердей в одно кресло да в другое кресло, да ещё сколько надо.

— А что такое кресло?

— Кресло — это. Ставят два кола, и ещё два кола перевичивают, и ложат жерди. Вот кресло. Опять следующие два кола ставят, и к ним три прикладывают опять.

— А что такое перевичивать?

— Сейчас всё гвоздями приколачивают, а раньше, чтобы положить жердь надо два кола перевичить. А между ими жердь положить.

— Значит перевязать?

— Перевязать.

— А верёвкой перевязывают?

— Не верёвкой, а вицами. Ей-богу ими. Вот пошли огороды городить, я не понималаничё. Мне женщины и говорят: «Поруби виц вот такие». Вот я рубила и таскала к ним, а они перевичивали. На второй день пошла, сказала, что могу тоже и перевичивать. Стали другие таскать вицы. Да я уже перевичивала. А уш следующий раз пошла: «Я могу и жерди рубить».

— «Ну, можешь, дак руби». Рубила жерди, окарствовала и приносила им.

— А что такое окарствовать?

— Окарствовать — это обрубать сучки.

— А вот если я все сучки обрубила, это значит, что я сделала?

— Как у всех?

— У дерева все сучки обрубила, дак я обкорзала?

— Обкорзала, обрубила.

О колдовстве, защите от неё и о вещих снах (50.36)

— Так не водил, вышла, да, и говорю: мне надо попасти надолго. А вышла я ненадолго. Вышла по дорожке в это место называеца.

— *А что нужно в лесу сделать, чтобы выйти?*

— Переодевация.

— *Зачем переодеваться?*

— Как зачём? Если заблудишься, никак не можешь нигде выйти — снимай с себя всю донага одежду, вытряси и переодень.

— *Просто переодеть?*

— Переодеть и всё. Вытрясти одежду. Молитву какую-нибудь прочитать. Вот у нас Пётр Машу возил в лесу. Говорит <Маша>: «Вышла — тропка, место незнакомое. Не знаю куда идти. Господи, шо за беда за такая? Давай молитву читать. Прочитала молитву. Вроде полегче стало. Дай-ка я переоденусь. Переоделась. Всё сняла, а в деревне, как чё, штанов никаких не было. Рубаху да платье сняла, да пальтишку, осенью дак. Всё перетряслася, переодела. Господи, да ведь это долгий сосняк, место у нас там называеца. Слава тебе, Господи, я ведь на дороге и стою. Пошёл, говорит, в ладоши хлюпает от меня. А, догадалась? Вот, догадалась по дороге.

— *А кто сказал?*

— Лéший какой-то, старик.

— *А какой лéший?*

— А не видела она. Только слышала слова, што говорит: «А, догадалась?». В ладоши захлопал. Она говорит: «Знакомая дорога, вот и пошла по этой дороге».

— *Бабушка, говорят, что тень давит. Это как?*

— А давит. Мне тоже, было со мной, было так. Приехала я в Зыбоновскую школу. Отвели мне комнатку, вот такую маленькую. Но ничё не предупредили. А потом уж я догадалась, што мне на спине лежать и руки за голову нельзя. Это не тень давит, а стинь какая-то падает на человека. Ну вот, все спали верху, я одна юнизу. Они на вышке все спали, а я одна в комнатке спала, не боялась. Ну, легла я спать. Долго ль, коротко ли спала. Очнулась — ни рукой, ни ногой. Расветало, светло. Хоть бы ногой могла пошевелить. А я слыхала, што, если рукой хоть маленько пошевелить иль кто-нить до тебя дотронулся, ты бы и ожил. Ну, как мёртвая лежу, как мёртвая — ничево не чувствую ничё, ни сказать ничево. Всё, умерла. Потом не знаю, как я очутилась. Или кто на меня, мол, муха села или чё ли, и как-то пошевелилась и очутилась. Потом приходит Анна Даниловна. Это хозяйка. Я ей говорю: «Анна Даниловна, со мной сёдня ночью беда была». — «Какая?». А я говорю: «Я была мёртвая». А это, говорит, стинь на тебя легла. На Анну, говорит, Ивановну, здесь

учительница до меня́ была, тóже она́ спала́, говорит, а на неё вмéсте тóже была́. Да, говорит, кто-то зашёл, да её начали будить чё-то — она как мёртвáя была. Ну, дак я говорю: я дак не помню, как я очу́ствовалась. Видно, говорит, не судьба́ тебе умирать. Вот мне чево́ сказ'ала Анна Даниловна. Ну, в общем, мёртвáя совсéм была. Ни рукой, ни ногой — ничем не чувствуя, только соображаю, что я лежу. А что подняться ли, руку поднять ли, ногу ли — ничево́ не поднять.

— Это как называется?

— Это стинь, говорят, паля на человéка. Ну, в общем, мёртвый человéк был. Совсéм всё останавливалось. Сознание было, но не могу пошевелить-то ничем, ни сказать ничево.

— Бабушка, а в деревне люди, которые нечистую силу знают, были?

— Были.

— А как называют таких людей?

— Колдуны.

— А ведьмой назовут?

— Вéдьмоми назовут.

— А знатихой назовут?

— Зовут.

— А он?

— Знатóк. Пришли из города ко мне знакомые: «Анна Алексеевна, мы к вам ночевать пришли». — «Пожалуста, ночуйте, я говорю, как вас сюда послало? Зачём пришли-то?». — «У вас тут дядя Миша. Мы к нему пришли». — «А о чём говорить-то?». — «А, вот с мужем будут говорить. У мужа чё-то не в порядке. В постелях не так».

— Это как?

— Половое бесилье было у мужа. Надо было лечицца, а они пошли к колдунам.

— Значит, колдун мог наколдоввать так, чтобы постелю отнять?

— Да, постелю отнять.

— Это как?

— А как колдуют. Евó снохá рассказывала: «Вышла в замуж, самодóкой привёл муж. Сын-то ночь спит — ничево. Вторую ночь спит — ничево. На третью ночь если ничево не будет — уйду домой. Не буду жить. Какой мужик? Значит, дёдко видит, что невеста невесела, поди, сын сказал чё-нибудь. Это Олёхो знала ж. Ну вот, говорит, дёдко у нас колдун настоящий. Так и сказал, говорит: «Затопи-ка матка банию сёдня, надо молодых помыть». — «Я, говорит, не иду в банию». — «Давай, иди-иди». Пришли, говорит, мы с бани. Дёдко вымылся сначала в бани, потом мы пошли в банию, говорит: «Пришли из бани — стоит сороковка вина». Налил, говорит, всем по стопки: себе и нам двоим. <Дед>: «Пейте, давай». Выпили по рюмке, не по стопке, маленькие рюмочки. Я и говорю:

«Ладно уж, севодня-то ночую, а сама думаю: всё равно не буду жить. Какой жить». Ну, вот. Потом, значит, легли спать. Всё сразу появилось. Вот с этого, со стопки вина, он наговорил, и стало жить.

— *На вино наговорил?*

— Наговорил.

— *А по-особому как называют колдуна, который делает только добрые дела?*

— Нет, особо не назовут. Всё равно колдун.

— *А если худое делает?*

— Худое делает, так её не любят, ругают.

— *А если заговаривает, то по-особому не назовут?*

— Ну, спасибо говорят, деньги дают, да, ешшо чо-то дают.

— *А если травами лечит? Травником не назовут?*

— Нет, не назовут.

— *А если женщина нашептывает, то, скажут, что бабка нашептывает?*

— Бабка-шептунья есть. Некрасиха-то всё знала. Потерялся телёнок, убежал. Никита, вся деревня ищет. Я иду с тетрадками из школы. Кто-то вышел и говорит: «Анна Алексеевна: все ушли, телёнка-то. У Хаптовых пятеро ребятишек да их двое, старики-то. Не могут ево найти. Телёнка выпустил. Никто не может ево найти. Везде ищут. Я говорю: яничево не слышала. Я вот положу тетради — тоже пойду искать. «Иди-ка сюда-то, попроси Анну Некрасову. Она тебе со школы знакомая, дак попроси». Я положила тетрадки и к Анне: «Анна, телёнок потерялся у Хаптовых». — «Как потерялся?». — «Выбежал, да, и не могут никак найти». — «У тя есть незарезанный хлеб?». — «Есть». — «Принеси краичик хлеба, буханки отрешь». Я принесла буханки ей. Ну вот, говорит: «А теперь пойдём искать. Ты иди вперёд». Она позади. Нашла девятое кряслы, два-то колы стоят. Чо-то пошептала. Вот, я знала, да у меня память худая. Она меня учила. Надо этот коровай-то положить. Этот хлеб-то перевернуть как-то через этот и идти с этим хлебом. Ты, говорит, иди, вот так, а я пойду дорогой. Телёнок, говорит, сейчас на тебя выйдет. Я только в лес захожу — телёнок-то на меня идёт. Господи. Я и закричала: «Катя! Катя! (баб-то всех знаю, дак) Идите! Телёнок-то вот на меня идёт. На меня, на хлеб пришёл телёнок-та».

— *Бабушка, а если человек зачерчивается, то, он что делает?*

— Чёрти — чертиТЬ, бесы — бесить, и сам сатана выходи со дна. Это уж зачертился. А теперь: чёрти не чертиТЬся, бесы не беситься, сам сатана уходи от меня. Тут уж расчертилась.

— *А это когда делают?*

— Это делают против Новому году, в святки, в любой день.

— *А зачем?*

– Зачём? Женихá штот потсмотреть, подслушать.

– Это когда с нечистой силой хотят погадать?

– Да. Вот, наша мама гадала. Моя мама. Пошли на кладбище в цéрковь на паперть. Пришли на паперть в церкофь и зачертись все. Только, говорит, зачертись, как посмотри: покойники-то все-то пошли в келью рядами, говорит. Мы бегом. Я, говорит, не помню, как я с горушки слетела. Цéрковь-то на горушке была. Оказалась на озере. Господи, у озера. Зимой, дак. Пришли домой, говорю: «Девки, ведь мы не расчертись. Давайте расчертываца». Надо погадать. Замуж охота, охота дак. Я опять зачертись, вышла на горушку, девки-то и говорят: «Едут, как оттуда, от Кирилова на лошади, брякают. Ну, значит, видно, туда тебя». Ну, в тот год и вышла замуж.

– Когда человек зло приносит, это как называют?

– Худое имя колдун. Так, говорят, колдун худой человек.

– А зло если приносят, то назовут это порчей?

– Порча, портить, портите.

– А говорят что сглаз?

– А сглаз'ить это бывает, озык называеца.

– Это как?

– Ну, озычают человека. Меня тоже раз озычали. Я сделала мужу венок. Сама-то толку не было да некогда, а нашла дома красный матерьял, да было очень много разных у меня, как это, бумаги. А Люба Некрасова приехала вокурат в отпуск. Я и говорю: «Люба, зделай ты мне Павлику венок. Больно мне хочеща ему снести, этот хороший венок, штоб везде алео». А вокурат от дороги-то видно-то наша могила. Значит, вокурат весной, в какой-то день, не знаю, она мне венок-то сделала. Я из школы пришла и договорились с Лебедевой, што я пойду с ней. Я одна мало ходила на кладбище. Уш на второй год ходила. Первый год боялась одна ходить, што со мной худо, может, будет. Иду, с венок-то и блестит, а у Белоусова женщины пошли на мусор скидывать. «Кто, говорят, идёт? Давайте дождёмся. Ой, Анна Алексеевна с венком, дак она к Павлику пошла». Ну, вот. Я захожу. Все: «Ой, какой венок-то хороший. С кем пойдёшь-то?». Да я, говорю: «С Александрой Филиппевной». Весь день занималась, хорошо себя чувствовала. Вечером пошла-то, после уроков. Только я зашла к ним, говорят: выпей чашку-то чаю. Выпила чашку. Попшли. До гор идти. Больше не могу идти. Она говорит: «Чё отстаёшь-то?». – «Не могу». – «Давай венок, я понесу. На, возьми. На, возьми мою палку. Иди с палкой». – «Филиппевна, и с палкой не могу идти». Она говорит: «Дак чё с тобой сделалось-то?». – «Не знаю. Может, меня озычали женщины?». А она говорит: «Ты не подумала, што все высыпали на дорогу». Я говорю: «Всем диво показалось, эко диво, што я и то каждый-то, каждую-то недёлю бегаю туда на могилу». Ну вот, она говорит: «На, неси

венóк-то. Я немнóжко отстáну, а ты иди и не обрачива́йся». Вот идёт, видно, вот, чё-то пошепта́ла, поговори́ла. От озы́ка есть у менé где-то сло́ва запи́саные. Ну, вот, поговори́ла, подходит ко мнé – как лицо́-то изо рта как мне вспры́нет. Ой, я говорю́, ой, што ты?! А она́ опять изо рта взяла воды. На, говорит, немножко умойся. Я обмы́лась. <Анна Алексеевна>: «Ну, теперь пойдём. Ну, давай теперь посидим маленько». Посидели, посидели – надо идти. Туда сошла – всё нормаль но. Я говорю: «Фили́ппевна, ты чо-то, видно, поговори́ла мне». – У тя, говорит, озы́к. Люди тебя, говорит, обойкали. Домой пришла – хорошо. Корову обряди́ла, уроки подгото́вила. Всё. Как-бúдто со мной ничево и не бывало. Это называ́еца сглази́ли.

– А это взгля́дом или словом?

– И глазом, и словом.

– А если прикосну́лись, значит ли что это прикос?

– Нет, ко мне никто не прикаса́лся.

– А как называ́ется предмет, которым порчу наносят? Какими предметами порчу наносят?

– Кладут шершть с ноктями. Остригут нокти. Мешают тóже. У невéст находили часто пот ногами. Вот. Бросят, перешагнёшь и испорчена будешь. Ишшо чё дёлают? Больше не знаю. Сéмечки рассыпывают, зерно какое-нибúдь.

– А слово «кудес» не слышала?

– Кудеса – это ряжаные-то ходят в святки-то дак. Кудеса и называ́лись дак.

– Кудеса – это те, кто ходят?

– Да, кто ходит.

– А был ли предмет, чтобы рано вставать?

– Нет. Рано вставали, кому́ надо дак. Ой, устала.

– Бабушка, а от нечистой силы что оберегает?

– Крест.

– А ещё?

– И перекре́стища надо.

– А ещё? Булавку зачем колют?

– А это тоже, штоб не сглази́ли.

– А куда закалывают?

– А куда хочешь. Где-то у менé тóже булавки есть. Везде в плáтьях натыка́ны. Десять штук купила – везде и натыкала. А уж старуха, дак всё равно умирать-то.

– Чтобы не сглази́ли, булавку надо воткнуть?

– Да, штобы не испортили и не сглази́ли, девушки. Невéсту – дак всю игóлками обты́чут да булавками. Когда невéста пойдёт, штобы не ис-

портили. Вот вы, когда́ буде́те замуж выходи́ть, так на весь подо́л и кудани́будь эти приколки. Знаете што такое.

— Их надо приколоть на невидимое место?

— Нет, спрятать.

— Бабушка, скажи, зачем так руки складывать?

— А, это фига, што ты меня́ всё равно не испортишь.

— Это специа́льно так складывают?

— Да, специа́льно. Фига. Кото́рая колду́нья, дак сходит со словами, дак держи фигу — тоже не возьмёт. Это вот у нас Любка Некрасова всё ведь знала. Она и говори́ла: «Делай фигу, то никакое слово не будет». Поля, говорят, колду́нья.

— А когда́ человеку привидится что?

— А привиди́ца, бывает сбыва́еща.

— А у тебя́ бывало, чтоб сбыва́лись сны?

— Бывал сон, бывал.

— Расскажи.

— Задумала про жениха: што вы́йду ли я замуж за Ива́на Ивановича, за кавалера. Заведу́щий он мой был. А мне вместо заведу́щего, вместо же-ниха приснился оте́ц. Вот. Как я домой приехала. Еду домой. Господи. Оте́ц едет с дровами. Дрова́то рассыпал, нас мамой засыпал нас дровами, а сам сел на лошадь да и поехал. Я и говорю: «Мама, тя́тя-то вернё́ща?» Она: «До церкви доедет, так и вернё́ща». Ну вот. А иду́ домой-то, господи, поросёнок лежит. Я взяла́ на свой-то плато́к, да, и хотела поро-сёнка лицо обмыть, как гляжу́ — оте́ц мой лежит-то, весь-то, всё место чёрное. Всё-таки, я думаю, попала, думаю, попала, усну́ла. Опять про-сну́лась. Чо-то тепе́рь забыва́ть стала, што мне годов-то девятнадцать-двадцать. Вот, такая маленькая, молоденькая ешё была. Первый год ра-ботала. Ну, вот. Утром встаю и спрашиваю технички, в школе ночевала, на новом месте, дак. Она попроси́ла, мол, ночуй у меня́, поколду́ю я тебе. Положи́ла мне спи́цы: суженый — ряженый, приходи, водички ведёрко проси до положи́ лошадку поить. Ей ничё не приснилось. А мне ўот этот сон. Говори́т: не вы́йдешь замуж. Неде́ли две прошло, оте́ц-то и умер. Телеграмма пришла. Я поехала. Глядишь, идёт: «Чё, Мария Евлампьевна, сон-то, видно, в руку?» Ей-то и говорю. «Матушка, я тебе́ сразу хотела сказать, да побоялась, што растрои́лась, што у тебя́ дома большо́е не-счастье будет». Приехала домой-то, господи, захожу — брат встречает ме-ня старшенький. «Нюра, — говорит, — как живой лежит». Я пошла. Прави́льно, как он всегда румяный был, а это место всё чёрное. Мы уж, говорит, приводили фельдшера. Дядя Гриша приходил, ево двоюродный брат. Говори́т: «Всё уж мёртвый, а застывать — не застывает, не осты-ваёт». Я говорю: «Дак подержим ешшо». Шура приехал-то, брат старший. «В Архангельске был, — говорит, — не приехал ешшо, ждём». Да́к говорит:

«Нет ешшо родных, только, вот, Погорёловские пришли, да никово нет». Я говорю: «Завтра-то, завтра ешшо дома будёт. Чё, умер, дак мёртвый?» Дядя Гриша сказал: «Нет, у нево разрыв сердца. Ну, я не знаю, разрыв почему, што мёртвые пятна весь зад, и всё было мёртвое».

— *А почему дрова рассыпались?*

— А дрова-то рассыпались — мама тут замерла. Тут остановить пришлось лошадь. Пришлось с мамой возища, што, думали, еле-еле её, отживёт. А вот, где он-то лежал как поросёнок-то. В этом-то месте она тоже и замерла. Вот два раза. Потом уж очуствовался: упал на камни какие-то дали, фельдшер был тут-то.

Об обете (74.42)

— *Бабушка, поблазнить — это что?*

— Покажеща.

— *А говорят только так или ещё как-нибудь?*

— Только поблазнивают, показалось ли, послышалось ли.

— *А допустим, обет дают какой-нибудь?*

— Обет дают. Я давала. У меня нога болела, вот. Прокололи мне этим нырком. Такие нырки устраивают, со стол длиной еловые, острые. Вот, кто быстрее и дальше. У нас ребята-то старшие были, бросили. Я стояла. Мне нырок-то вокурат-то и попал, в лодыжку. У меня нога и заболела. Я три класса кончила. Мне в школу-то в четвёртый класс за пять километров надо было ходить, а нельзя ходить-то. Я всё плакала. Нельзя мне в школу ходить. А бабушка говорит: «Сделай-ка обёт: помолись на коленках Богу, Феодосий Преподобному. Если заживёт ножка — мы с тобой к Феодосию сходим, молебен отслужим. Я батюшку скажу, молебен отслужим, если у тя ножка заживёт». Ну, вот, а то-то и научись, што у меня тебя язва большая образовалась на ноге. А кто-то и научись, што квасцы — такой камень кислый, как квасцы. Видно, продают в аптеках. С белком яйца натереть на блюдечке, и получица пёнка белая. На эту на тряпочку и привязать. У меня быстро ранка-то очистилась, и быстро затянуло, зажило. Нога-то у меня и зажила. А мне и снится: лежу я. Мы двое с девчонкой болели. У одной девчонки руки болели так, дак все говорили, што волос. С мамой от волосу ходила, колдовали. Дак в шшэлоку' подержишь. Только язва сделалась большая. Да, усё. Ну, вот. Всех-то и врачей у меня отец выводил везде. Только и говорят, што пройдёт, пройдёт. А как пройдёт до школы? Доживёшь, а не пройдёт если? Зима началась, а у меня одна нога не заживает. Нельзя ходить. Вот, это и квасцами сказали. Начали лечить. Нога-то у меня и зажила. Я легла спать, бабушка и говорит: дай обёт, помолись Богу. Башка у нас религиозная была очень. Я на коленках со слезами помолилась Богу и дала обёт, што если всё хо-

рошо́ – молебен отслужу́, сходи́м. Вот, и пошлй. Значит, сплю я, заходит угодник Феодосий. Я лежу под образами, как будто уже умерла. Он и говорит: «Не тоскуй, девочка. Мажь ножку-то яичком, с квасцами-то – она у тебя и заживёт». Ну, вот. Господи. Встала. *<Анна Алексеевна>:* «Бабушка, я сёдня Феодосия видела во сне». – «Как?» – «Видела». А я её и не знаю, не видала иконы этой, не знаю. Ну, вот, заживёт нога-то, и сходим в церковь-то к Феодосию день ты и скажешь. А часовенка за шесть километров была. Надо церквя пять километров, а, надо ешшо идти до часовенки. Феодосию день и пойдём. Пришли к одному. Этот Феодосий-то, этот, Феодосий-то этот в церковь. Нога-то зажила. Бабушка, вот, этот, вот этот мне угодник приходил. Она заревела и грит: «Феодосий – батюшко приходил к тебе». Вот. Батюшко, сказала, батюшко. Одному этому и служим. Нога зажила у меня и стала в школу ходить. Четвёртый клас кончила. В Кирилов поступила.

– *А когда хотят приворожить, то, как такой заговор называют?*

– Не знаю.

– *А вот, постелю отнять, это какой заговор? Поскорить?*

– Нет, это половое бессилие по-научному.

– *А чтобы рассорить?*

– Есть, говорят, такой заговор.

– *А присуха и отсуха что за заговоры?*

– Не знаю.

– *А вот, бывает, что в поле колосья скручивают? На урожай порчу наносят?*

– Это не знаю, тоже. У нас не бывало случаев. Со мной, тоже, был случай один раз. Я покойников-то не боялась хоть, не боюсь. Сейчас одна, вот, остаюсь здесь и близко нет никого людей. Не боюсь: мёртвый не тронет, живых надо бояться. А Павлика у меня повезли, умер когда, надо вести анатомировать его. А весной умер, седьмого мая, дак. Шестого мая повезли его. А бездорожица была. Там есть у нас глиняная горушка. После Зыбошного. И никак лошадь не могла подняться в эту горушку. Его одно оставили. Двое повезли-то. Шурка, царство ей небесное, говорит, этот, Саша. Ево повезли они-то. Не боялись поодиночке-то остваца с покойником. Оба и пошли помочь мужиков звать, чтобы вывести в горушку. Пока в Зыбошно-то ходила. Он-то один и лежал на телеге-то, покойник-то, но пришли. Я всё думала: он, наверное, в это время и вышел. Где-нибудь ходит тут. Тело-то его осталось, а душа-то, поди, тут и ходит где-нибудь. До осени дожила. Осенью надо на совещшение идти. А хозяйка уехала: надо новую квартиру найти. Вот, а с председателем сельсовета договорилась, здесь сельсовет был, что вместе пойдём домой. Я говорю: «Ты, Григорий Фёдорович, иди, а я тебя как-нибудь догоню. Только вот зайду в один дом ешшо». Зашла, да бачен-то такая, прогово-

рила, видно, долго. Вот, он и ушёл. Мужик, дак. Я всё догоняла, догоняла – никак не могла догонить. Дошла до Зауломской – нету Гриши, нету нигде. Добежала до лесу. Надо идти одной в лес. Всё бы хорошо: как только перейти глиняную горушку? Вот. Хоть, Гыня напугал меня. Раздёлась: ботинки, сапоги, не помню, чё было. Подол загнула, раньше веть сумок не было, всё узелочки, узелок. Туфельки свои в узелок положила. Только поглядела, што всё в узелок положила и в руки взяла. А как перешла глиняную горушку, как дорогу, вот эту, перешла, километра два? Никак не помню. Очнулась – у куста стою, в Зыбонском против школы. Господи, а как же я лес-то перешла? А где ж глиняная горушка? Я глиняной горушки не видала. Никак по лесу не видала. Ничево не видала. Очуствовалась: господи, стою я у куста. Огоньки уж. Пошла домой потихоньку. Господи, видно, меня Бог перенёс!

ПРИМЕЧАНИЯ

Баситься – наряжаться, хорошо, нарядно одеваться [СВГ, 1: 22].

Бахвал – лгун, обманщик; хвастун [СВГ, 1: 25].

Бахвалиться – хвастаться [КСВГ].

Бахвалка – сплетница; хвастунья [СВГ, 1: 25].

Бездорожица – бездорожье, распутница [СВГ, 1: 27].

Беседа – вечернее будничное собрание молодёжи в доме, во время которого придут, вяжут, поют песни и беседуют [СВГ, 1: 30].

Болос – по суеверным представлениям: мифическое существо, живущее в теле человека, служащее причиной его болезни [КСВГ].

Вышка – чердак; помещение, комната на чердаке, используемая обычно для хранения одежды, мезонин [СВГ, 1: 105].

Вязка – жгут, скрученный из соломы для связывания снопов, ср.: *вязиво* [СВГ, 1: 106].

Гологоло́вый – без головного убора, с непокрытой головой [СВГ, 1: 119].

Горушка – небольшая возвышенность, холм, пригород [КСВГ].

Груда – малая укладка снопов ярового в поле; малая укладка льна из 10 снопов; большая укладка снопов или сена; др. [СВГ, 1: 131].

Долгий – высокого роста; длинный [СВГ, 2: 39].

Замереть – начать плохо чувствовать себя [СВГ, 2: 131].

Заполстить – спутать, свалить (о волосах, нитках и т.п.) [СВГ, 2: 141].

Започинить – починить [СВГ, 2: 142].

Зачертиться – в святочных гаданиях: начать гадание особым ритуальным действием, провести черту, защищающую гадающего от злых сил [КСВГ].

Зимогор – бродяга, босяк, живущий случайной работой; драчун, хулиган; др. [СВГ, 2: 171].

Зимогорка – неопрятно, бедно одетая женщина; нищенка [КСВГ].

Знаток – знахарь [СВГ, 2: 174].

Крásло – возм., имелось в виду *прásло* «звено изгороди в длину жерди, доски (от столба до столба)» [СВГ, 8: 106]; ср. также: *крásла* «санги; боковые стенки из досок, используемые для увеличения полезной площади саней или телеги при перевозке сена, снопов и пр.» [СВГ, 4: 9].

Кýдес – ряженый во время святок [СВГ, 4: 12].

Лешачíха – по суеверным представлениям: лесной дух в образе женщины; жена лешего; др. [СВГ, 4: 39].

Ляпák, ляпачóк – лоскут ткани, кожи; заплата [СВГ, 4: 64].

Нáймовать – брать во временное пользование за определенную плату, нанимать [СВГ, 5: 41].

Обкорзáть – обрубить сучья, ветки [КСВГ].

Обóйкать – навести порчу неосторожным словом, оговорить [КСВГ].

Óзык – наговор, сглаз, порча [СВГ, 6: 39].

Озычáть – навести порчу, сглазить [СВГ, 6: 39].

Очúвствоваться – выздороветь, прийти в себя [СВГ, 6: 111].

Пальтúшка – утеплённая короткая женская одежда; полупальто; куртка; др. [СВГ, 7: 4].

Пéнье – собир. пни [СВГ, 7: 25].

Перевíчивать – скреплять прутьями колья, жерди изгороди, ср.: *перевíчить* [СВГ, 7: 32].

Поблáзнить – показаться, почудиться, померещиться [СВГ, 7: 73].

Прикóлка – английская булавка [СВГ, 8: 51].

Причёт – старинная народная обрядовая песня – плач по поводу смерти, замужества, рекрутского набора; причитание [СВГ, 8: 71].

Провóрый – проворный; умный, сообразительный; трудолюбивый [СВГ, 8: 78].

Просвáтки – в свадебном обряде – завершающееся употреблением спиртных напитков сватовство, в ходе которого было получено согласие на брак [СВГ, 8: 92].

Развáра – нерасторопный, неловкий, медлительный человек; неаккуратный, неопрятный человек, неряха [СВГ, 9: 10].

Расчертíться – освободится от заклятия, заговора; закончить гадание особым ритуальным действием [СВГ, 9: 43].

Самохóдка – девушка, вышедшая замуж без согласия родителей [СВГ, 9: 91].

Сосnák – сосновый лес [СВГ, 10: 86].

Спорынья – злаковые растения, пораженные болезнью – спорыньей [СВГ, 10: 103].

Стень пала – о потере способности двигаться, шевелиться [СВГ, 10: 127].

Суслóн – укладка льна или зерновых из 5–11 снопов [СВГ, 10: 161].

Шепту́нья – знахарка [СВГ, 12: 84].

Шля́па – сноп, надеваемый сверху на укладку снопов [СВГ, 12: 98].

§ 2. АПОЛЛИНАРИЯ ВИССАРИОНОВНА ХАРИТОНОВА

В работе диалектолога бывает великая удача – встретить собеседника, много повидавшего на своём веку, умудренного, но не сломленного жизнью, до преклонных лет сохранившего бодрость духа, ясность ума и любовь ко всему живому. Такой мы запомнили Аполлинарию Виссарионовну Харитонову. Не один десяток лет разговаривала она со студентами Вологодского педагогического университета, сначала живя в д. Зыбошное, потом переехав в д. Борбушино. Когда Аполлинария Виссарионовна приходила на почту или за продуктами, всё вокруг приходило в движение. Звучали шутки, смех, даже автолавка приходила быстрее. В её доме всегда гостеприимно горел свет, в хлеве мычала корова, у крыльца лаяла собака, на подоконнике мурлыкала кошка, слышался детский смех, пахло свежими пирогами. Нам никогда не отказывали в разговоре: хозяйка, успевая отвечать на самые разные вопросы о крестьянской жизни, одновременно делала множество дел: хлопотала в кухне, на огороде, ухаживала за животными. Иногда, если кто-то просил разрешения подойти к корове или к овцам, Аполлинария Виссарионовна внимательно смотрела на студентов, выбирала самого, на её взгляд, спокойного и споровистого, надевала на него рабочий халат и косынку и уже после этого подпускала к «малькам» или к «коровушке». Казалось, что добрый свет в её окнах никогда не погаснет...

Аполлинария Виссарионовна Харитонова родилась 27 января 1927 года в деревне Перхино в крестьянской семье. Детство её было трудным, как и у большинства деревенских детей. В школу, как она сама вспоминала, пришлось ходить всего одну зиму. Рано тетя Поля пошла работать, всю войну наравне с мужиками трудилась в рыболовецкой артели. Затем вышла замуж и переехала в д. Зыбошное, работала на животноводческой ферме: доила коров, ухаживала за телятами. Уже будучи на пенсии, оказалась в Борбушине: позвал Анатолий Павлович Максимов, местный тракторист, надёжный и крепкий хозяин, склонивший несколько лет назад первую жену – хозяйку деревенского медпункта Валентину Павловну. Придя в новую семью, Аполлинария Виссарионовна сумела наладить добрые отношения с сыном Анатолием Павловичем, с невесткой и внуками. По словам близких, была она «великая труженица, настоящая крестьянка, которая, несмотря на трудности судьбы, всегда была веселым, неунывающим человеком, могла спеть и пошутить».

Умерла Аполлинария Виссарионовна 13 декабря 1999 года в возрасте 72 лет. Незадолго до этого, в одну из летних экспедиций, собеседники-диалектологи сфотографировали её вместе с близкими людьми, но не успели отдать фотографии. Публикуем их в этой книге с надеждой, что тетя Поля простит бестолковых студентов, не выполнивших своевременно её просьбу.

В архиве аудиозаписей Вологодского государственного педагогического университета сохранились записи наших бесед с Аполлинарией Виссарионовной Харитоновой, сделанные в 1995–1999 годах. В этой книге представлены расшифровки записей (примерно 50 минут звучащей речи), представляющих собой диалог о крестьянском труде. Наша собеседница рассказывает о крестьянской кухне, вспоминает о своей работе в рыболовецкой артели, объясняет особенности ухода за домашним скотом. Аполлинария Виссарионовна охотно говорит о зимнем рыболовецком промысле, об уходе за животными: «У коровушки молочко на язычке. Как покормишь, так и молочка получишь».

Особенность речи Аполлинарии Виссарионовны составляет локальная фонетическая окрашенность речи: слышится произношение [э] вместо [а] и [и] вместо [э] между мягкими согласными на месте под ударением (*и́сти, заготовлéть, с грéзью, выгонéют*), звучит неслоговой у на месте [в] перед глухим согласным (*сегодáука, даунó*), регулярно представлен твердый долгий шипящий (*ишиó, вы́толоши́*), заметно упрощение групп согласных на конце слова (е́сь, бо́лесь). Среди морфологических особенностей речи обращают на себя внимание архаичная форма глагола *дать* (*дасí*), стяженные формы прилагательных и местоимений (*э́ка, я́шина, пшени́шина*), нередуцированные безударные постфикссы возвратных глаголов (*остáлася, запас-ли́ся*).

Самой заметной чертой в речи Аполлинарии Виссарионовны является обилие диалектных слов: названий блюд крестьянской кухни, процессов их приготовления, рыболовецких терминов и пр. Диалектные слова выделены в расшифровках наших бесед жирным шрифтом, их толкование приводится в конце раздела преимущественно по данным первого издания и картотеки «Словаря вологодских говоров» [СВГ], школьного словаря вологодских говоров «Вологодское словечко» [ВС] и некоторым другим изданиям.

О рыбе (00.00)

- ...А пото́м, е́сли пла́н вы́полнишь, так преми́ю дадут, по тридцать килогра́мм рыбы.
- А че́го с этой премией делатъ?
- К Николе пойдём продава́ть.
- А в хозяйствѣ ниче́го не делали?
- Почеку́ не делали? Да это лови́ли да́к. Да, лови́ли да́к, по два кило-граммма.

О скоте (01.04)

- Когда вы застали корову, что нужно сделать, чтобы она молоко дала?
- Как корову корми́ть будешь, так у коровушки молочко на язычке. Как покорми́шь, так и молочка получи́шь.
- Ну вот пришла коровушка из выгона, чего ей сделаете?
- Надо ей надава́ть ей. Чтоб она бы́ла, пришла да́к, чтобы чисто бы́ло, она сразу спать ложи́тся, устане́т день.
- А доить станете, чего дальше делаете?
- Доить стану, прихожу́, напою́ сначала, а пото́м доить стану, пото́м подмою и доить стану.
- Вот вы её застанете, а чего дальше-то, пошли за пойлом?
- Да, вот ещё сходила за травой. Они стоят у забора, три коро́вы, э́ко выгони́шь ишшо, а исти не идят да́к. То ли корми́ть досы́та наверно, да́к там она от огорода никак не отходит. И наши сходят там посто́ят в воде, да опять тоже придут к огороду.
- Вот они пришли, вы их загнали, чего с ними теперь делаете?
- Чё тепе́рь, надавала. Сначала напойла, пото́м травы надавала, пото́м доить стала.
- А сначала-то чего?
- Да, надо вымыть, с мы́лом намочить, вон се́йчас придет из этого, с гре́зью в титьках, на титьках принесёт, страшное де́ло. День один в эту воду забра́лся да́к, в грезу́ да́к, все титьки расщели́лись, надо мазать.
- А че́м мазать будете?
- Маслом, этим, молочным с вазелином.
- Вот вы её подошили, а дальше что?
- А все́, больше́ все́.
- А сно́ва-то мазать не надо?
- Мазать маслом обратно.
- А вот когда маленьких яруши́к, да баранов загнали, с ними че́го надо делать?

- А с ю́ими тóже надо, наслáла, накла́ла травы́ и напойла всех.
- А во дворе трава под ногами как называется?
- Пóслань.
- А на послань какую траву надо?
- Осóку.
- А отава не послань?
- Нет, отаву так корова съест всё.
- А отава – это которая?
- Отава дак, вот пéрвый раз скосы́ла сéно, вторáя вот отáва ростéт.
- Тётя Поля, а можно мы вас сфотографируем на фоне вашего до-ма?
- Да, дак довай.

О еде (07.23)

- А вы кашу какую варите, густую или жидкую?
- А кашу дак, если вот, например, какую, гречневую, грéчневую кашу дак, говорят, что лúчше варить на водé. А я дак не варивала, я всё время на молокé варю дак.
- Густую?
- Густую.
- А жидкую не варили кашу?
- Нет, а на молокé только другой раз поди пшéнную дак, зáвсего на молокé варить говорят.
- А не скажете, что размазня?
- Да, ничё не слыхала, что размазня.
- Не говорили «каша-размазня»?
- Нет.
- А густая каша как-нибудь называется?
- Густая дак густая, да и всё, как.
- А «густуха» не называется?
- Нет.
- Гу́ща, сальник?
- Сальник опять, сальник дéлаем в этой, какóй, как тебе сказать..
- Лáтке?
- Лáтке-то опять в этой.
- А каша из гречневой муки как называется?
- А из муки дак я не знаю, муки. Кру́па, грéчневая кру́па, а из муки дак.
- Из крупы, из крупы..
- Да, да, да. Из крупы дак грéчневая каша.
- А из муки гречневой не делаете?

— Нет.

— *А из овса кашу варили?*

— Из овса овсянка, овсяная-то каша.

— *А из соломата?*

— Вот из этого же из овса, из соломата. Из соломата, из овса этого, запарят когда. Если из своего, сами-то запарят да вкуснее этот, чё есть-то, толокно-то, толокно-то запаришь своё, из своего-то зерна, из овса вкуснее, чем вот покупаем-то.

— *А из гороха кашу варили?*

— А горох, а как кисель, из гороху кисель варят.

— *А его называют как, гороховый кисель?*

— Да, гороховый кисель. Дёлают, идят и горячий идят, идят и холодный. В тарелки наливают и идят. Раньше не было вилок, так ведь ели лучёнками, нарежут вот эту в торёлке эту, кисель-то, холодный-то, да вот и идят, молоком прихлебывают.

— *Это на лученках, да?*

— Да, да, да-да.

— *А кашу из ячменя, из пшеницы варили?*

— Из ячменя ак яшня, яшна-то каша. Что ой надо яшны-то каши сварить, нонче ведь всё покупаем.

— *А заваркой не называли?*

— Нет, заваркой нет.

— *А затолукой не называли никакую кашу?*

— Нет.

— *А говорили «кутья»?*

— Да, да, кутья.

— *А ещё из чего?*

— Из рису. Рис и ещё какой, ягоду-то как ещё называют, скажите ягоду.

— *С изюмом?*

— С изюмом.

— *А варёный картофель как-нибудь называли?*

— А варёная так картошка, тушёнку делали, тушёнку из картошки делают, с мясом да.

— *А когда картошку чистите, чего снимаете?*

— *Корину.*

— *А корину толстую снимаете?*

— А как кто снимает.

— *А как кто снимает?*

— Не знаю, кто как снимает.

— *А когда девка чистит, на что свекровь смотрела?*

— А не знаю, за мной свекровка не глядела.

- Надо толстую корину обрезать или тонкую?
- А не знаю, как кто начистит. Вон носят корины, дак кто как начистит. Кто начистит толстую, кто тонкую.
- А корины кому дают?
- Корове.
- А поросёнку не дают корины?
- У кого есть поросёнок дак, у меня вон овцы да, овцам да, корове да, телёнку да.
- А корины как-нибудь обрабатывают, или прямо вот берут и дают?
- Нет, когда сырую даси, когда в кашу, я в кашу кладу корове, завариваю кашу, дак в кашу.
- А картошку жареную как-нибудь называют?
- Жареная дак жареная и есть, жареная картошка.
- Бывает такое мясо – бычина?
- А почему не бывает?
- А это от кого мясо?
- От быка. Быка закололи, ак бычье мясо, бычина. Телушечка повкуснее мясо-то.
- А телушечку закололи, так от кого мясо?
- От тёлки.
- Просто скажем, что от тёлки?
- Да, от тёлки мясо. Телятина ак телятина, не тёлка дак не тёлка, бык дак бычье.
- А как у овцы новорождённый ягнёночек называется?
- Ягнёнок.
- А ярушка – это?
- Ярушка дак ярушка, барашек дак барашек.
- Ярушка – это самочка?
- Ярушка – самочка, а барашек дак барашек.
- А когда у коровы рогов нет, как она называется?
- Кумёлая корова.
- А вот если корова кумёлая, она чем-то другая?
- Нет, почему, кумёлая корова всегда бывает, дать молоку дак она хорошая.
- А быки кумёлые не бывают?
- Почему не бывают, тоже бывают. Я вот ходила на ферме, дак у меня был бык кумёлый.
- А мясо свежее как-нибудь называется?
- Говядина ак говядина наверно и есть, свежая.
- А свежатина или свеженина?
- Нет, не знаю.
- А убой?

- А убой дак, на убой свели телёнка дак.
- А *ещё* у мяса нет никакого названия?
- Нет, наверно нету.
- А лён от чего едят коровы?
- Дак лён да он лён от шейн. Лён этот только вот на шейн.
- А шейны это у коровы или у человека?
- У коровы. Заколешь дак у всех шейны.
- А когда рыбу жарите, как-нибудь блюда называете?
- Нет, нет.
- Только жареная?
- Жареная, да. Какая, рыбу жаришь, если щука, езёну ли, ёрш ли, судак ли.
- А как у рыбы новорождённые называются?
- Как, *сегодаука*. Это бегает вот другой раз, вот встанешь на озеро, на берег, ой это *сегодука* бегает. Если покрупнее, дак это *лошак*.
- Их тоже не ловят?
- Ак она пройдёт в сётки-то, в сётки-то пройдёт они все.
- А молоко, которое в печку ставят, как называется?
- Топлёное.
- А большие нет никакого названия?
- Парное. Парное дак наверно теплое, сейчас подаёное, парное. А так эдак топлёное.
- А вот «устоек» чего называют?
- А вот это вот сметану. Устоек дак устоек, он жи́денъкий, а сметана дак снимают с кислого молока, ссёдлого.
- Сседется молоко, так это чего с ним делается?
- А потом, скилось, дак оно и ссёлося, а потом ставь на творог в пёчку.
- А вот сседется, так его можно пить?
- А почему нельзя?
- То есть сседлое молоко пить можно?
- Да.
- А молоко, которое снимают, как называется?
- Это подсмётки. Из-под сметаны дак. Это обрата. Кто скажет подсмётки, кто скажет обрата.
- А подсмётки куда девали?
- Телятам вот, телятам. Это обрату-то и выливают, сметану вот сольши, сливки.
- А как чаще говорят: подсмётки или обрата?
- Дак да, скажут обрата. Я вот вылила обрату телёнку.
- А вот как хлеб съели, остались маленькие кусочки, их как-нибудь назовут?

- Дак как, крошки ли, чё ли, брось корове.
- *А если шелёха осталась или недоеденное чего, их как назовут?*
- *Оскырки* дак *оскырки*. Катошка вот, будешь, Лёшка, есть *оскырки*?
- Нет, не буду, отдай собаке. Это вот чего осталось на жаровне.
- *А оскырков обычно много?*
- Чё много, ничё не много.
- *Не делали у вас яичницу с хлебом?*
- Яичницу с хлебом, я нарежу пирога, залью яйцом и поставлю в печку, да и всё. Или вот другие дак жарят яйца, правда? Хлеб с яйцами жарят.
- *А не говорят «селянка»?*
- А *селянку* дак *селянку* делают. А *селянку* делают чё, крупа, картошка и яйцо. Какую-нибудь крупу бросишь и яйцо.
- *А что такое верхосыт?*
- Да, выпей молока-то на *верхосыт*. Пообедали так, супу поели, кашу вот эту самую поели, давай ишо чай, на *верхосытку*-то выпей хоть молочки-то, вот и всё.
- *А киселя из муки не бывает?*
- А почему не бывало? Кисель вот, пироги вот испечёшь, там остыли дрожжи и возьмёшь, приболтаешь ишо, маленько присущишь муку, и всё.
- *А из чего у вас кисель делают?*
- Кисель или из овсяной вот муки кисель делают, или вот овсянку замочить.
- *А сладкий кисель не звали?*
- Почему не звали?
- *Просто тоже кисель?*
- Да, тоже кисель.
- *А из гороха тоже звали кисель?*
- Да, из гороховой муки. А если горох дак горох, сварили горох да и съели.
- *А гороховник не звали?*
- Гороховник дак опять, гороховые пироги.
- *Гороховые пироги — так это в тесто горох добавляется?*
- Нет, гороховая мука, намёлят гороху и вот будут исти гороховые пироги. Это раньше-то только ростили в колхозах, да давали по трудодням.
- *А когда люди пили чай или молоко, это запивон или что?*
- Нет.
- *А запивон когда даётся?*
- Не знаю.
- *Не бывало?*

- Нет, не слыхала.
- *А вот ежели чего-то под градусами поставят, как это назовёте?*
- А поди, если пиво.
- *А не скажут, что зелье на стол поставили?*
- Нет, пиво скажут.
- *А пиво-то какое?*
- А пиво варят, как те сказать, из беленки, из свёклы или из сухарей вот, из сухарей насыщают да зальют водой, да дрожжей накладут, да песку, да вот.
- *А как варили сладкое пиво?*
- А сладкое пиво дают варят из солода, изо ржы, ростят и варят.
- *Не говорили, что пиво на весёлую или веселят?*
- Не знаю, не слыхала. Навеселили поди, мол, много. Навеселилась сёдня дополна.
- Это чего?
- Да вот, того же пива.
- *А вот ежели вино выпил стакан и охмелел, так оно какое?*
- Пьяное.
- *А ежели, допустим, брага. Варили брагу?*
- Да.
- *А было такое, что брагу варили на всю деревню?*
- А колхозные-то праздники-то варили ведь пива. Наварят вон целые бочки пива. Раньше вина-то не было и бочки целые варили, банки колхозные да.
- *А с чего начинали и что потом?*
- Ак чё в колхозе дают поди ведь, наверно, тоже ростили солод, да потом варили пиво. Солод выростят да, попарят да, отдоут кой-кому, старухам, чтобы выросли да.
- *А самогонку гнали раньше?*
- И толер гонят.
- *Её не звали как-нибудь, «спотыкач»?*
- Нет, не слыхала.
- *Перегонка?*
- Перегонка да самогонка, да самогонку гонят, да чё больше.
- *Так самогонка, значит?*
- Да, самогонка.
- *А вот которая самая первая, не скажете?*
- Нет.
- *А на меду брагу не варили?*
- Да ить как не варили, одно время сахору не было, а мёд был да, мёд покупали, мёд клали.
- *А не говорили, что медовуху варите?*

- Нет, этого дак не слыхала.
- *А если с одного стакана забрало, так это какое вино?*
- Это пьяное.
- Это крепкое?
- Крепкое, да, да.
- *А не говорили, что оно забористое или занозистое?*
- Нет, забористое дак скажут, что, ну и пиво, забористое какое сёдне.
- *А забористое так это как?*
- Пьяное дак, пьяное.
- *А на чём пиво, на солоде?*
- Да, солод да, вот как эти в горшках томят да, потом из горшков выгоняют сусло да, вот как раньше-то.
- *А сусло-то это чего?*
- А вот сусло-то из этого, из солоду-то гонят.
- *А сусло-то это первое пиво?*
- Да, пиво-то вот нагоняют на пиво-то.
- *А квас варили дома?*
- Квас вот, квас-то и потом-то сгоянят первое-то, а потом-то квас-то и бывает.
- *Это когда первое сусло сгоянят?*
- Да, да, да. А потом это вот квас-то и квасят. Зальют водой потом да, и квас и делают.
- *А на чём квас-то квасят?*
- Да, вот солод-то этот-то и квасят.
- *Когда квас-то квасят, солод кладут туда?*
- Да, да, солод да, там чё, солома да, всё это муку, муку там положат да. И получится квас.
- *А когда пиво или квас сделали, что останется густое?*
- Дробина.
- *А дробина – вот это всё худое?*
- Да, да это всё вот дробина-то и осталася, вот это квас-то дробина и есть, и останется.
- Так квас-то уже сняли?
- Да, квас всё потом уж выпьют, дак скотине эту дробину, скотине отадут.
- *А скотина-то не хмелела после дробины?*
- Да нет, это ведь не ходалое и есть, только заквашенное.
- *А когда человек много выпил, не скажут, что он напился?*
- Да, напился.
- *А набуздырился?*
- Нет, так поди и скажут – набуздырился, напился да.
- *А не скажут, что он надрызгается?*

- Дак ить как не скáжут, надрызгался, конечно.
- *А надрызгался, так он где валяется?*
- Лéший его знает, где валяется.
- *А не скажут, что назюзился пьяный?*
- Дак зюзя, дак как же.
- *Зюзя-то назюзился?*
- Да, напился.
- *Если он напился, то он зюзя?*
- Да.
- *А зюзя чего потом делает?*
- Пьяница дак.
- *А вот он напился, так не скажут, что он в дрызгу или дрязгу?*
- Да, как надрызгался, напиться – надрызгаться, дак как же.
- *А кто вот он, если надрызгался?*
- Да всяко, пьянишка да, всяко.
- *А пьянюшек-то много было?*
- Да как не много.
- *Или теперь много?*
- Да всяко, всяко и раньше было. И раньше было пьяных много.
- *А если он пьёт не просыхая, так это чего он делает? Не говорят, что пьянствует, бражничает?*
- Да, конечно, как не скáжут, пьянствует, как не пьянствует, сколько денег, будет пьянствовать.
- *А колькой день это какой?*
- А поди дня три болтается, ходит собирает по деревне.
- *А чего собирает?*
- Да вот это же вино, пиво, ходит. Раньше ходили ещё собирали, как маленько попадёт в нос, так и побредут по деревне собирать.
- *А если он сегодня тил, а завтра встал, так он какой стал?*
- Не знаю, если опять сходит заложит, так как.
- *А если не сходит?*
- А не сходит, дак лёжи.
- *А чего с ним?*
- Дак лёжит, надо опохмелиться.
- *А если голова уже соображает, так не скажут, что он очухался?*
- Не знаю, как не скáжут, пропрэзвись хоть маленько-то.
- *А ежели он вообще не пьёт?*
- Так хороший человéк, раз не пьёт дак. Телёнок не пьёт, дак околеёт.
- *Непьюшник не назовут?*
- Нет, нет.
- *А когда чай пьют, чего с чаем делают, вот с заваркой?*
- С заваркой чего делают, чай пьют дак, заварят да, вот и всё, пей.

- Если он пришёл с улицы, с жары, пьёт и остановиться не может, не скажут, что он бузгает воду?
- Ничё, вон бегают всё время, пьют да, ничё не скажут.
- А как про них скажут?
- Ничё не говорят, вон бегают робята, всё время пьют, эка жара да, ничё никто не говорит.
- А не скажут, что они набучились воды?
- Нет, ничё не скажут.
- Если мясо или рыбу приготовили впрок и в подвал убрали, как это всё вместе?
- Как, много, скажут, наготовили, хоть мяса ли, рыбьи ли.
- А всё вместе никак не назовут? Харчи или ещё как?
- Как, не знаю, много заготовили да, запаслися.
- А это всё запасом не назовут?
- Как не назовут, запаслися рыбой, запаслися мясом.
- А не скажут, что припасы? А запас?
- А запас да как, вот с осени запасаешь, колёшь животину да, тушенку делаешь да, бутыли вот засолили да, всё.
- А капусту рубите?
- Да.
- А как капусту рубите?
- Как, тоже квасят.
- А перед тем как квасят-то, её как рубят?
- Рубят этой, секачкой.
- А секачка какая?
- А секачка железная.
- А она толстая или как ножик?
- Нет, она эка вот круглая и с ручкой, вот так кадушки и рубиши.
- А это скажут насечёшь или нарубишь?
- Рубиши, рубиши да. Рубиши ли, сечёшь ли.
- Назовут это кислой капустой или квашеной?
- А кто квасит, я не знаю, квашена ли, кисла ли, кисло да, квасили да, нарубили да, дёржим не один день да, квасим да.
- А квасить можно только капусту?
- Я не знаю, ишо чего квасить.
- А вот ежели у меня суп худой стал, то оквасился или нет?
- Да ить как не прокис, прокис да.
- Прокис, скажут?
- Да.
- А оквасился суп, не скажут?
- Да, оквасился как, оквасился. Прокис да, суп-то прокис, не стану исти, да кислый.

— *А чего, тётя Поля, может окваситься?*

— Окваситься дак не знаю чё.

— *А капуста оквасится?*

— Да, оквасится, киснет.

— *А вот огурцы вы солите, огурцы съели, а чего осталось?*

— Чё тебе сказать-то, как его назвать-то. В бутылке остаётся это.

— *Эта жидкость-то?*

— Да, вода-то, вода-то как, не знаю.

— *Не скажут засол?*

— Да, россол, россол остаётся. У меня вон повезут дёвки в Мурманск, дак россол выльют, а огурцы укладывают в мешочек, а россол оставляют, выльют. Там дома делают россол.

— *Тётя Поля, а муку раньше из чего делали? Белую или чёрную, какая мука раньше была?*

— А раньше чего, мололи, на себе мололи, на своих жорновах дак, пшеницу дак, пшеницу. Хоть рожь, хоть ячмень, дома мололи дак.

— *А из пшеницы-то как звали муку?*

— Пшеничная.

— *А изо ржи?*

— Ржаная.

— *А из ячменя?*

— Яшная.

— *А из гороха?*

— Гороховая.

— *Так это всё вот так, значит?*

— Да, из ячменя яшная, из овса овсяная.

— *А когда пироги готовят, тесто ходелое делают, чего туда кладут?*

— Дрожжи, чё у нас, сметану, масло.

— *А в чём всё это замешивают?*

— Да в кринке, кто в чём поди, у меня ак вон ведро.

— *А когда пекут чего-нибудь, не скажут «я печенье делаю»?*

— Печенье дак делают из огибки, печенье делают из огибки.

— *А из огибки, так это из чего?*

— Из муки из как-нибудь, пшенична ли, белая, топерь-то нету пшеничных, всё одна белая дак.

— *А огибка-то это тесто?*

— Да, тесто тоже замешивают в чём-нибудь, в молоке ли, в сметане ли делают.

— *А белый хлеб как назовут?*

— Как, белый хлеб дак раньше называли ситным, паклеванным.

— *А паклеванный это какой?*

— Белой.

— *А он на вкус-то какой?*

— Как тебе сказать, вкус дак, наверно, чё-нибудь тут ложат в его, мы ить сами не печём его.

— *А дома-то паклеванный хлеб не делают?*

— Нет, нет, нет.

— *А из муки-то из белой?*

— Ага, из белой, я и хлеба не пеку, я всё пироги дак, ничё никогда не пеку.

— *А из тёмной муки как хлеб звали?*

— Из ржаной-то?

— Да.

— Из ржаной, дак ржаной.

— *Ржаной?*

— Ага, ржаной хлеб.

— *А был хлеб из овсяной муки?*

— Дак ить поди примешивали, из овсяной поди хлеб худой, хоть яшной, тоже худой.

— *А что худое остаётся?*

— *Одонки.*

— *Одонки?*

— Да.

— *А если от еды что-то осталось, что это?*

— *Остатки.*

— *А «помои» не скажем?*

— А помои дак, помои — это корове, помои, моешь посуду дак, поэтому помои, а собаке понесли остатки, поела да остатки.

— *Тётя Поля, а ошурки — это чего?*

— *Ошурки* — это ошурки, вот заколят скотину, и сало, из сала вытапливают эти ошурки, ошурки эти называются.

— *Тётя Поля, а ополоски не назовут?*

— *Ополоски* дак ить ополоски, вот чё-нить моешь, дак ополоски, опять ополоски, выплесни, грит, корове, выполоши, брось, вылей корове.

— *А корове колоб понесли, а колоб-то из чего?*

— *А колоб бывает из льняного симя или из подсолнуха.*

— *А вот симя взяли, чего дальше?*

— *А выжимают, выжимают.*

— *Масло-то куда идёт?*

— Выжимают этот колоб, выжимают и симя, поджаривают его, и заляживают мешок, и заколачивают, это я видела в Дитятеве, делали когда.

— *А колоб-то — это которое осталось?*

— Да, вы́жали, чё осталося, осталось в мешке́ чёго́, вот это вот кóлоб и есь.

— *А непропечённый хлеб как-нибудь называется? Или тироги непропечённые?*

— Непропечённый дак сырой.

— *А олябыш не назовут его?*

— Дак олябыш дак, олябыш, а олябыш испечёшь, у тебя поди осталося тесто дак, а от я сёдня олябыш испекла, нате поеште. Чё-нить эко вы́скыркаешь да сделаешь, ой олябыш один остался, нате это робята.

— *Тётя Поля, а вот скыркать чего можно?*

— Чё, скыркаешь тесто, из ведра вы́скыркаешь.

— *А кашу из кастрюли тоже вы́скыркаешь?*

— Да, да-да-да, да, тоже вы́скыркаю, а тоже вот дам кому-нибудь, собаке ли, коли они не бу́дут робята исти.

— *А непропечённый хлеб окáлом не назовут?*

— А как бывает ить, а окáлом хлеб дак, это сел на нижнюю корку.

— *А сел на нижнюю корку — это как?*

— А чё-то недоходил, верно, недоходалое это тесто дак, это сел на нижнюю корку, недоходалой дак как варёной.

— *Тётя Поля, а вот если на краишке кастрюли или крынки от молока пенка осталась, там мне отскыркивать её надо или так можно есть?*

— Конечно отскыркивать, как, лизать бу́дешь?

— *Надо отскыркивать?*

— Да, отскыркивать.

— *Это оскырки будут?*

— Дак а чё не оскырки, оскырки я оскыркала.

— *А что я делала, скыркала?*

— Да, скыркала, вы́скыркала да вы́мой, вот и всё.

— *А чем скыркают?*

— Ножиком.

— *А не говорят, что я вы́скыркиваю эту крынку?*

— Да, крынку вы́скыркаешь.

— *А долго вы́скыркивать после теста?*

— А тесто дак, как, вы́скыркаешь тесто да, воды нальёшь да, ведро вы́моешь да, вот и всё, корове выльешь пойло, остатки, да вот.

— *А крошка хлеба как называется?*

— А крошка, дак крошка и есь.

— *А другого нет названия? Крохотина, допустим?*

— Нет, нет, крошка дак крошка и есь.

— *А крошенина?*

— Крошенина дак, в молоко накрошили, в суп накрошили, если ухи сваришь дак, я люблю крошенину дак.

- Тётя Поля, а баранки пекли раньше?
- Да.
- А вот так вот и звали – баранки?
- Да, баранки.
- А как баранки пекли?
- Вот пекли баранки другой раз, вот если охото дак вот, пусть, скидаешь, накатаешь да в горячую воду эти, как тебе сказать, опарыши.
- А потом?
- Вот оно оварились, вынимаю на эту, на чё, как...
- На сковородку?
- Да, да, на сковороду, на жаровню клади да в пёчку, вот и всё.
- Это опаршей?
- Да, опарышей.
- А которые побольше как называются? Калачи ли?
- Поди, бублики.
- А витушкой не называется?
- Витушки дак это поди плюшки – витушки.
- А когда хлеб засушили, чего стало с ним?
- Ак сухари, завёртел.
- А чего ещё заверть может?
- Ак всё завертеет. Подай, полож дак мясо завёртело, рыба завёртела, всё завёртело.
- А вот рыба завёртела так это как?
- Засохла дак, на солнышко дай другой раз попадёт, не оберёшь со стола, она завёртела.
- А обрать со стола сразу нужно, как поел?
- Да.
- А если не обрал?
- А если не обрал, так вот и завёртело.
- А вот пряников не бывало раньше, из города не привозили?
- Да.
- И так пряниками и звали?
- Да, пряниками.
- А медовики или печатные пряники бывали?
- А не знаю, я не видала ни медовиков, ни печатных. Эти-то пряники всё взята да.
- А не бывало, что печенье в печке пекли?
- Почему не бывало? Вот тоже на огибку сделать да стаканами нарезать на жаровне.
- И получается печенье?
- Печенье, да, надо в их тоже положить чё-нибудь.
- Тётя Поля, а пряженники не делали?

- Пряжёники — нет.
- А говорили «покатушки делать»?
- Нет, ничё не делали, не слыхала, не дёлывала.
- Тётя Поля, а глухие пироги — это какие?
- Я не знаю тоже глухие пироги.
- А чего у пирога внутрь кладут или сверху наливают?
- Да, ягодники.
- Так ить творожники, картонные налитушки, творожная налитушка,
- А налитушка — это которые сверху налиты?
- Да, да.
- А внутрь если кладут начинку, как скажут?
- А внутрь как я не знаю, чё положишь внутрь.
- А яйцо если внутрь, морковь?
- А морковники да, морковники дёлаешь.
- Вот если сверху начинка — налитушка, а если внутрь?
- Я не знаю чё, только вот кроме морковки в серёдку положить, а больше как чего положить не знаю. У меня ак всё сметанники или какие.
- А пустыри?
- Да, пустыри да, раз одна сметана как, больше ничё и нет.
- А если с грибами?
- А не знаю, я не пеку как. Волнушки-то, волнушки, например.
- С волнушками?
- Да, с волнушками если.
- А если с другими грибами?
- Я не пекала да, не едала с грибами.
- А с луком?
- Не дёлала, кроме рыбников. Сёдня вот ездили, ходили, принесли маленьких.

О рыбальке (49.34)

- Тётя Поля, мы знаем, что вы рыбачка. Расскажите нам, как ловят рыбу?
- Рыбу как ловят? А как вам сначала рассказать?
- Вот как собираетесь, как рыбу ловят?
- Сначала осенью заготовляют мерёжки, вяжут мерёжки, свяжут, потом невод сошьют, а потом вот выезжают на озеро, когда застынет озеро, лёд, а нет другой раз летом, осенью, по двадцать человек на лодку ловят. Надо на крыле чтобы десять человек, и на другом. А зимой тридцать человек ловят, тоже там, потому что зимой больше надо пешать да, вот как на жердь гонить да.
- А пешать зачем?

— А пешать, вот пёшмя и дыры-то пешать. Надо много, вот зарон сделаем, а потом восемь от зарону этих дыр этих сделают, а потом тоже большую.

— А зарон это чего?

— А вот невод-то заранивают, а потом зубка, в берегу сделают зубку, вот в зубку вытёгивают невод, вот жёрники придут, сначала пешкари, а потом жёрники, а потом уж невод придёт, сначала верёвки, потом невод придёт в зубку.

— А как одевались?

— А одевались это, одевались зимой так одевались в фуфайки, штаны, в сапоги длинные.

— А на руки?

— А на руки кожанки, вот шьют из кожи.

— А сколько человек зарон заранивают?

— Четыре человека на зароне, а пешкаре...

ПРИМЕЧАНИЯ

Выскыркать — выскооблить, скобля, сделать чистым и гладким [СВГ, 1: 99].

Дробина — густой осадок, остающийся после приготовления пива, браги [СВГ, 2: 56].

Жердник — рыбак, который при подводном лове продвигает жердь с сетью или неводом подо льдом, ср.: *жердогон* [СВГ, 2: 84].

Заветреть — зачерстветь (о хлебе) [СВГ, 2: 101].

Зарон — вероятно, погружение сети под лёд (со слов информанта).

Карточный — картофельный [ВС: 106].

Колоб — остатки семян льна после выжимания из них масла, жмы [ВС: 120].

Корина — кожура овощей и фруктов [ВС: 123].

Крошенина — жидккая похлёбка (суп, молоко) с накрошенным хлебом [СВГ, 4: 3].

Латка — глиняная посуда, употребляемая для жаренья; глиняная посуда, употребляемая для варки; кринка для молока; большая глиняная посудина, род квашни для замешивания теста [СВГ, 4: 32].

Лён — жилистая часть мяса, употребляемая в пищу в варёном виде [СВГ, 4: 36].

Лошак — животное или рыба второго года жизни, ср.: *лонишак* [СВГ, 4: 47].

Лученка — лучина, ср.: *лучёна* [СВГ, 4: 55].

Мерёжка — ячеистая сеть, ср.: *мерёжса*, сев., вост. [Даль, II: 319].

Набудыриться — напиться вдоволь [СВГ, 5: 22].

Наверхосытку — после утоления голода, в конце приёма пищи, на десерт [СВГ, 5: 25].

Надрызаться — напиться пьяным [СВГ, 5: 36].

Налитушка — открытый пирог из пресного или дрожжевого теста, сверху полый жидкой картофельной, ягодной или крупяной начинкой; выпекался обычно на сковородах [СВГ, 5: 49].

Обрата — обезжиренное молоко, обрат [СВГ, 6: 3].

Одо́нок – осадок на дне сосуда от масла, кваса; остатки, получаемые при выпаривании масла; остаток какой-либо жидкой пищи [СВГ, 6: 28].

Окваси́ться – стать кислым, прокиснуть [СВГ, 6: 41].

Олябыш – небольшой круглый хлеб, каравай; небольшой круглый хлеб из остатков теста [СВГ, 6: 53].

Ополо́ски – остатки какой-либо жидкой пищи [КСВГ].

Оскы́рки – остатки пищи, соскобленные со стенок посуды [КСВГ].

Отсы́ркивать – отчищать скоблением, соскабливать [КСВГ].

Ошурки – шкварки [СВГ, 6: 115].

Пеша́ть – специальной пешней долбить лёд и делать лунки для подлёдного лова, а также проруби для полоскания белья и добывания воды [СВГ, 7: 56].

Пешка́рь – тот, кто пешней долбит лёд и делает лунки для подлёдного лова, ср.: *пешарь* [СВГ, 7: 56].

Подсмё́тки – жидкость, остающаяся после сбивания масла, пахта, ср.: *подсмётанье* [СВГ, 7: 111].

Постлань – солома, плохое сено для подстилки скоту [СВГ, 8: 11].

Прису́чить – добавить, примешать (муку, крупу) [СВГ, 8: 65].

Пусты́рь – выпечное изделие без начинки, ср.: *пустышка* [СВГ, 8: 110].

Пьяню́жка – пьяница [СВГ, 8: 114].

Расщели́ться – растрескаться, ср.: *расщеляться* [СВГ, 9: 44].

Сальник – каша, приготовленная с добавлением сала в русской печи; любая каша, приготовленная в русской печи [СВГ, 9: 87].

Сего́дáвка – молодая рыба, ещё не достигшая своей нормальной величины, молодь; молодое животное, родившееся в этом году [СВГ, 9: 114].

Сека́чка – орудие для рубки, сечки чего-нибудь [СВГ, 9: 117].

Селянка – яичница из взбитанных с молоком или водой яиц; кушанье из мелкой рыбы или мяса, залитых яйцом; кушанье из яиц, картофеля, пшена и сметаны, запечённое в русской печи [СВГ, 9: 118].

Скы́ркать – скоблить, скрести, убирая что-то с поверхности; скрести, очищая от верхнего слоя; др. [СВГ, 10: 40].

Соломáт – каша из овсяной крупы с маслом или жиром, приготовленная на воде, ср.: *саламáт* [СВГ, 9: 86].

Усто́ек – верхний, густой и жирный отстой молока, сливки [СВГ, 11: 146].

Шéйна – шея [СВГ, 12: 81].

Яру́шка – детёныш овцы, ярочка [СВГ, 12: 138].

Ячный – сделанный, приготовленный из ячменя, ячневый [СВГ, 12: 141].

§ 3. НИНА АРСЕНТЬЕВНА ИСАКОВА

Как далеко могут завести диалектологов поиски собеседников, сохранивших народный говор? Можно пройти несколько деревень ради одной беседы. Одной из таких удачных бесед и стала встреча в д. Плахино с Ниной Арсентьевной Исаковой летом 2013 года.

Плахино – это небольшая деревня в 14 километрах от Кириллова и в 4 километрах от Ферапонтова, сейчас эта деревня относится к Ферапонтовскому сельскому поселению. В последние годы в Плахине постоянно проживает один человек. Но весной и летом Плахино оживает: возвращаются старожилы, их дети и внуки, приезжают дачники, которые ценят прекрасную природу здешних мест, уединенность в сочетании с близостью исторических мест – Кириллова и Ферапонтова – с их знаменитыми историко-культурными памятниками.

Нина Арсентьевна Исакова, как и многие ее бывшие односельчане, теперь в родной деревне бывает только летом. В настоящее время она постоянно живет в городе Мончегорске Мурманской области. Градообразующим предприятием в этом городе является горнometаллургический комбинат «Североникель», на котором Нина Арсентьевна проработала много лет и о котором много рассказывала нам во время экспедиции.

Рассказы Нины Арсентьевны интересны, местами забавны, иногда трагичны. Рассказчица даёт проницательные характеристики героям своих историй, говорит о своей жизни, о своих родственниках, о старом укладе деревенского быта, о своих многочисленных трудах и немногих радостях. Удивляет и восхищает оптимизм Нины Арсентьевны, ее стойкость перед жизненными трудностями, заботливость по отношению не только к родным и близким, но и ко всем людям, ее стремление сохранить независимость.

Нина Арсентьевна родилась в 1928 году в большой многодетной семье. Жизнь была тяжелой, после смерти отца семейства поднимать восьмерых детей пришлось матери Нины Арсентьевны. Училась Нина в сельских школах Борбушина (с 1 по 4 класс) и Ферапонтова (с 5 по 7 класс), потом работала в Кирилловской типографии наборщиком, а после увольнения из типографии уехала из родной деревни в Мончегорск. Там Нина Арсентьевна работала «землекопкой», помогала грузчикам, работала в гараже.

Семейная жизнь Нины Арсентьевны тоже не была безоблачной. В 2006 г. она потеряла мужа. О своей дочери она горько говорит – «спи-лась» (запись «Как свадьбыправляли»), но Нина Арсентьевна не от-

чаивается и ищет различные способы помочь дочери справиться с этой страшной зависимостью (запись «Как боролась с пьянством дочери»). Также Нина Арсентьевна много помогает своим внукам и гордится их успехами.

Наша собеседница, прожив большую часть своей жизни «на северах», сохранила многие черты родного говора. В её речи слышится предударное и заударное оканье (*хорошо, потом-то*), изменение качества [a] и [э] между мягкими согласными (*оп'ять, изд'и* и), мягкое цоканье (*зац'эм, отц'эству*), долгий твердый шипящий (*шишио, настойашио, клабд'ишиэ*), утрата интервокального *j* в заударной позиции (*разговар'иват, самоз*), упрощение сочетаний согласных на конце слова (*йэс'*). Среди морфологических явлений заметно отсутствие редукции возвратных постфиксов (*училас'а мыл'ис'а заблуд'илас'а*). Из синтаксических явлений, свойственных говорам этой территории, обращают на себя безличные конструкции с дополнениями в форме именительного падежа (*картошка-то ужё видно*).

Далее приводятся расшифровки записей речи Нины Арсентьевны Исаковой, которые были выполнены в июле 2013 года во время диалектологической экспедиции в Кирилловский район. Диалектные слова, которые были зафиксированы в ходе беседы, выделены жирным шрифтом. Их значения прокомментированы в конце раздела с опорой на лексикографические источники.

Как теперь живём

– Ну вот, а теперь мы живём – дай боже. Я всё этот ругаюся, как другие обижаются на жизнь. Я говорю: «Уж теперь на жизнь обижаться: пьем-едим только, что хотим. Если я не хочу, дак я и в рот не возьму. Уж теперь-то мы жить начали – дай боже. Это у нас – я же с Севера, с Мончегорска – тут одна из нас (ну тоже землячка, вместе работали) и говорит у меня соседка: «Спасибо мужикам, что деньги дают», – она грит. – «А каким мужикам-то спасибо?» – «Путину да Медведеву», – говорит. Ну дак кто-то спасибо говорит, а кто-то... Ой, Господи...

[ну вот / а т'эп'эр' мы жыв'ом / дай божэ // йа вс'о этот ругайус'а / как друг'ийэ об'ижайуща на жыз'н' // йа гр'у / уш т'эп'эр' на жыс' об'ижкаща // п'йом-йид'им тол'ко / шт'о хот'им // йэсл'и йа н'э хоц'у / дак йа и в рот н'э воз'му // уш т'эп'эр'-то мы жыт' нац'ал'и / дай божэ // это у нас / йа ж с с'эв'эра / с мончегорска / туто одна из нас / ну тожэ з'эмл'ац'ка / в'м'эс'т'э работал'и / и говор'ит у м'ин'а сос'этка //

спас'йбо мужыкám / што д'эн'г'и дайút / она́ гр'ит // а как'им мужыкám-то спас'йбо // пүт'ину да м'эдв'эд'эву / говор'ит // ну дак кто-то спас'йбо говор'ит / а кто-то // ой / господ'и //]

Как не называть по отчеству

– Ой, да по отчеству... Слушай, я ходила в это, на кройку шитья. У меня тоже рядом сидела одна. Я не люблю это. Ну я работала – землекоп-бетонщик. Я не люблю, чтоб меня по отчеству... а потом номер расскажу такой. Работала в гараже. Меня направили там: ну вообще на пенсию. А начальник всё подходит ко мне, разговаривает, и он меня – Нина Арсентьевна, а я говорю: «А я не люблю, когда меня...» Ой ты господи! После того он не стал ко мне подходить, потому что ему неудобно Ниной назвать, а я – ну а что делать, если у бабки уже ума не хватает. Ну тогда-то ещё была не бабка! Ну что делать...

[ой да по отц'еству / слúшай яа ход'ила в это / на кройку шыт'яа // у м'ин'а тожэ р'адом с'ид'эла онна // яа н'э л'уб'л'у это // ну яа работала / з'эмл'экоп-б'этонш'ик // яа н'э л'уб'л'у / штоп м'ин'а по отц'еству // а потом ном'эр расскажу такой // работала в гаражэ // м'ин'а направ'ил'и там / ну вонш'э на п'эн'с'ийу // а начал'н'ик фс'о потход'ит ко мн'э / разговар'иват / и он м'ин'а / н'ина арс'эн'т'йевна / а яа гр'у / а яа н'э л'уб'л'у / когда м'ин'а // ой ты господ'и // посл'э тово он н'э стал ко мн'э потход'ит / потому што йэму н'иудобно н'иной назват' / а яа / ну а што д'элат' / йэсл'и у бапк'и ужэ ума н'э хватайэт // ну тогда-то ишшо была н'э бапка // ну што д'элат']

Как потеряла работу и уехала

– Ну а жизнь была в то время неважная. Сестра была бригадиром, старшая. Вроде работы не хватало, чё-то стали, а потом-то, а потом-то не из-за этого я и уехала, а я уехала. Я работала в то время в Кириллове в типографии, наборщиком уже работала... А тогда, ты знаешь, это, мама, завидущие-то на работу... А в выходной пришла, а посылали тогда тоже там куда-то на выходной работать, она меня не отпустила: «Я тебе справку достану». Ну вот справку-то она мне достала, а начальник-то был злой. Он меня, как говорится, уволил. Ну уволил, дак я, это, и уехала.

[ну а жыс' была ф то вр'эм'а н'эважнайа // с'эстрап' была бр'игад'иром / старшайа // врод'э работы н'э хватало / чо-то стал'и / а потом-то / а потом-то н'э из-за этого яа и уйэхала / а ай уйэхала / яа работала ф то вр'эм'а ф к'ир'иллов'э / ф т'ипограф'ийи // наборщишком ужэ работала //]

а тогда / ты знайэш / это / мама / зав'идушийэ-то на работу // а в выходной пр'ишла / а посыпал'и тогда тóжэ там / куда-то на выходной работат' // она м'ин'а н'э отпуст'ила / яа т'иб'э спрафку достану // ну вот спрафку-то она мн'э достала / а начал'н'ик-то был злой // он м'ин'а / как говор'ицца / увол'ил // ну увол'ил дак яа / это / и уйэхала]

Как учительствовали

– Вчера с последнего дому, дак это, Неля говорила, что девочки вроде училися у Ольги Павловны с Борбушина. Учитель... Ну учительницы дочка – первая деревня отсюда. Ну она учительствовала: за Горицы туда куда-то ездила. Ну давай, миленькая, чего там тебе? Что?

А у нас была вот Ольга училася, учительница – Любовь Александровна, очень хорошая женщина. А потом ушла в цех, ну а потом что-то разговаривала, что не понравилось, что зря. Она учила по четвертый класс, а потом она заочно училася, уже стала старшие классы. Хорошая учительница.

[фчэра с посл'эд'н'эво дому дак / это н'эл'а говор'ила / што д'эвочки врод'э учил'ис'а у ол'г'и павловны з борбушина // учит'эл' // ну / учит'эл'н'ицы дочка / п'эрвайа д'эр'эвн'а отс'уда // ну / она учит'эл'ствола / за гор'ицы туда куда-то йэзд'ила // ну давай / м'ил'эн'кайа / чэвó там т'иб'э / што //

а у нас была вот ол'га училас'а / учит'эл'н'ица / л'убоф' ал'эксандровна / очэн' хорошайа жэншины // а потом ушла ф цэх / ну а потом што-то разговар'ивала / што н'э понрав'илос' / што зря // она учила по чэтв'ортыи класс / а потом она заочно училас'а / ужэ стала старшийэ классы // хорошайа учит'эл'н'ица]

Как считаем возраст

– Вот я вчера девочкам сказала, спросили. А вы считайте, девочки, а то я навру. Я с двадцать восьмого года. Вот дак, отними настоящее. Это соседка сказала. Отними двадцать восемь, с двадцать восьмого.

– Восемьдесят пять лет.

– Ну вот, а я ей сказала: «Чё-то вроде девяносто пять». Она говорит: что ты, уже, говорит, то есть семьдесят пять». А она говорит: «Что ты уже моложе меня?». Ладно, я говорю.

[вот яа фчэра д'эвочкикам сказала / спрос'ил'и // а вы ш'ш'итайт'э / д'эвоч'к'и / а то яа наврú // яа з дваццат' вос'мово года // вот дак /

отн'им'и настойашшо // это сос'этка сказала / отн'им'и дваццат' восьм' /
з дваццат' вос'мово //
восим'д'ис'ат п'ат' л'эт //
ну вот / а яй йэй сказала / чо-то врёд'э д'эв'аносто п'ат' // она гр'ит /
што ты / ужэ гр'ит / то йэс' с'эм'д'эс'ат п'ат' // а она гр'ит / што / ты ужэ
молжэ м'ин'a // ладно / яй гр'у]

Как о лешем читала

— Леший... Вот раньше ешё молодая была, раньше говорили, что вот у нас озеро, за озером там раньше он ешё песни пел, а потом у меня книга куплена. Подожди. Ой, название забыла, как. Так я вот её читала, девочки, так если её почитать, так и не уснёшь. Что там и леший есть, и домовой, и всё такое, что и вот это в озере купаются, и бывает, что как тонут, и вот эти с ними живут, ну вот такое всё. Не буду рассказывать, а то, знаешь, и вы не уснёте.

[л'эшый // вот раншэ ишшо молодайа была / раншэ говор'ил'и / што
вот у нас оз'эро / за оз'эром там раншэ он ишшо / п'эс'н'и п'эл / а потом у
м'ин'a кн'ига купл'эна // подожд'и // ой / назван'ийэ забыла / как // так я
вот йийо читала / д'эвоц'к'и / так йэсл'и йийо почитат' / так и н'э усн'ош
// што там и л'эшый йэс' / и домовой / и фс'о такойэ / што и вот это в
оз'эр'э купайуща / и бывайэт / што как тонут / и вот эт'и с' н'им'и живут
/ ну вот такойэ фс'о // н'э буду рассказыват' / а то / знайеш / и вы н'э
усн'от'э]

Как домовых видели

— А вот это я слыхала один раз, что вроде зашла в баню (ну а там уже много мылися, а она последняя), она зашла в баню, а там вот эти, эти как нечистая. Ну она пришла да моется, чё там в бане нужно там помыть. Женщина зашла, а она... А как, говорит, зашла, так и выходит!

А потом услыхала, девки, если я вам наговорю, вы и не уснёте. Одна женщина родила, роженица, там надо мыть. Ну её этот в баню-то они пришли с ребёнком. Она мать-то и говорит: «Мама, не уходи!» Она уже что-то это чувствовала. И, милая моя, мать и ушла. Она пришла, мать-то это, роженица-то мёртвая.

[а вот это яя слыхала од'ин рас / што врёд'э зашла в бáн'у // ну а там
ужэ много мыл'ис'a / а она посл'эд'н'айа // она зашла в бáн'у / а там вот
эт'и / эт'и как н'эчиайша // ну она пр'ишла да мойщца / чо там в бáн'э

нужно так помыт' // жэншина зашлá / а она // а как / говор'йт / зашлá / так и выход'й //

а потом услыхала / д'эфк'и / йэсл'и йа вам наговор'у / вы и н'э усн'от'э // одна жэншина род'ила / рожэн'ица / там надо мыт' // ну йийо этот / в бан'у-то / он'и пр'ишл'и / с р'эб'онком // она мат'-то и говор'йт / мама / н'э уход'й // она ужэ што-то это чуствола // и м'илайа моя / мат' и ушлá // она пр'ишлá / мат'-то это / рожэн'ица-то м'ортвайа]

Как к бабушке ходила

— Мы жили в бараке в одном доме, и потом получилось. Он работал, муж её, высоковольтником, он должен привязаться, а не привязался, и упал. Упал, и его до больницы не довезли, и он помер. Ну вот. Ну это на самом деле было.

Ну вот, и я этот, ну а мы очень хорошие знакомые, жили в одном доме — в одном бараке. Я прохожу, а бабушка и говорит: «Не спит и не ест ничего» (это жена-то). Ну у них сын был такой, как и вы. Ну вот, а я где жила, была внизу дом, жили, жила старуха, а она, как говорится, как колдовать умела. Ну вот, я и прихожу. Ну она говорит, не спит и не этот.

Ну я пошла. Эта бабушка там сказала, купи, идёшь — раньше было дешёвое вино, там рубель две ли как-то вот так. Я купила. И вот, девочки, вот я лично видела, когда она наговаривала, а голова вот так о стол брякалась. Она говорит: «Вот я людям-то добро делаю, а...» Ну она мне и сказала: «Вино пусть пьют все, но первую стопочку ей», — слова. Ну а вода, это уж я знала, что надо её спрыснуть, да чтоб она пивнула.

Ну я и прихожу, прихожу, постучала. Вижу, что она в той комнате. Я сразу воды набрала, её спрыснула. Потом я говорю «гони» раза два-три. Ну а бабушке сказала, что пейте так. И вы знаете, что я говорю, больше я ходить не пойду к бабушке, потому что надо платить, я говорю, приходи сама. И они пошли на кладбище. Я, говорит, если б мама не заплакала, я бы уже, говорит, и не заплакала.

[мы жыл'и в барак'э в одном дом'э / и потом получилос'а // он работал / муш йийо / высоковол'тн'иком / он должен пр'ив'азацца / а н'э пр'ив'азалс'а / и упал / и йэвэ до бол'н'ицы н'э дов'эзл'и / и он пом'эр // ну вот // ну это на самом д'эл'э было //

ну вот / и йа этот / ну а мы очэн' хорошийэ знакомыйэ / жыл'и в одном дом'э / в одном барак'э // йа прохожу / а бабушка и говор'йт / н'э сп'ит и н'э йэс н'ичэвэ // это жэна-то // ну у н'их сын был такой / как вы // ну вот / а йа гд'э жылá / была в'н'изу дом / жыл'и / жылá старуха / а она / как говор'ицца / как колдоваат' ум'эла // ну вот / йа и пр'ихожу // ну она говор'йт / н'э сп'ит и н'э этот //

ну йа пошлá // эта бáбушка там сказáла / куп'í / ид'óш / раншэ было д'эшовойэ в'ино / там руб'эл' дв'э л'и / как-то вот так // йа куп'ila // и вот / д'эвочк'и / вот йа л'ично в'ид'эла / когда она наговар'ивала / а головá вот так / о стол бр'акалас' // она говор'ит / вот йа л'уд'ам-то добро д'элайу / а // ну она м'н'э и сказала / в'ино пуст' п'йут ф'с'э / но п'эрвуйу стóпочку йэй / слова // ну а вода / это уш йа знала / что надо йийо спрыснут' / да штоп она п'ивнúла //

ну йа и пр'ихожу / пр'ихожу / постучала // в'ижу / что она ф той комнат'э // йа сразу воды набрала / йийо спрыснула // потом йа гр'у гон'и раза два-тр'и // ну а бабушк'э сказала / что п'эйт'э так // и вы знайэт'э / что / йа гр'у / бол'шэ йа ход'ит' н'э пойдú к бабушк'э / потому что надо плат'ит' / йа гр'у / пр'иход'и сама // и он'и пошл'и на кладб'ишишэ // йа / гр'ит' / йэсл'и б мама н'э заплакала / йа бы ужэ / гр'ит' / и н'э заплакала]

Как попадали в беду

– Леший, правда, это раньше было. Так раньше не то что было, и во-дили лешие это. Опять, если расскажу, это у нас продавщица была и рас-сказывала. Вот там, километров за сорок, там. Особенно нельзя ругаться, особенно этими...

– Матами?

– Лешим да вот такими руганиями – ни в коем случае. Вот вы ещё молодые, вы идите взамуж, родите ребёнка. Ни в коем случае ты ребёнка, хоть чё он что наделал, за дверь никогда не выталкивай, никогда, особенно с руганью. Это я бабушку в Мончегорске у этой, которая знала, и го-ворит, женщина там с ребёнком шёл, и она его вытолкала. Ну и видимо, мало ли толкнула и сказала: «Гони тебя леший». Бабушка увидела: «Что ты сделала-то! Ребёнка-то кому отдала!» Хорошо, бабка.

А потом вот этот и рассказывали, что здесь за сорок километров и тоже, и дак и никакой ни ругани, ничего не было, а девочка гуляла не-большая, и девочки – пропала. Девочку искали, искали, к старухе сходи-ла, она и сказала: «Пойдёте, что попадёт по дороге, всё перекидайте. Хоть вот поленница – дров перекидайте, хоть стог сена – перекидайте». Ну там, ну сена стог ли чего ли. Ну вот они перекидали, а там оказалась змея. Ну вот они и оробли. Надо было эту змею перекрестить и брать в руки, ну вот, а они оробли. Ну и что? Что девочка? Пошли опять к знатоку, она говорит: «Было дело, теперь всё, пропало». Эту девочку он убил и в ого-роде, в огороде затолкал. Вот так. Надо, она и говорит, было, надо было, ну вот видишь, нам бестолковым не сказала, что надо перекрестить-то. Вот такое дело, это здесь было.

И здесь у нас было, что вот, ну километров за тридцать так бывало, там водит, вообще, вообще нельзя ругаться этими руганиями, ни в коем

случае. И это вот я слыхала, что вот если обедаешь, обедаете, а вас вот трое, а вы положите ложек, вилок пять штук. Особенно если ругается, вот они садятся вместе и едят, а вы не видите.

А это было – опять я вас разговорю – было в газете здешней монче... в этой, в кирилловской. Старуха, ну не то что она, не такая старая, но любила в лес ходить и любила выпить. И пошла в лес, купила маленькую, эту, взяла маленькую там, закусочки. Ну и этот там походила, выпила, закусила, заболтала и заблудилась.

Идёт мужчина: «Что, заблудилась?» – «Заблудилась». – «Пойдем выведу». Она его называет, а это оказался вот, например, мёртвый другой деревни, сосед, а она его знает. Ну он её привел в эту, в свою избушку. Там это хозяйка тоже, говорит, ходит готовит, с ребёнком. Вот она этого ребёнка на себе каталася, говорит, ягоды собирала.

А потом пошли к знатоку. Ну вот, говорит, пришли к знатоку, она и сказала: «Идите, вот она заходила с этой стороны, и заходите с этой стороны». Ну там сказала, чего делать. И пошли мужики, её увидали. Она там в речке стала пить. Эти мужики еле достали, дознали её, еле её привели, притащили домой.

Ну вот и пришла подружка её. Ну говорит, мы же ведь с тобой. Ну, говорит, она пришла, она вроде с кем-то разговаривает, разговаривает и, говорит, я вот говорю, а она, говорит, ничего ведь не говорит. А всё, говорит, смотрит на угол, смотрит на угол. Я, говорит, её стала спрашивать: «Да мы ведь с тобой вместе дружили, вместе ходили гулять, что». А оказывается этот, как говорится, кто там, лесник, ой, лесовой-то и был. Ну вот. Ну потом, говорит, опять же сходили к бабке, бабка там что-то наговорила, да. Вот раньше лошадь-то запрягают, хомут называется. Вот этот хомут что-то сделали. Ну вот так он потом пошёл и сказал: «Что, догадалась?» Вот так.

[л'эшый / правда / это раншэ было // так раншэ н'э то что было / и вод'ил' и л'эшый э это // оп'ат' / йэсл'и расскажу / это у нас продафшицы была и рассказывала // вот там / к'илом'этроф за сорок / там // особ'энно н'эл'з'а ругаща / особ'энно эт'им'и //

матам'и //

л'эшым / да вот так'им'и руган'йам'и / н'и ф койэм случийэ // вот вы ишшо молодыйэ / вы ид'ит'э / взамуш / род'ит'э р'эб'онка // н'и ф койэм случийэ ты р'эб'онка / хот' что он что над'элал / за дв'эр' н'икогда н'э выталк'ивай / н'икогда / особ'энно с руган'йу // это яйа бабушку в мончэгorsk'э / у этой / которая знала / и говор'йт / жэншшина / там с р'эб'онком ш'ол / и она яиво вытолкала // ну и в'ид'имо / мало л'и толкнула и сказала / гон'йт'a л'эшый // бабушка ув'идала / что ты з'д'элала то // р'эб'онка-то кому отдала // хорошо / бапка //

а потом вот этот и рассказывал'и / што зд'ес' за сорок к'илом'этроф и тóжэ / и дак и н'икакой н'и руган'и / н'ичэво н'э было / а д'эвочка гул'ала / н'ибол'шайа / и д'эвочки / пропала // д'эвочки искал'и / искал'и / к ста-рух'э сход'или / она и сказала / пойд'от'э / што попад'от по дорог'э / ф'с'о п'эр'эк'идайт'э // хот' вот пол'энн'ица / дроф п'эр'эк'идайт'э / хот' сток с'эна / п'эр'эк'идайт'э // ну там / ну с'эна сток л'и чэво л'и // ну вот он'и п'эр'эк'идал'и / а там оказалас' зм'эйя // ну вот он'и и оробл'и // надо было эту зм'эйу п'эр'эк'ес'т'йт' и брат' в рука / ну вот / а он'и оробл'и // ну и што // што д'эвочки // пошл'и оп'ат' г знатоку / она го-вор'йт / было д'эло / т'эп'эр' ф'с'о / пропало // эту д'эвочки / он уб'ил и в огород'э / в огород'э затолкал // вот так // надо / она и гр'ит / надо было / ну вот в'ид'иш / нам б'эстолковым н'э сказала / што надо п'эр'эк'ес'т'йт'-то // вот такой д'эло / это з'д'ес' было //

и з'д'ес' у нас было / што вот / ну к'илом'этроф за тр'иццат' / так бы-вало / там вод'ит / воншэ / воншэ н'эл'з'а ругаца эт'им'и руган'иам'и / н'и ф'кайэм случайэ // и это вот йа слыхала / што вот йэсл'и / об'эдайэш / об'эдайэт'э / а вас вот тройэ / а вы положыт'э ложэ / в'илок / п'ат' штук // особ'энно йэсл'и ругайэт'ес'а / вот он'и / сад'аца вм'ес'т'э и йид'ат' / а вы н'и в'ид'ит'э //

а это было / оп'ат' йа вас разговор'у / было в газ'эт'э з'д'ешн'эй мон-чэ // ф'этой / ф'к'ир'иллофской // старуха / ну н'э то што она / н'э такайа старайа / но л'уб'ила в' л'эс ход'йт' / и л'уб'ила вып'ит' // и пошла в' л'эс / куп'ила мал'эн'ку / эту / вз'ала мал'эн'куйу там / закусочк'и // ну и этот там поход'ила / вып'ила / закус'ила / заболталас'а и заблуд'илас'а //

ид'от муш'ш'ина / што / заблуд'илас' // заблуд'илас'а / пойд'ом' выв'эду // она йэв' называйэт / а это оказалас'а вот / напр'им'эр' м'ортвый другой д'ир'эвн'и / сос'эт / а она йэв' знайэт // ну он йийо пр'ив'ол в эту / ф' свойу избушку // там это хоз'айка тóжэ / гр'ит / ход'ит готов'ит / с р'эб'онком // вот она это в р'эчк'э стала п'иг' // эт'и мужык'и йэл'э достал'и / дознал'и йийо / йэл'э йийо пр'ив'эл'и / пр'иташшыл'и домой //

ну вот и пр'ишла подрушка йийо // ну говор'йт / мы же в'эт' с тобой // ну / говор'йт / она пр'ишла / она врод'э с к'эм-то разговар'иват / разговар'иват и / говор'йт / йа вот говор'у / а она / гр'ит / н'ичэво в'эт' н'э го-вор'йт // а ф'с'о / гр'ит / смотр'ит на угол / смотр'ит на угол // йа / гр'ит / йийо стала спрашыват' / да мы в'эт' с тобой в'м'ес'т'э дружыл'и / в'м'ес'т'э ход'ил'и гул'ат' / што // а оказывайэца этот / как гвор'ица / кто там / л'эс'н'ик / ой / л'эсовой-то и был // ну вот // ну потом / говор'йт /

оп'ат' жэ сход'ил'и к бапк'э / бапка там што-то наговор'ила / да // вот раншэ лошат'-то запр'агайт / хомут называйэнца // вот этот хомут што-то з'д'элал'и // ну вот так он потом пош'ол и сказал / што / догадалас' // вот так]

Как картошку сажали

– И садила, дак землю лопатой копала, и садила, а когда у кого есть, да теперь ведь куплены, как говорится, такие штуки – дак вспашут и садят. Бывало раньше, что картошки мало, дак с этим, с глазками, дак картовину обрезают. Обожди. Вот если картошки мало, это я помню, что вот, вот видишь росточек, вот эти глазки, вот отрезают вот столько, и в золу ложили, что оно самое главное, вот эти ростки. Ну вот. Ну вот, она, а потом уже её, она взойдёт, там она сколько уже подрастёт вот примерно. Вот такая, потом её обрываешь, обровываешь, потом второй раз обрываем. Лопатой.

– *Лопатой, не тяпкой?*

– Да, лопатой, лопаткой. Ну а раньше, раньше, конечно, целые поля садили дак под плуг. Лошадь там, человек идёт, а плуг держит. И вот садили под плуг. Вот он, плуг посадим, ряд, потом он два раза проедет, ровно в третий раз вот садим. И копали тоже, что он проедет, картошката уже видно, дак тоже копали. Так раньше ведь в полях садили дак, а теперь ничего нету дак. А теперь, теперь все люди-то стали ленивые. Я говорю, а раньше мы-то, вот у нас вокруг деревни раньше всё косят – на силос, а потом уже косили, а теперь посмотри-ка, травы такие всё, куда всё девалось, не знаю, не знаю, до чего доживем. И люди разные, и люди есть, и рабочие, и работают хорошо есть и плохо – всякие раньше были: и лодыри, вот так, так, не знаю.

[и сад'ила / дак з'эмл'у лопатой копала / и сад'ила / а когда у ково йэс' / да т'эп'эр' в'эт' күпл'эны / как говор'ицца / так'ийэ штук'и / дак вспашут и сад'ат // бывало раншэ / што картошк'и мало / дак с эт'им / з глазкам'и / дак картов'ину обр'эзайт // обожд'и // вот йэсл'и картошк'и мало / это йа помн'у / што вот / вот в'ид'иш росточэк / вот эт'и глазк'и / вот / отр'эзайт вот стол'ко / и в золу ложыл'и / што оно само главной // вот эт'и ростк'и // ну вот // ну вот / она / а потом ужэ йийо / она взойд'от / там она скол'ко ужэ подрас'т от вот пр'им'эрно // вот такайа / потом йийо обрываиш / обровывайиш / потом фторой рас обрываишэм // лопатой //

лопатой / н'и т'апкой //

да / лопатой / лопаткой // ну а раншэ / раншэ / кон'эшно / ц'элыиэ пол'а сад'ил'и дак / пот плук // лошадь там / чэлов'эк ид'от / а плук д'эржыт // и вот сад'ил'и пот плук // вот он / плук посад'им / р'ат / потом

он два раза пройдёт / ровно ф тр'ёт'ий рác вот сад'им // и копал'и тóжэ /
что он пройдёт / картошка-то ужэ в'идно // дак тóжэ копал'и // так
раншэ в'эт' ф пол'ах сад'ил'и дак / а т'эп'эр' н'ичэвэ н'эту дак // а
т'эп'эр' / т'эп'эр' вс'э л'уд'и-то стал'и л'эн'ивыйэ // йа гвор'у / а раншэ
мы-то / вот у нас вокрук д'эр'эвн'и раншэ фс'о кос'ат / на с'илос / а потом
ужэ кос'ил'и / а т'эп'эр' посмотр'и-ка / травы так'ийэ / фс'о / куда фс'о
д'эвалос' / н'э знай / н'э знай / до чэвэ дожыв'ом // и л'уд'и разныйэ / и
л'уд'и йэс' / и рабочийэ / и работайут хорошо йэс' и плохо / вс'ак'ийэ
раншэ был'и / и лодыр'и / вот так / так / н'э знай]

Как свадьбыправляли

— А свадьбы... Как чего? У меня свадьбы не было. Так что раньше свадьбыправляли. Сестре старшей, дак помню,правляли свадьбу. Помню, этот. Я ещё тогда была, как говорится, соплюшка. Ну дак, в этом домеправляли ей. А я выходила в Мончегорске, дак свадьбы не было. Купили водки, да и вся эта квартира моя да уборщица — просто вышли, да и всё. Расписались — и порядок. И всё. А уж тут... Старшая сестра — дак конечно свадьбуправляли, брату. Ой. Сватовство? Ну дак как тебе сказать. Старшую сестру дак приезжали, как уж, сватать, верно, я не знаю. Жених был ли, нет. А была с Вазеринца. С Вазеринец соседка, приезжала. Так, наверно, уж и жених был. Наверно, и её увезли тогда. Ну чего? Попшли ко мне. Вот. Ну а потом свадьбуправляли. Помню эту свадьбу, свадьба была.

Ну её, значит, увезли, а, милая, мы ходили сватать невесту. Вот ниже меня дом был. А мой, дурень, у него брат двоюродный был, и пошли, это, Женя, Царство небесное, сватать. Да нас сестра всех сватовей и нас выгнала. Вот так. Хорошо, не сосватали. А так ну вот, ну что тебе сказать на это? Слушай, как она... Увезли, жила, потом свадьба, свадьба была, а потом чего, потом уже... Ничего раньше не было, это же бедно люди жили, только что на свадьбу там ужо готовили всё. Пиво варили да то-другое. А что так, дак не было: это теперь уже стали богато жить.

Вот, вот теперь я говорю, вот слушай. Это у меня внук-то женился, дак у него тоже свадьба вот тоже была, просто обеды. Он с института, и невеста с института. А у невесты родители из деревни. Вот так. Дак у них и то хорошо, вот я, а дочь у меня, дочь пьёт, спилася. Вот я её, я опять же обвиняю себя с мужиком. В то время старались, думаем, как лучше. Мы, этот, уезжали, а пенсию мы на книжку переводим, что сюда летом ездили. Его-то пенсию полностью за весь год — она каждый год приезжала, пенсию евонную снимали и отдавали. Они и привыкли пить.

А у ней старший сын, два института кончили. Я тебя заговорю. И, милая моя, и был в Иране, вот вспомнила, в Иране, два года в командировке.

И вот он, когда жениться решил, он приезжал с Ирана. Ну а они, белорусы, как католики, пить нельзя. И вот они тоже справляли. Ну было это там четыре или пять вин, шампанское, да вот это красное, ну обеды вот у него, вот и этот стали свадьбу так. А я и говорю: «Миша, а невеста-то готова, согласна к этой свадьбе?» – «Согласна». Но потом она лично со мной разговаривала, он верно сказал. Она грит: «Бабушка, дак как я у Алеши-то на свадьбе была, а у них что?» Ну и тут я, правда, не хотела на свадьбу ехать, потому что здесь, в Кириллове вот живёт, жила старшая сестра, теперь померла. Тоже этот, дочки сын женился и нас приглашал на свадьбу, и вот в то время как раз надо в деревню ехать. Я и хотела сюда, а дочь: «Ты что! К любимому внуку и не поедешь!» Ну что? Я сняла пятьдесят тысяч – наши, русские – и поехала. Ну а там в Белоруссии, там же русские деньги уже дороге. Ну вот, я ему и... Она говорит: «У Миши денег мало». А у Миши какие деньги? Где тут? Она взошла, захожу: «Миша, вот тебе мой свадебный подарок». – «Спасибо, бабушка».

Ну вот, а потом телефон понравился мой, я телефон подарила. А потом он, надо к невесте ехать, надо колеса новые, денег нет. А она опять же: «Попроси у бабушки». А у меня были деньги взяты, чтобы в деревню-то ехать. Ну я говорю: «А сколько-то надо?» – «Пять тысяч». Ну, я достала пять тысяч: «На, пять тысяч на колеса». Вот так, и потом мы сюда и приехали.

А что это тебе надо старинные-то свадьбы? Он что-то загордился, не рассказывает. У него свадьба была, свадьбу справляли здесь. Ну а здесь вот у сестры свадьба дак... Ну гуляли, помню, даже родственники кара-вай хлеба несут. Ну а тогда чего там – варили пиво, хмельное.

Ну дак раньше даже свадьбы гуляли два ли три дня. Первый день гуляют у невесты, второй день должны у жениха гулять. Но у сестры у жениха не было, не справляли, только наша. Ну, третий день в этом доме гуляют. У жениха ли, у невесты.

[а свад'бы // дак чэвó // у м'ин'а свад'бы н'э было // так што раншэ свад'бы справлял'ал'и // с'эстр'э старшэй / дак помн'у / справлял'ал'и свад'бу // помн'у / этот // я ишшо тогда была / как говор'ицца / сопл'ушка // ну дак / в этом дом'э справлял'ал'и йэй // а я выход'ила в мончэгorsk'э / дак свад'бы н'э было // куп'ил'и вотк'и / да и ф'с'a эта кварт'ира моя да уборшицыа / просто вып'ил'и да и ф'с'o // расп'исал'ис'a / и пор'адок // и ф'с'o // а уш тут // старшайа с'эстра / дак кон'эшно свад'бу справлял'ал'и / брату // ой // сватофство // ну дак / как т'иб'э сказат' // старшу с'эстру дак пр'ийэжжал'и / как уш / сватат' / в'эрно / я н'э знайу // жэн'их был л'и / н'эт // а была з ваз'эр'инца // з ваз'эр'ин'эц сос'этка / пр'ийэжжал'a // так / нав'эрно / уш и жэн'их был // нав'эрно / и ийио ув'эзл'и тогда // ну чэвó //

пошл'й ко м'н'э // вот // ну а потом свад'бу справл'ал'и // помн'у эту свад'бу / свад'ба была //

ну йийо / значит / ув'эзл'й / а / м'илайа / мы ход'ил'и сватат' н'эв'эсту // вот н'ижэ м'ин'а дом был // а мой / дур'эн' / у н'эв'о брат двойуродный был / и пошл'й / это / жэн'ка / царство н'эб'эснойэ / сватат' // да нас с'эстра / ф'с'эх сватов'эй и нас выгнала // вот так // хорошо / н'э сосватал'и // а так ну вот / ну что т'иб'э сказал' на это // слушай / как она // ув'эзл'й / жыла / потом свад'ба / свад'ба была / а потом чево / потом ужэ // н'ичэво раншэ н'э было / это жэ б'эдно л'уд'и жыл'и / тол'ко что на свад'бу там ужо готов'ил'и ф'с'о // п'иво вар'ил'и да то другойэ // а что так / дак н'э было / это т'эп'эр' ужэ стал'и богато жыг' //

вот / вот т'эп'эр' яа говор'у / вот слушай // это у м'ин'а внук-то жэн'илс'а / дак у н'эв'о тожэ свад'ба вот тожэ была / просто об'эды // он с ын'с'т'итута / и н'эв'эста с ын'с'т'итута // а у н'эв'эсты род'ит'эл'и из д'эр'эвн'и // вот так // дак у н'их и то хорошо / вот яа / а доч у м'ин'а / доч п'йот / сп'илас'а // вот яа йийо / яа оп'ат' жэ обв'ин'айу с'иб'а с мужыком // ф то вр'эм'а старал'ис'а / думайэм / как лутшэ // мы / этот / у'эжжал'и / а п'эн'с'ишу мы на кн'ишку п'эр'эвд'им / что с'уда л'этом йэзд'ил'и // йэво-то п'эн'с'ишу полност'иу за в'эс' гот / она каждый гот пр'ийэжала / п'эн'с'ишу йэвоннуйу сн'имал'и и отдавал'и // он'и и пр'ивыкл'и п'ит' //

а у н'эй старший сын / два инс'т'итута кончил // яа т'иб'а заговор'у // и / м'илайа моя / и был в ыран'э / вот фспом'н'ила / в ыран'э / два года ф командирофк'э // и вот он / когда жэн'ица р'эшыл / он пр'ийэжала с ырана // ну а он'и / б'элорусы / как катол'ик'и / п'ит' н'ил'з'а // и вот он'и тожэ справл'ал'и // ну было это там чэтыр'э ил'и п'ат' в'ин / шампанскойэ / да вот это краснойэ / ну об'эды вот у н'эв'о / вот и этот стал'и свад'бу так // а яа и говор'у / м'иша / а н'эв'эста-то готова / согласна к этой свад'б'э // согласна // но потом она л'ично со мной разговар'ивала / он в'эрно сказал // она гр'ит / бабушка / дак как яа у ал'оши-то на свад'б'э была / а у н'их что // ну и тут яа / правда / н'э хот'эла на свад'бу йэхат' / потому что зд'эс' / ф к'ир'иллов'э вот жыв'от / жыла старшайа с'эстра / т'эп'эр' пом'эрла // тожэ этот / доч'и сын жэн'илс'а / и нас пр'иглашал на свад'бу / и вот ф то вр'эм'а как рас надо в д'эр'эвн'у йэхат' // яа и хот'эла с'уда / а доч / ты что // к л'уб'имому внуку и н'э пойэд'еш // ну что // яа сн'ала п'иис'ат тыс'ач / наши / русск'ийэ / и пойэхала // ну а там в б'элорусс'иши / там жэ русск'ийэ д'эн'г'и ужэ дорог'э // ну вот / яа йэму и // она говор'ит / у м'иши д'эн'эк мало // а у м'иши как'ийэ д'эн'г'и // гд'э тут // она взошла / захожу / м'иша / вот т'иб'э мой свад'ебный подарок // спас'ибо / бабушка //

ну вот / а потом т'эл'эфон понрав'илс'а мой / яа т'эл'эфон подар'ила // а потом он / надо к н'эв'эст'э йэхат' / надо кол'оса новыйэ / д'эн'эк н'эт

// а она оп'ат' жэ / попрос'и у бабушк'и // а у м'ин'а был'и д'эн'г'и вз'аты
/ чтобы в д'эр'эн'у-то йэхат' // ну яа говор'у / а скол'ко-то надо // п'ат'
тыс'ач // ну / яа достала п'ат' тыс'ач / на / п'ат' тыс'ач на кол'эса // вот
так / и потом мы с'уда и пр'ийэхал'и //

а что это т'иб'э надо / стар'инныйэ-то свад'бы // он што-то за-
город'илс'а / н'э расска*зыват // у н'эво свад'ба была / свад'бу справл'ал'и
з'д'эс' // ну а з'д'эс' / вот у с'эстры свад'ба дак // ну гул'ал'и / помн'у /
дажэ, роцтв'энн'ик'и коровай хл'эба н'эсүт // ну а тогда чэвэ там /
вар'ил'и п'иво / хм'эл'нойэ //

ну дак раншэ дажэ свад'бы гул'ал'и два л'и тр'и дн'а // п'эрвый д'эн'
гул'айут у н'эв'эсты / фторой д'эн' должны у жэн'иха гул'ат' // но у
с'эстры у жэн'иха н'э было / н'э справл'ал'и / тол'ко наша // ну / тр'эт'ий
д'эн' в этом дом'э гул'айут // у жэн'иха л'и / у н'эв'эсты]

Как пиво варили

– Пиво? Ну, варят. Раньше ведь, это, пиво варили так вот. Ну вот рожь, зерно ростят, ростят это зерно. Когда оно взрастёт, а потом – подожди, что же это делали – сушат, мелют, а потом такие горшки были, большие горшки. И там это, у горшка там внизу кранник. И вот это делают даже с соломой как-то, ложат этой соломы в печку, ставят, потом это оно там уж как это усолодится, они потом это, это в кранник-то и текёт. Вот это хмельное пиво и делали. Вот так. А теперь уже это ецё зерно возвращают, как оно это теперь называется вот, лечатся. А раньше-то зерно, этот. Пиво у них было – бабье пиво называлось. Пекли. Оно не хмельное пиво. Я в жизни не забуду тётя Кать меня – вот там вот у пруда дом – меня раз заставила чашечку выпить, да мне так было плохо – ужас! А я так-то ведь это не пью, вот так что. Ну а теперь, теперь все богатые, так теперь хватает. Теперь бедных нет. Теперь вот только вам надо учиться, так родители, родители кормят и поят, куда денешься.

[п'иво // ну вар'ат // раншэ в'эт' / это / п'иво вар'ил'и так вот // ну вот
ропш / з'эрно рост'ат / рост'ат это з'эрно // когда оно взраст'от / а потом /
подожд'и / што жэ это д'элал'и / сушат / м'эл'ут / а потом так'ийэ
горшк'и был'и / бол'шыйэ горшк'и // и там это / у горшка там вн'изу
кран'ик // и вот это д'элайут дажэ с соломой как-то / ложат этой соломы
ф' п'эчку / став'ат / потом это оно там уш / как это усолод'ицца / он'и по-
том это / это ф' кран'ик-то и т'эк'от // вот это хм'эл'нойэ п'иво и д'элал'и
// вот так // а т'эп'эр' ужэ это ишшо з'эрно возвращшывайут / как оно это
т'эп'эр' называйэцца вот / л'эчацца // а раншэ-то з'эрно / этот // п'иво у
н'их было / баб'ийэ п'иво называлос'а // п'экл'и // оно н'э хм'эл'нойэ п'иво
// йа в жыз'н'и н'э забуду т'от'a кат' м'ин'а / вот там вот у пруда дом /

м'ин'а рас застáв'ила чáшечку вып'ит' / да мн'э так было плохо / ужас // а я тák-то в'эт' это н'э п'иу / вот так што // ну а т'эп'эр' / т'эп'эр' ф'с'э бохатыйэ / дак т'эп'эр' хватайэт // т'эп'эр' б'эдных н'эт // т'эп'эр' вот тол'ко вам надо учíцца / так род'йт'эл'и / род'йт'эл'и корм'ат и пойат / куда д'эн'эс'с'а]

Как рожали детей

– Я тогда говорила, что у нас в том доме, да вот в том доме семеро было детей, а так дак у кого сколько, большинство – по пятёрке детей было. А у меня вот одна только. Ну вот например, раньше ведь не было, это теперь уже, что вот все в роддом везут. А раньше-то стало это плохо рожать, и зовут вот эту бабушку. Бабушка и принимала роды. Ну она уж и называется повитуха, потому что она там принимала роды. Раньше ведь в больницу-то не возили, так что большинство дома рожали.

– В бане?

– Зачем, дома. Прямо.

– *А потом крестили детей?*

– Ну дак, конечно. Там пройдёт сколько – месяц ли сколько дак. Крестили. Носили в церкву. Там уже и крестили, но я этого-то не знаю, потому что я уж не помню. Нас пораз везили, в церкву везли на лошади, в церкву. А напугали, что мы вас там-от в озеро, в озеро бросим, мы все заревели, нас матки всех забрали. Так что.

А теперь так ведь крестят. У меня например: вот я дочку дак крестила бабушка у меня. Бабушка крестила. А я жила в Мончегорске дак, я уже как крестная дак пятерым крестила. Тогда тоже церкви не было, и привозили с Кировска, там кто-то приезжал, дак вот их крестили всех в одном доме дак. Я их крестила. А ни один крестной не зовёт. Вот у сестры – сын, сейчас уехал, тот крестник. Было маленький от меня не отходил, а теперь и крестной не называет. И не поздоровается, вот так. Крестной... Всё это забывается.

[а тогдá говор'ила / што у нас ф том дóм'э / да вот ф том дóм'э / с'эм'эро было д'эт'эй / а так дак у ково скол'ко / бол'шынство / по п'ат'орк'э д'эт'эй было // а у м'ин'а вот одна тол'ко // ну вот напр'им'эр' / раншэ в'эт' н'э было / это т'эп'эр' ужэ / што вот ф'с'э в роддом в'эзут // а раншэ-то стало это плохо рожат' / и зовут вот эту бабушку // бабушка и пр'ин'имала роды // ну она уш и называйэцца пов'итуха / потому што она там пр'ин'имала роды // раншэ в'эт' в бол'н'ицу-то н'э воз'ил'и / так што бол'шынство дома рожал'и //

в бан'э //

зачэм / дома // пр'амо //

а потом кр'ис'т'и́л'и д'им'э́й //

ну дак / кон'эшно // там пройд'от скол'ко / м'эс'ац л'и скол'ко дак // кр'эс'т'и́л'и // нос'и́л'и ф цэркву // там ужэ и кр'эс'т'и́л'и / но йа этово-то н'э знайу / потому што йа уш н'э помн'у // нас порас в'эз'и́л'и / ф цэркву в'эзл'и на лошад'и / ф цэркву // а напугал'и / што мы вас там-от в оз'эро / в оз'эро брос'им / мы ф'с'э зар'эв'эл'и / нас матк'и ф'с'эх забрал'и // так што //

а т'эп'эр' так в'эт' / кр'эс'т'ат // у м'ин'а напр'им'эр / вот йа дочку дак кр'эс'т'ила / бабушка у м'ин'а // бабушка кр'эс'т'ила // а йа жыла в мончэгorsk'э дак / йа ужэ как кр'оснайа дак п'ат'эрым кр'эс'т'ила // тогда тожэ цэркв'и н'э было / и пр'ивоз'ил'и с к'ирофска / там кто-то пр'ийэжжал / дак вот их кр'эс'т'ил'и ф'с'эх ф одном дом'э дак // йа их кр'эс'т'ила // а н'и од'ин кр'осной н'э зов'от // вот у с'эстры / сын / с'иц'ас уйэхал / тот кр'ос'н'ик // было мал'эн'к'ий от м'ин'а н'э отход'ил / а т'эп'эр' и кр'осной н'э называйэт // и н'э поздороваца / вот так // кр'остной // ф'с'о это забывайэца]

Как праздникиправляли

— Как праздники? Вот у нас второго августа Ильин день, праздник, гулянка. Гулянка была там у церкви, а потом уже в нашей деревни ночью гуляли. А теперь гуляют всегда три дня было. Ну а дак чего? Праздники... ну там уже в какой деревне когда.

— Ну вот тогда у нас вот это время дак раньше ходили к этой к церкви и там гуляли, а тут последнее время дак по деревне просто ходят гуляют взад-вперед с гармошкой. Просто гуляют и всё. И драки бывают, и всё. И вчера и рассказывала. Я говорю: на уколот была в няньках тятиной сестры у дочки — лето гостила. И в праздник-то здесь и было. И пошли и мы, сопляки, на гулянку. А там барышня: кавалер пьяный напился, лежит. Они совралися, меня заставили караулить, а я тогда, как чокнутая, не понимаю — караулить, а потом ихние-то все подходят: «А если бить будут, дак чего будешь делать?» — «Побегу!» А они говорят: «Дак не беги, а кричать надо». А теперь думаю: надо же додумалася меня, соплюшку, караулить её; думаю: насрать мне твой кавалер — карауль пьяного. Вот так, так что. Ой, девочки милые.

[как пра́з'н'ик'и // вот у нас фторово августа ил'ян д'эн' / пра́з'н'ик' / гул'анка // гул'анка была там у цэрквы / а потом ужэ в нашэй д'эр'эвн'и ночиу гул'ал'и // а т'эп'эр' / гул'айут ф'с'эгда тр'и дн'я было // ну а дак чэвэ // пра́з'н'ик'и // ну там ужэ ф какой д'эр'эвн'э когда //

ну вот тогда у нас / вот это вр'эм'а дак ранш ход'ил'и к этой / к цэркв'э / и там гул'ал'и / а тут посл'эдн'эйэ вр'эм'а дак по д'эр'эвн'э /

прόсто ход'ат гул'айут взат-фп'эр'от з гармошкой // просто гул'айут и ф'с'о // и драк'и бывайут / и ф'с'о // и вчэра и рассказывала // яа говор'у / на уколот была в н'ан'ках / т'ат'иной с'эстры у дочк'и / л'это гост'ила // и ф прац'н'ик-то з'д'ес' и было // и пошл'и и мы / сопл'ак'и / на гул'анку // а там барышн'а / кавал'эр п'янный нап'илс'а / л'эжыт // он'и соврал'ис'а / м'ин'а застав'ил'и караул'ит' / а яа тогда / как чокнутайа / н'э пон'имайу / караул'ит' / а потом ихн'ийэ-то ф'с'э потход'ат / а йэсл'и б'ит' будут / дак чо буд'еш д'элат' // поб'эгү // а он'и говор'ат / дак н'э б'эг'и / а кр'ичат' надо // а т'эп'эр' думайу / надо жэ додумалас'а м'ин'а / сопл'ушку / караул'ит' йийо // думайу / насрэт' мн'э твой кавал'эр / караул' п'яново // вот так / так што // ой / д'эвочк'и м'ильыйэ]

Как сено косили

– На сенокос? Ну раньше с отцом ходила. Ходили, косили. Тут тоже, уже когда вот сюда приехали, дак вот Игорь корову держал, дак ходили было утром косили, косили. Теперь это сено всегда сушили, помогали всё время. Это мы ходили. Вот у Риммы у Тихоновны, корову держала, дак всё время. Тут уж у Риммы муж трактористом был, так он косил этим. Как накосит, так накосит. По пятьдесят было копён! И вот мы трясли, сушили, помогали. Ну а как жили ведь – жили-то в то время, сейчас уже пороскошнее жить стали, а тогда были бедные, дак они нам чем-то помогают, а мы им, вот так и жили.

[на с'энокос // ну раншэ с отцом ход'ила // ход'ил'и / кос'ил'и // тут тóжэ ужэ когда вот с'уда пр'ийэхал'и / дак вот игор' корову д'эржал / дак ход'ил'и было утром кос'ил'и / кос'ил'и // т'эп'эр' это с'эно ф'с'эгда сушил'и / помогал'и ф'с'о вр'эм'а // это мы ход'ил'и // вот у р'иммы у т'ихоновны / корову д'эржала / дак ф'с'о вр'эм'а // тут уш у р'иммы муш трактор'истом был / так он кос'ил эт'им // как накос'ит / так накос'ит // по п'иис'ат было коп'он // и вот мы тр'асл'и / сушил'и / помогал'и // ну а как жыл'и в'эт' / жыл'и-то ф то вр'эм'а / с'эчас ужэ пороскошн'эйэ жыт' стал'и / а тогда был'и б'эдныйэ / дак он'и нам чэм-то помогайут / а мы им / вот так и жыл'и]

Как дают пенсию и пособие от предприятия

– Да, раньше, вот я и говорю, раньше думали: «Господи, неужели до-сыта хлеба чистого поедим?» А теперь наелися-от, уже того не хочу, и другого не хочу, и третьего не хочу. Теперь уже пенсию заработали-от. Вот сейчас с ним разговаривали. У него пенсия, вот надо не наврать, де-сять ли тринадцать тысяч. А у меня сейчас двадцать. Вот он мне и: «Вот в

цехе работал», а что пенсия у меня больше, значит, ты не заработал, а я заработала. А тут, милая моя, теперь уехала (тоже с Мурманска, как-то, где это, а вот – вот эта штука) получали медаль, а как-то раз ну вон как эти полоски. Это медаль нам давали. Ну и тогда были десятиклассники, девятиклассники, там приходили. Мы идём, они нас встречают, вот эту штуку прикрепили, ну а потом это собрание, там вычитают из всякого, и там бежит этот военный, эту медаль вручают, и это всё, а школьники – подарок. А она идёт, я иду с того краю: «Что, купила?» А я, милая, не подумала, потому что я была в той куртке, к которой прицеплена эта. До-мой-то пришла, как в зеркало-то посмотрела, а у меня эта штука: ах вот оно что. А она работала, работает и сейчас в покойницкой. Если б я подумала, я бы ей резанула: «А тебе покупать не надо, ты у покойника можешь снять». Ну хорошо, что не дошло до меня, так что я не нагрубила.

– А, думаю, сейчас вот ему и говорю: «На следующий год все, кто ведь медаль эту дают и дают это..» Ну назови ты эту бумагу-то!

– Георгиевская ленточка?

– Ну вот, я говорю: «Я все принесу, привезу и покажу, что у меня сколько медалей». А я как-то раз и говорю: «А зачем они эти медали?» – А Ольга, дочка: «Пусть внуки посмотрят». – «Да что внуки не видали?» Ну а что я в жизни не забуду: мне этот военный-то принес медаль-то, вручил. Я и говорю: «Спасибо». А он говорит: «Не нам спасибо, а вам спасибо». Потому что я ветеран военного труда, ветеран, что мы уже столько отработали. Вот. А я и говорю: я в Кириллове работала в типографии. Я оттуда справку взяла, у меня и та была записана, так что я пятьдесят шесть лет или больше отработала.

Так что мы живем нормально. Нам, как я от комбината работала всю жизнь, как нам... Вот сейчас разговаривала с этой, ну вот нашей, и говорю. Так я говорю, не знаю сколько, она говорит. В этот год, грит, полторы тысячи. Ну вот я вот каждый год пойдем там: ну у нас-то вот это самый главный это, в этом, в этом, ну там кинотеатр был, идём, трудовую книжку, все документы берём. Там записывают, и каждый год нам дают деньги. Раньше мы ходили получать в сберкассу, а сегодня сказал, переведут на книжку. Так вот она и сказала, что сегодня полторы тысячи. Каждый год дают, так что нас ещё, нет-нет да подкидывают. А теперь съеду, опять узнаю, где давали на девятое мая: на девятое мая сколько-то дадут, так что нас ещё, стариков, не забывают – живите да радуйтесь, вот вам.

Но нас выручает комбинат. Я вот здесь лежала в больнице, у меня вот болел бок, делали операцию. Правда, отношение очень было хорошее, но питание против нашего. А у нас комбинат, правда, питание, кормят, ко мне, этот, ходят соседи. Я говорю (а у нас внизу у меня живёт такая скучая, всё себя морила), я говорю: «Здесь кормят – не каждый дома так питаётся». Правильно, что кормили исключительно. Вот. И у нас ещё, мало

того, у нас вот теперь мы пенсионеры нерабочие, в каждый год могу один раз взять ходить на обеды. Вот десять, десять – это завтрак, каша. Каша, потом чай, кусок батона с маслом, а в два тридцать обед. В обед обязательно салатик. А мне соседи и говорят: «Ой, там спрятывают поминки, да вот останется, вскипятят да и кормят». Я говорю: «Не ври, ради бога, не ври. Я ведь не дура: вижу, что дают-то. Всё готовлено только свежее». Я говорю: «Вот салатик. Потом дают суп, но в супе мяса нет. Мясо идет на второе или там котлеты или чего, или там окорочек. И второе, эти, беф-строганов там с чем-то. Кормят исключительно. Потом еще блины или оладьи». А то тут что, я говорю. Я еще стою это, блинов не дождалася. «А блины-то?» – «Да уж некуда вроде и ложиться». Но заставляют это домой забирать, так что там бери и забирай домой. Вот каждый год можешь один раз сходить на обеды. Бесплатно.

[да / рánшэ / вот йа и говор'у / ránшэ думал'и / го́спод'и / н'эужэл'и
досыта хл'эба чистово пойэд'им // а т'эп'эр' найэл'ис'а-от / ужэ тово н'э
хочу / и другово н'э хочу / и тр'эт'йэво н'э хочу // т'эп'эр' ужэ п'эн'с'ийу
заработал'иот // вот с'эчас с н'им разговар'ивал'и // у н'эвö п'эн'с'ийа /
вот надо н'э наврат' / д'эс'ат' л'и тр'инаццат' тыс'ач // а у м'ин'а с'эчас
дваццат' // вот он мн'э и / вот ф цэх'э работал / а што п'эн'с'ийа у м'ин'а
бол'шэ / значит / ты н'э заработал / а йа заработала // а тут / м'илайа моя
/ т'эп'эр' уйэхала // тóжэ с мурманска / как-то / гд'э это / а вот / вот эта
штука // получал'и м'эдал' / а както рас / ну вон как эт'и полоск'и // это
м'эдал' нам давал'и // ну и тогда был'и д'эс'ат'иклас'н'ик'и /
д'эв'ат'иклас'н'ик'и / там пр'иход'ил'и // мы ид'ом / он'и нас
фстр'эчайт / вот эту штуку пр'икр'эп'ил'и / ну а потом это собран'ийэ /
там вычитайт ис ф'с'аково / и там б'эжыт этот войэнный / эту м'эдал'
вручайт / и это ф'с'о / а школ'н'ик'и / подарок // а она ид'от / йа иду с
тово крайу / што / куп'ила // а йа / м'илайа / н'э подумала / потому што йа
была ф той куртк'э / к которой пр'ицэпл'эна эта // домой-то пр'ишла / как
в з'эркало-то посмотр'эла / а у м'ин'а эта штука / ах вот оно што // а она
работала / работайт и с'эчас ф покойн'ицкой // йэсл'и п / йа подумала /
йа бы йэй р'эзанула / а т'иб'э покупат' н'э надо / ты у покойн'ика можэш
сн'ат' // ну хорошо / што н'э дошло до м'ин'а / так што йа н'э нагруб'ила
//

а думайу / с'эчас вот йэм'и говор'у / на сл'эдувшись гот ф'с'э / кто
в'эт' м'эдал' эту дайт / дайт это // ну назов'и ты эту бумагу-то //
г'иорг'ийэфская л'энтакка //

ну вот / йа говор'у / йа ф'с'э пр'ин'есу / пр'ив'эзу и покажу / што у
м'ин'а скол'ко м'эдал'эй // а йа как-то рас и говор'у / а зачэм он'и эт'и
м'эдал'и // а ол'га / дочка / пуст' внук'и посмотр'ат // да што внук'и н'э
в'идал'и // ну а што йа в жыз'н'и н'э забуду / мн'э этот войэнный-то

пр'ин'ос м'эдал'-то / вручил // йа и гр'у / спас'ибо // а он говор'йт / н'э нам спас'ибо / а вам спас'ибо // потому что йа в'эт'эрэн войэнново труда / в'эт'эрэн / что мы ужэ стол'ко отработал'и // вот // а йа и говор'у / йа ф'к'ир'иллов'э работала ф'т'ипограф'ийи // йа оттуда спрафку вз'ала / у м'ин'а и та / была зап'исана / так что йа п'иис'ат шэст' л'эт / ил'и бол'шэ отработала //

так что мы жыв'ом нормал'но // нам / как йа от комб'ината работала ф'с'у жыз'н' / дак нам // вот с'эчас разговар'ивала с этой / ну вот нашэй / и говор'у // дак йа говор'у / н'э знай скол'ко / она говор'йт // ф'этот гот / гр'ит / полторы тыс'ачи // ну вот йа вот каждый гот пойд'эм там / ну у нас-то вот это самый главный это / в этом / в этом / ну там к'инот'атр был / ид'ом / трудовую кн'ишку / ф'с'э докум'энты б'эр'ом // там зап'исывайт / и каждый гот нам дайт д'эн'г'и // раншэ мы ход'ил'и получат' ф'с'э ракассу / а с'эгот сказал / п'эр'ев'эдут на кн'ишку // дак вот она и сказала / что с'эгот полторы тыс'ачи // каждый гот дайт / так что нас ишшо / н'эт н'эт да подк'идывайт // а т'эп'эр' сийду / оп'ат' узнайу / гд'э давал'и на д'эв'атойэ майя / на д'эв'атойэ майя скол'кото дадут / так что нас ишшо / стар'икоф' / н'э забывайт / жыв'йт'э да радуйт'эс' / вот вам //

но нас выручайт комб'инат // йа вот з'д'эс' л'эжала в бол'н'ицэ / у м'ин'а вот бол'эл бок / д'элал'и оп'эрацийу // правда / отношэн'ийэ очэн' было хорошэй / но п'итан'ийэ прот'иф' нашэво // а у нас комб'инат / правда / п'итан'ийэ / корм'ат / ко мн'э / этот / ход'ат сос'эд'и // йа говор'у // а у нас вн'изу у м'ин'а жыв'от такайа скупайа / ф'с'о с'иб'а мор'ила // йа говор'у / з'д'эс' корм'ат / н'э каждый дома так п'итайэцца // прав'ил'но / что корм'ил'и искл'учит'эл'но // вот // и у нас ишшо / мало тово / у нас вот т'эп'эр' мы п'эн'с'ион'эры н'эрабочийэ / ф' каждый гот могу од'ин рас вз'ат' ход'йт' на об'эды // вот д'эс'ат' / д'эс'ат' / это зафрак / каша / потом чай / кусок батона с маслом / а в два тр'иццат' / об'эт // в об'эт об'азат'эл'но салат'ик // а мн'э сос'эд'и и говор'ат' / ой / там справл'айт пом'инк'и / да вот остан'эцца / фск'ип'ат'ат' / да и корм'ат // йа говор'у / н'э вр'и / рад'и бога / н'э вр'и // йа в'эт' н'э дура / в'ижу / что дайт-то // ф'с'о зготовл'ено тол'ко св'эжэй // йа говор'у / вот салат'ик // потом дайт суп / но ф' суп'э м'аса н'эт // м'асо ид'от на фторойэ / ил'и там котл'эты / ил'и чэво / ил'и там окорочэк // и фторойэ / эт'и / б'эф'-строганоф там с чэм-то // корм'ат искл'учит'эл'но // потом ишшо бл'ины ил'и олад'ии // а то тут что / йа говор'у // йа ишшо стойу это / бл'иноф н'э дождалас'а // а бл'ины-то // да уш н'экуда врод'э и ложыт' // но заставл'айт это домой заб'ират' / так что там б'эр'и и заб'ирай домой // вот каждый гот можэш од'ин рас сход'йт' на об'эды // б'эсплатно]

Как выделяют социального работника

— Вот у вас это есть и у нас. Вот могу я человека, ко мне дадут человека, что ко мне он будет ходить, в магазин ходить и всё. Дочка уже не один год хотела. Мне не надо человека, понимаешь? Я на это очень худая. Ну чё, я уже привыкла так, дак зачем? А я говорю, я если заболела, я беру булку — белого булку, чёрного. Я говорю, могу неделю лежать, хлеба хватит. А как встану, дак я сама сброшусь. Чего надо, того и беру, вот так.

[вот у вас это йэс' и у нас // вот могу я чэлов'эка / ко мн'э дадут чэлов'эка / что ко мн'э он буд'эт ход'йт' / в магаз'ин ход'йт' и ф'с'о // дочка ужэ н'э од'ин хот'эла // мн'э н'э надо чэлов'эка / пон'имайэш // я на это очэн' худайя // ну чо / я ужэ пр'ивыкла так / дак зачэм // а я говор'у / яй эсл'и забол'эла / яя б'эрю булку / б'элово булку / чёрново // яя говор'у / могу н'эд'эл'у л'эжат' / хл'эба хват'ит // а как фстану / дак яя сама зброжу // чэвоб' надо / тово и б'эрю / вот так]

Как боролась с пьянством дочери

— А дедко пил. И дочь вот. Так вот сейчас не знаю, раза три или четыре звонила, вроде трезвая. Но не знаю; сейчас подожди-ка, покажу. Ой, беда, нелад; бабка тебя заговорит. Вот — купила от водки. От водки. Пятьсот рублей. Вот, послала такую штуку ему, внуку, что давай. Вот там порошочек, вот это вот гриб вот такой, и вот там такая маленькая ложечка, и надо или в суп или там в питьё по этой ложечке давать.

— Незаметно?

— А?

— Незаметно?

— Да, надо чтоб не знала. Вот я ему послала. Тут было у меня куплено, я тебе много наговорю) куплена такая, ну как мне понравилась чёрная, эта, ну как тебе сказать, ну такая как футбольочка, но она вроде шерстяная, чёрная. Вторая накидочка, и тут такие красивые вышит или как-то сделан, и третья. А мне-то куда ходить, думаю, куда мне? А она-то терапевт, в больнице. Я ёй и послала, написала в письме, это, то есть, бандеролью: «Марта, тебе будет очень хорошо на работу ходить». Ну уже такая штукка, я думаю, что понравится, но только чёрная. «А это драгоценной доченьке». Ну и написала, как надо. Он говорит: «Это пустое дело». А дядечка, у которого покупала, он и говорит: «Даже пить не будет, изредка надо давать». Ну вот это вот ни и здесь — на навозе растёт этот гриб. Вот его надо высушить, в муку растереть и вот такую капелечку и давать в суп. Ну дак вот я покупала три штуки: одну послала, одну вот привезла, а одну вы-

просила соседка. Ну вот как не знаю, откупит она мне или нет. А я ей сказала: «Если приедешь, я тебе отравлю».

Слушай, так мне уж надоело. Она у меня столько пропила денег: ой! Тысячами вытаскивает. Я как усну, и пьёт, и пьёт. Я уже с грехом её отправила. Отправила я её туда с грехом. Не знаю, как они там боятся.

А подружки у неё очень хорошие, очень. Особенно одна, приедут, говорят, говорят: «Ты детей-то позоришь», что дети-то такие грамотные. Ну что делать, человек уже привыкла пить. Ну что делать вот так? Вот так жизнь всё бы хорошо.

И она что: у меня книжка. Здесь было прошлый год. Пошла — тридцать тысяч ей дали. А потом у меня в Мончегорске книжка, и я сто тысяч положила как на похороны на книжку, отдельно, а завещание на неё. И она что решила? А до меня не доходит! Она решила (соседка сказала): «Я пошлю — своего мужа — солнышку деньги, она мне сказала. А я думаю: «Она какие деньги пошлет?» А потом оказывается, она уже сходила с этой книжкой, а ей в Мончегорске не дали. Но тут я дошла, она и говорит: «Если ты померешь, придётся денег мне занимать у подружек: что не дадут деньги. Тут до меня дошло: тогда я эту книжечку подобрала. И вот я сегодня перед отъездом сходила и переписала на сына на ёёного. Думаю: «Вот тебе ничего, ничего ты от меня не получишь, раз такое дело». Вот так вот. Так что детей выучишь...

А другой раз бывает так, что вроде как скуповатая, бывает, что оговариваем. А оказывается, видишь, много-то нельзя давать, а они... Я же с этим, со старшим нянчилась, когда она училась в Ленинграде. Там так они пьют — ужас! Она мне и говорит, что в праздник на колидор не выходи, утром если встанешь в колидоре — десять—девадцать сантиметров всё стёклом набито. А я и говорю: «Родители высыпают, что на житьё, а они пьют». Вот так что. Вот не дай Бог. Вот жизнь прожить — не поле перейти. А всё равно, вот видишь, а помирать — смерти нет.

[а д'этко п'ил // и доч вот // так вот с'эчас н'э знайу / раза тр'и ил'и / чэтыр'э звон'ила / врёд'э тр'эзвайя // но н'э знайу // с'эчас подожд'и-ка / покажу // ой / б'эда / н'элад / бапка т'эб'а заговор'ит // вот / куп'ила от вотк'и // от вотк'и // п'ат'сót рубл'эй // вот / послала таку́йу штуку йэму / внуку / што давай // вот там порошочэк / вот это вот гр'ип вот такой / и вот там такайа мал'эн'кайа ложечка / и надо ил'и ф суп ил'и там ф п'ит'йо по этой ложеч'э дават' //

н'изам'этна //

а //

н'изам'этна //

да / надо штоп н'э знала // вот яа йэму послала // тут было у м'ин'я купл'эно / яа т'иб'э много наговор'у // купл'эна такайа / ну как мн'э по-

нрав'илас'а чёрнайа / эта / ну как т'иб'э сказал' / ну такайа как фут-
болочка / но она врод'э шэрст'анайа / чёрнайа // фторайа нак'идочка / и
тут так'ийз крас'ивыйз вышыт ил'и как-то з'д'элан / и тр'эт'яа // а м'н'э
то куда ход'ит' / думайу / куда мн'э // а она-то т'эррап'эфт / в бол'н'ичэ //
йа йой и послала / нап'исала ф п'ис'м'э / это / то йэст' / банд'эрол'йу /
марта / т'иб'э буд'эт очэн' хорошо на работу ход'ит' // ну ужэ такайа
штука / йа думайу / што понрав'ицца / но тол'ко чёрнайа // а это драго-
чэнной дочэн'к'э // ну и нап'исала / как надо // он говор'ит / это пустойз
д'эло // а д'ад'эчка / у которово покупала / он и говор'ит / дажэ п'ит' н'э
буд'эт / изр'эдка надо дават' // ну вот это вот н'и и зд'эс' / на навоз'э
раст'от этот гр'ип // вот йэво надо высуш'ит' / в муку раст'эр'эт' и вот
такуу кап'эл'эчку и дават' ф суп // ну дак вот йа покупала тр'и штуки /
одну послала / одну вот пр'ив'эзла / а одну выпрос'ила сос'этка // ну вот
дак н'э знайу / откуп'ит она мн'э ил'и н'эт // а йа йэй сказала / йэсл'и
пр'ийэд'эш / йа т'иб'э отравл'у //

слушай / так мн'э уш надойэло // она у м'ин'а стол'ко проп'ила
д'эн'эг / ой // тыс'ачам'и вытаск'ивайэт // йа как усну / и п'йот / и п'йот //
йа ужэ з гр'эхом йийо отправ'ила // отправ'ила йа йийо туда з гр'эхом //
н'э знайу / как он'и там б'йуцца //

а подруж'и у н'эй очэн' хорошийэ / очэн' // особ'энно однá /
пр'ийэдут / говор'ат / говор'ат / ты д'эт'эй-то позор'иш / што д'эт'и-то
так'ийэ грамотныйэ // ну што д'элат' / чэлов'эк ужэ пр'ивыкла п'ит' // ну
што д'элат' вот так // вот так жизн' бы ф'с'о бы хорошо //

и она што / у м'ин'а кн'ижка // зд'эс' было прошлый гот // пошлá /
тр'иццат' тыс'ач йэй дал'и // а потом у м'ин'а в мончэгорск'э кн'ижка / и
йа сто тыс'ач положыла как на похороны на кн'ижку / од'д'эл'но / а
зав'еш'ан'ийэ на н'э'о // и она што р'эшыла // а до м'ин'а н'э доход'ит //
она р'эшыла // сос'этка сказала // / йа пошл'у / свойэво мужа / солнышку
д'эн'г'и / она мн'э сказала // а йа думайу / она как'ийэ д'эн'г'и пошл'от //
а потом оказывайэцца / она ужэ сход'ила с этой кн'ишкой / а йэй в мончэ-
горск'э н'э дал'и // но тут йа дошлá / она и говор'ит / йэсл'и ты помр'эш /
пр'ид'оцца д'эн'эк мн'э зан'имат' у подружэк / што н'э дадут д'эн'г'и //
тут до м'ин'а дошлó / тогда йа эту кн'ижечку подобрала // и вот йа с'эгот
п'эр'эд отийэздом сход'ила и п'эр'эп'исала на сына на йийонново //
думайу / вот т'иб'э н'ичэво / н'ичэво ты от м'ин'а н'э полуучиш / рас та-
койэ д'эло // вот так вот // так што д'эт'эй выучиш //

а другой рас бывайэт так / што врод'э как скуповатайа / бывайэт / што
оговар'ивайэм // а оказывайэцца / в'ид'иш / много-то н'эл'з'а дават' / а
он'и // йа же с эт'им / со старшим н'анчилас' / когда она училас'а в
л'эн'инград'э // там так он'и п'йут / ужас // она мн'э и говор'ит / што ф
праз'н'ик на кол'идор н'э выход'и / утром йэсл'и фстан'эш ф кол'идор'э /
д'эс'ат' дваццат' сант'им'этроф ф'с'о ст'оклом наб'ито // а йа и говор'у /

род'йт'эл'и высылайут / што на жыт'йо / а он'и п'йут // вот так што // вот н'э дай бох // вот жызн' прожыт' / н'э пол'э п'эр'эйт'и // а ф'с'о равнó / вот в'ид'иш / а пом'ират' / см'эрт'и н'эт]

Как лечились и как заботились о детях

– Ну как лечили, не знаю в деревне. В деревне не очень-то, знаешь. И помрет – вот и слава Богу. Семьи всегда большие. Вот и нас фактически восьмеро, я так считаю: вот Шурка старшая, Колька, Володька, я, второй Володька, Валька, Витька, ещё Оля была. А ещё бы отец не помер, она бы ещё нарожала. Вот так раньше было. Так они рады были, который и помрет, дак и слава Богу. Не больно и... Это теперь уже вот. Так что не очень беспокоились.

– Ну *какие-то* были!

– А у всех детей было много.

– Ну *что-то* да лечили? *Как-то* ведь, *какие-нибудь*!

– Ну маленько-то лечили чем-то. Ну а чего: простили – дак на печку, затолкают – сиди на печке, грейся. Так что, так что не беспокоились раньше. И дети были крепче. Видишь, опять же теперь все считают: раньше всё равно деревенский человек, он же более крепче, потому что ничего такого, теперь этой химии-то не едят, а мы-то дак там какое там! Так что, бог его знает. Ну раньше крепче дети были, вот.

В бане намоют, напарят, и ходили, как говорится, и босые и всё, и не тетюнькались. Я в жизни не забуду. Как-то мама... Был двоюродный брат отца, а он и говорит: «Посади ребенка на печку». А тот подтолкнул что-то. Ну вот, дак он подошёл да маме ударил, что она попросила. Вот так раньше было. Раньше не тетюнькались, это теперь уже стали, что.

А теперь, видишь, не знаю, как у вас, а у нас, у нас сосед, в соседнем доме, женился, двое детей, родила одного, потом второго. И он купил машину и квартиру на эти деньги. Вот такие деньги теперь. Теперь можно выходить замуж и рожать. Теперь деньги плотят – дай боже. А не знаю, у вас как, а у нас вот так.

А раньше, а раньше маленькому ещё, господи, наажают вон хлеба, да-дут в рот – и жуй. Матка где-то на работе дак. Раньше-то дети жили. А игрушек не было. Отец работал там, вот дак вот какие-то щепки – да игрушки. А что это ничего не было. А теперь вон всяких игрушек, всего.

Рог, рог был, рог. Не было, дак это титькой, дак это рог это помню, ну дак от коровы рожок, рог. И этот рог ну дак и псили. Да.

Вот это было, ну это вот в том доме, дак там это было кольцо, зыбка привешена, и вот и качаешь, качаешь. А у меня против дедко жил: «Не хочешь нянчиться, дак ты возьми ушипни, ребёнок заплачет». Эх, как, милая, как щипнёшь, как он заревит, тут уже некогда, мамке придется брать.

Вот дедко учил. А потом: «Не хочешь нянчиться, так ты закреши ему рот да и убеги». Дак по одному лету каждый день меня били. Только прибегут с работы – в озеро, ну и я – в озеро. А придут, а он в это время заревит, вот так вот. Дак старая это мужик и вот так учил, научил дак. Так люди-то разные дак.

[ну как л'эчил'и / н'э знайу в д'эр'эн'э // в д'эр'эн'э н'э очэн'то / знайэш // и помр'эт / вот и слава богоу // с'эм'и ф'с'эгда бол'шыйэ // вот и нас факт'ичэск'и в ос'м'эро / яа так считайу / вот шурка старшайа / колька / волот'ка / яа / фторой волот'ка / вал'ка / в'йт'ка / ишшо ол'а была // а ишшо бы от'эц н'э пом'эр / она бы ишшо нарожала // вот так раншэ было // дак он'и рады был'и / который и помр'от / дак и слава богоу // н'э бол'но и // это т'эп'эр' ужэ вот // так что н'э очэн' б'эспоко'ил'ис' //

ну как'ийэ-та был'и //

а у ф'с'эх д'эт'эй было много //

ну што-та да л'ичил'и // как-та в'эт' / как'ийэ-н'ибут' //

ну мал'эн'ко-то л'эчил'и чэм-то // ну а чэво / прстыл / дак на п'эчку / затолкайут / с'ид'и на п'эчк'э / гр'эйс'а // так что / так что н'э б'эспоко'ил'ис'а раншэ // и д'эт'и был'и кр'эпчэ // в'ид'иш / оп'ат' же т'эп'эр' ф'с'э считайут / раншэ ф'с'о равно д'эр'энск'ий чэлов'эк / он же бол'з'э кр'эпчэ / потому что н'ичэво таково / т'эп'эр' этой х'им'ийн-то н'э йэд'ат / а мы-то дак там какойэ там // так что / бох йэво знаэт // ну раншэ кр'эпчэ д'эт'и был'и / вот //

в бан'э намойут / напар'ат и ход'ил'и / как говор'ицца / и босыйэ и ф'с'о / и н'э т'эт'ун'кал'ис' // яа в жызни и н'э забуду // как-то мама // был двойуродный брат оцца / а он и говор'йт / посад'и р'эб'онка на п'эчку // а тот поттолкнул што-то // ну вот / дак он подош'ол да мам'э удар'ил / што она попрос'ила // вот так раншэ было // раншэ н'э т'эт'ун'кал'ис'а / это т'эп'эр' ужэ стал'и / што //

а т'эп'эр' / в'ид'иш / н'э знайу / как у вас / а у нас / у нас сос'эт / ф'сос'эд'н'эм дом'э / жэн'илс'а / двойэ д'эт'эй / род'ила одново / потом фторово // и он куп'ил машыну и кварт'иru на эт'и д'эн'г'и // вот так'ийэ д'эн'г'и т'эп'эр' // т'эп'эр' можно выход'ит' замуш и рожат' // т'эп'эр' д'эн'г'и плот'ат / дай божэ // а н'э знайу / у вас как / а у нас вот так //

а раншэ / а раншэ мал'эн'кому ишшо / господ'и / нахуут вон хл'эба / дадут в рот / и жуй // матка гд'э-то на работ'э дак // раншэ-то д'эт'и жыл'и // а игрушэк н'э было // от'эц работал там / вот дак вот как'ийэ-то ш'эпк'и / да игрушк'и // а што это н'ичэво н'э было // а т'эп'эр' вон ф'с'ак'их игрушэк / ф'с'эво //

рёк / рок был / рок // н'э было / дак это т'йт'кой / дак это рок это помн'у / ну дак от коровы рожок / рок // и этот рок ну дак и по'ил'и // да //

вот это было / ну это вот ф том дом'э / дак там это было кол'цо / зыпка пр'ив'эшэна / и вот и качайэш / качайэш // а у м'ин'а прот'иф д'этко жыл / н'э хочэш н'анчицца / дак ты воз'м'и уш'ипн'и / р'эб'онок заплачэт // эх / как / м'илайа / как ш'ипн'ош / как он зар'ев'йт / тут ужэ н'экогда / мамк'э пр'ид'оцца брат' // вот д'этко учил // а потом / н'э хочэш н'анчицца / так ты закр'ест'и йэмум рот да и уб'ег'и // дак по одному л'эту каждый д'эн' м'ин'а б'ил'и // тол'ко пр'иб'эгут с работы / в оз'эро / ну и яа / в оз'эро // а пр'идут / а он в это вр'эм'а зар'ев'йт / вот так вот // дак старыя это мужык и вот так учил / научил дак // так л'уд'и-то разныи дак]

Как развлекались

— Я, например, танцы никаких не танцевала. Кадрель. У нас кадрель была, кадрель. Там сколько пар встаёт, что и вот там, там один командует. У нас кадрель здесь, а что дедко там из-за Гориц, у них ленца плясили, а у нас кадрель, а у них ленца.

— А чем отличаются?

— Ну у них совсем уже другая пляска, но тоже там командует. А после как эту там прокомандует, там проиграет, тут уже девки пляшут по паре, по двое ходят. А потом уже кужляют, этот ну скужляют нас, скужляют уже, когда этот тут потом. Там этот парень выходит, пляшет, а девка выходит — тебя, когда с песнями, парень песни поёт, вот и все эти, а так... Ну раньше было, я думаю, чё-то веселей, лучше, чем сейчас. На гулянки ходили, было весело. Придешь с работы, устанешь, господи. И думаешь: «Не пойду сегодня». — «Попшли!» — кричат. Эх, созывся и побежал. Раньше этот чё-то веселей, а теперь не знаю.

Ну у нас, вот у меня дом это, этот, у меня с часовенки. У нас была часовенка такая. Ну как тебе сказать, ну раньше в церкви были. Это от церкви это была часовенка. Потом она это была там это как склад, как кладовая. Зерно там хранили. И вот на этой часовенке каждый день до трёх ночи — а у нас деревня была сорок пять домов — и каждый день до трёх ночи пляска, гулянка, гармошка своя. Народу много, была гулянка, так что.

Ну раньше ведь гуляли, беседы делали. Вот тут девки, вот примерно у вас в деревне пусть хоть троё, значит, эту беседу ты делаешь, потом вторая, потом третья там. То этот в деревнях, там пишут записку: «плахинская молодёжь...», то есть «борбушинская молодёжь, приглашает вас на беседу плахинская молодёжь вот в такой-то день». И вот все и приходили, и кадрель и плясали.

В общем, ребята встают, берут девок, и там уже один командует, а остальные... ну не знаю, раньше было как-то... А теперь видишь, всё за

деньги, всё везде. Не все-то богаты, кто-то может, а у кого-то и бедно есть, так что да.

[а / напр'им'эр / танцы н'икак'их н'э танцэвала // кадр'эл' // у нас кадр'эл' была / кадр'эл' // там скол'ко пар фстайт / што и вот там / там од'ин командаут // у нас кадр'эл' з'д'ес' / а што д'этко там из-за гор'иц / у н'их л'энца пл'ас'ал'и / а у нас кадр'эл' / а у н'их л'энца //

а чэм отл'ичайуца //

ну у н'их соф'с'эм ужэ другайа пл'аска / но тожэ там командаут // а посл'э как эту там прокомандаут / там про'играйт / тут ужэ д'эфк'и пл'ашут по пар'э / по двойэ ход'ат // а потом ужэ кужл'айут / этот ну скужл'айут нас / скужл'айут ужэ / когда этот тут потом // там этот пар'эн' выход'ит / пл'ашет / а д'эфка выход'ит / т'иб'а / когда с п'ес'н'ам'и / пар'эн' п'есн'и пойот / вот и ф'с'э эт'и / а так // ну раншэ было / яа думайу / чо-то в'ес'эл'эй / лутшэ / чэм с'ечас // на гул'анк'и ход'ил'и / было в'ес'эло // пр'ид'ош с работы / устан'еш / хоспод'и // и думайаш / н'э пойду с'еводн'а // пошл'и / кр'ичат // эх / созыфс'а и поб'ежал // раншэ этот чо-то в'ес'эл'эй / а т'эп'эр' / н'э знайу //

ну у нас / вот у м'ин'а дом это / этот / у м'ин'а ш'ш'асов'энк'и // у нас была часов'энка такайа // ну как т'иб'э скажат' / ну раншэ ф'церк'и был'и // это от церкви это была часов'энка // потом она это была там это как склат / как кл'адовайа // з'эрно там хран'ил'и // и вот на этой часов'энк'э каждый д'эн' до тр'ох ночи / а у нас д'эр'евн'а была сорок п'ят' домоф / и каждый д'эн' до тр'ох ночи пл'аска / гул'анка / гармошка свойя // народу много / была гул'анка / так што //

ну раншэ в'эт' гул'ал'и / б'ес'эды д'элал'и // вот тут д'эфк'и / вот пр'им'эрно у вас в д'эр'евн'э пуст' хот' тройо / значит / эту б'ес'эду ты д'элайаш / потом фторайа / потом тр'эт'я там // то этот в д'эр'евн'ах / там п'ишут зап'иску / плах'инская молод'ош// то йес' борбушынская молод'ош / пр'иглашайт вас на б'ес'эду плах'инская молод'ош / вот ф'такой-то д'эн' // и вот ф'с'э и пр'иход'ил'и / и кадр'эл' и пл'асал'и //

в опшэм / р'эб'ата фстайт / б'эрт д'эвок / и там ужэ од'ин командаут / а остал'ныи // ну н'э знайу / раншэ было как-то // а т'эп'эр' в'ид'иш / ф'с'о за д'эн'г'и / ф'с'о в'эз'д'э // н'э ф'с'э-то богаты / кто-то можэт / а у ково-то и б'едно йес' / так што да]

ПРИМЕЧАНИЯ

Взамуж – замуж [СВГ, 1: 68].

Дознать (прост. или устар.) – узнавать наверное, разузнавать [БАС, 3: 898]

Знать – уметь колдовать, ворожить, быть знахарем, колдуном [СРНГ 11: 311].

Знаток – знахарь, колдун [СРНГ 11: 311]

Кужлять – возможно, кружить, ср.: *кужля́вый* «кудрявый, раскидистый, вьющийся, др.» [СВГ, 4: 13].

Лесовой – одичавший в лесу; нелюдимый [СВГ, 4: 37].

Настойце – должным образом, как нужно, по-настоящему [СВГ, 5: 75].

Обрывать – окучивать (картофель) [СРНГ, 22: 218]

Откупить – купить с целью отдать долг, ср.: *откупить* «взять в наём» [СВГ, 6: 92].

Сегóд – в этом году [СВГ, 9: 114].

Съéхать – приехать [СВГ, 10: 175].

Тетёнькаться – возиться, заниматься; ср. *тетёнькаться* ‘ухаживать, присматривать за детьми, нянчиться’ [СВГ, 11: 21].

§ 4. НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ШАБРОВ

Николай Павлович Шабров – самый «юный» из наших информантов. Он родился в деревне Борбушино Кирилловского района 11 апреля 1938 года, после десятилетки закончил Сасовское летное училище в Рязанской области и более двадцати лет провёл в российском небе: летал командиром корабля в Вологодском авиаотряде, был пилотом-инструктором, обучал лётному мастерству многих молодых пилотов. После выхода на пенсию Николай Павлович много времени и сил отдал родной деревне: отремонтировал родительский дом, привел в порядок земельный участок, развел пасеку, посадил на краю деревни небольшую сосновую рощу. Он всегда рад гостям, особенно студентам-диалектологам, с которыми охотно беседует об истории родной деревни, о крестьянском труде, о событиях в жизни своей семьи и о нюансах своей профессии.

Мы надеемся, что ещё долгие годы гостеприимный дом Николая Павловича будет открыт для нас, а хозяин раскроет перед нами ещё не известные страницы истории родной земли. По просьбе родных и друзей накануне одного из своих юбилеев Николай Павлович взялся за перо. Здесь мы публикуем семь небольших его рассказов, посвященных истории родной семьи и родной деревни.

1. Дмитрий Петрович Татауров

Мой прадед по матери, Татауров Пётр Михайлович, умер в возрасте 92 лет приблизительно в 1947 году. У него было три сына. Как жили Николай и Алексей, нетрудно узнать из архивных данных, а вот о сыне Дмитрии были самые загадочные сведения. Он очень редко бывал у отца в деревне, по словам родственников, не был женат и служил у какого-то

князя камердинером. Известно, что он приезжал на крестины моей матери (примерно, в 1911–1912 гг.), подарил ей золотой крестик, который она не сохранила. Последний раз его видели в родной деревне накануне отъезда князя за границу: Дмитрий приезжал поздно ночью и очень быстро уехал, чтобы никто его приезд не видел. Потом было письмо. Его кто-то привёз так же поздно ночью, никто даже не видел лица. В письме было написано, что Дмитрий живёт во Франции, занимается сельским хозяйством. Естественно, письмо тут же уничтожили, Пётр Михайлович и его сыновья, Николай и Алексей, хранили тайну о том, что у них есть сын и брат за границей. Достаточно было знать, что он жив.

Через много лет мы нашли в Интернете списки русских эмигрантов, которые нашли приют во Франции. Среди них был Татауров, того же времени и места рождения (1882 год, д. Дымково Новгородской губернии), что и наш родственник. Он служил камердинером у великого князя Николая Николаевича (младшего), эмигрировал с ним в Константинополь, жил в Италии, во Франции, в Приморских Альпах. Место и время кончины его неизвестно. Тот ли это человек, не знаю: в семье от Дмитрия Петровича осталась только его юношеская фотография начала XX века.

Дед умер ещё до моего рождения: его нашли мёртвым у дороги в снегу, когда лошадь пришла в деревню с пустыми розвальнями. Это был примерно 1931 год. Мать старалась не говорить о смерти отца. Прадед был крепкий крестьянин. В колхоз не вступал, облагался всякими налогами, подвергался всяческим унижениям. В начале 30-х годов его раскулачили и собирались выслать в Кировск вместе с моей бабушкой и её малолетними детьми, Валентиной и Дмитрием, на руках. Пожалел их семью капитан корабля в Горицах. Сказал: «Дед, поезжай обратно в деревню со своими бабами и ребятишками».

Прадеда в живых я уже не застал, а бабушку Анну Александровну ещё видел. Она называла меня «красное солнышко». С того времени, как пришли они из Гориц и увидели раззор и ненависть, случился с ней паралич ног. Жили они на то, что прадед был столяр, мастерил чунки и корзины, а тётка Валентина Алексеевна ходила их в Кириллов продавать. Собирали ягоды и грибы, в палисаднике обрабатывали небольшой клочок земли. Так и жили на том, что сплетёт и наработает прадед да вырастят бабы на клочке земли. Надо было жить!

2. О бабушке Параксовые Наумовне

Параксовья Наумовна Шаброва (Маслова) родилась около 1880 года в деревне Емишово Ферапонтовской волости. Родители её умерли рано: отец от потери крови после неудачного удаления зуба, мать – по неизвестным мне причинам. Старшая сестра Александра ушла в няньки, а за-

тем и Параксова была взята куда-то в работницы. Как она познакомилась с Прокопием – этого я не знаю. Около 1900 года началась их самостоятельная жизнь. Прокопий служил срочную службу в Преображенском полку, а Параксова одна поднимала семерых детей (двоих из них, кажется, оба Ивана, умерли во младенчестве). Чтобы прокормиться, Параксова корчевала пни. На Новочистках (это между Борбушином и Зыбошным) была полоска, где засевалась рожь. Прокопий в это время служил на брандвахте старшим матросом.

Прожила Параксова Наумовна долгую жизнь. Не брезговала никакой работой. Уже под старость ей была назначена колхозная пенсия – целых три рубля!

Мы, дети, в основном были на бабушкином попечении. Держала она нас в строгости. Над дверями была приложена вица, и если кто-то из малышей шалил, то тут же слышал суворое бабушкино предупреждение. При всей своей суворости бабушка была доброй. Она знала великое множество сказок. Я запомнил одну, про Верлиоку.

«На Новочистках, в Маленьком выгону, назрело много земляники. А землянику все любят: и дети, и взрослые, и собаки, и скотина, и Верлиока. Кто такой Верлиока? Да это хозяин леса, вроде медведя, а похож на человека, только большой, ростом с большую ёлку. У него две ноги, две руки, большая голова и огромный живот. На голове уши, рот, нос и один глаз посередине лба. А ест он всё, что найдёт в лесу. И дом у него есть в глухом месте, только этого дома никто не видал. Может, кто и видел, да только этих людей потом не находили. Видно их съедал Верлиока. Но мне моя бабушка рассказывала, что дом Верлиоки она всё же видела и сумела спастись. А дело было так.

Значит, на Новочистках назрело много земляники. И собрались ребяташки её собирать. Взяли корзиночки, каждый взял палочку, чтобы проверять, нет ли у земляники змей, и отправились. А моя бабушка, она тоже была маленькой девочкой, тоже пошла вместе с братом. Пришли в глухое место, увидели много ягод и разбрелись все в разные стороны. Потом стали собираться, а бабушки моей нет. Поискали – не нашли, и пошли в деревню за помощью. А брат остался. Посмотрел вокруг себя, видит: лежит её палочка. «Палочка-палочка, – спрашивает, – а где Анютка?» А палочка и говорит: «Собирали мы ягоды, да вдруг появился лесной хозяин с огромным пестерём, схватил Анютку за курточку, посадил в пестерь, а сам говорит: «Вот теперь у меня еда на ужин есть». Девочка испугалась, меня – палочку – выронила. Вот упала я на землю и лежу. Хочу с тобой идти искать мою хозяйку».

Поднял мальчик палочку и пошёл по следам лесного хозяина. Идёт и видит: лежит сестрин поясок на дороге. Это, верно, сестрица бросила, чтобы её искать сподручнее. Взял он поясок, пошёл дальше по следам

Верлиоки. Видит: на земле в грязи лежит жёлудь. «Что ж ты тут валяешься, жёлудь?» – спрашивает братец. «Верлиока меня сорвал с ветки недозревшим, вот теперь я не стану деревцем, а просто помру». Взял мальчик жёлудь, обтёр, положил в карман и пошёл дальше сестрицу искать.

Долго ли, коротко ли, пришёл он к дому Верлиоки. Видит: дверь не заперта, девочка в пестрере у двери стоит, печь топится. А Верлиоки нигде нет: за водой ушёл. Хотел было брат сестру с собой увести – вдруг зашумел лес: Верлиока идёт. Спрятался братец под крыльцо, палочка за пестрерь, поясок под порог, а жёлудь спрятался в кашу, что стояла у окна на столе.

Зашёл в дом Верлиока, посмотрел в пестрерь – там ли девочка, прошёл в горницу, сел к столу и только захотел каши зажерпнуть, как оттуда тоненький голосок раздаётся:

- Пик-пик-пик, пришли Верлиоку бить!*
- Замолчи, каша, – говорит Верлиока, – вылью за окошко!*
- А из каши опять голос:*
- Пик-пик-пик, пришли Верлиоку бить!*

Рассердился Верлиока, выплеснул кашу, а жёлудь выскочил да прямо ему в лоб попал, да скатился со лба и уколол Верлиоку прямо в глаз. Заревел Верлиока, слеза у него пошла. Побежал глаз промыть к ведру, да споткнулся о поясок, что лежал у порога, а палочка как стукнет его по носу! Упал Верлиока, опрокинул пестрерь, в котором сидела девочка. Выскочила Анютка, братик её схватил, помчались они прочь от этого страшного Верлиоки. Хотел было тот за ними погнаться, да не тут-то было: жёлудь крепко засел у него в глазу.

А поясок и палочку дети не забыли, в деревню принесли и всем показывали, говорили, как те их выручили. Поясок и палочка очень гордились и долго с детьми жили. Пока не состарились».

3. О самолётах

На фронт осенью 1941 года отец улетал с Кирилловского аэродрома на самолёте ПО-2. Об этом рассказывала мать. И мне всё время хотелось посмотреть на такой самолёт. И вот когда я учился в Кирилловской средней школе, то не раз видел приземляющиеся и взлетающие ПО-2. Стоял часами на пригорке в километре от аэродрома, пытаясь приблизиться к этим самолётам. Начальником аэродрома был в ту пору Павел Михайлович Николин. Он однажды, когда вёл авиакружок, привёл нас на лётное поле, но чтобы постоять рядом с ПО-2 – такого не бывало до начала учёбы в Сасове.

Не знаю, какие чувства испытывал отец, улетая на фронт, какие мечты у него были в голове, но, может быть, желал он, чтобы сын научился управлять самолётом? А мне вдруг захотелось этого. Вот почему пошёл в авиакружок, вот почему часами глазел на приземляющиеся и взлетающие самолёты. И в Сасово пошёл, чтобы летать самому, а не быть лётчиком-наблюдателем, как учили в Красноборске. Это был тоже совет Павла Михайловича: он-то знал, на кого где учат!

В училище моё первое знакомство с ПО-2 было в карауле. Поставил разводящий меня на стоянке самолётов, указал маршрут, по которому я должен ходить, в случае нападения — стрелять из ружья. И вот четыре часа я охранял целых двадцать самолётов!

Учился я посредственно, хотя и очень старался: сказалось сельское происхождение. А когда перешли на наземную подготовку, тут старания мои удвоились. Если посмотреть мою лётную книжку курсанта, то можно прочесть: вылетел я с минимальным временем и грубых ошибок не допускал. Инструктор Фёдор Павлович Орехов написал тогда о моих чувствах: «Выражает неестественную радость». Ну, как тут было не выражать, если в руках — управление таким чудом, как самолёт ПО-2!

Просандеевка — так назывался полевой аэродром, где мы проходили наземную подготовку, выполняли вывозные полёты, жили в палатках по лётным группам целое лето. Если в день доставалось налетать шесть или двенадцать минут, то это была огромная радость и удовлетворение на целые сутки! Бывали дни, что не летали, а помогали разворачиваться на рулёжке и на тормозах другим курсантам. Конечно, самолёт ЯК-12М был совершенно иной. Там уже были тормоза, и пилот мог сам зарулить, куда нужно. В Просандеевке каждый из нас налетал 65 часов 24 минуты (попробуй-ка набрать такое время, если вылетаешь всего на 6–12 минут в день!).

Осенью отпускали в отпуск на две недели, давали стипендию — восемьдесят рублей, кормили три раза в день... О чём можно было ещё мечтать? Первую благодарность я получил за баню: я её натопил так, как дома в деревне, нагрел столько воды, что командир эскадрильи поставил меня всем в пример. А потом он же закатил мне пять нарядов вне очереди: курсанты умудрялись воровать у меня ракеты, а я не уследил.

Сначала при полётах я не видел всей красоты земли. Была задача выполнить все элементы полёта, вовремя делать развороты, снижаться, не потерять аэродромные знаки, не заблудиться. Всего на ПО-2 я сделал 331 полёт. А на ЯК-12 уже 118 полётов, без особых эмоций.

15 сентября 1957 года я был зачислен в состав 71-го лётного отряда, базирующегося в г. Вологде (аэродром «Прилуки»). Имею общий налёт 17088 часов, из них больше всего на АН-2 (7000) и ЯК-40 (7800). Первый класс получил в 1978 году. Работал пилотом-инструктором, заочно окон-

чил Московский авиационный институт. Ушёл на пенсию по состоянию здоровья 2 августа 1985 года.

В Вологодском авиаотряде встретил свою судьбу, женился на Галине Васильевне Морозовой. Наш сын тоже пошёл в авиацию. Каждый из его 3600 часов в воздухе был одинаково сложен и опасен.

Не найдёшь ни одной книги, где эмоции от полёта были бы переданы точно: об этом стараются не говорить – получишь не один инфаркт! Часто приходила на ум мысль: «Как дожить до земли?» Страха не было, но и спокойствия за благополучное завершение полёта тоже не было: каждая минута могла стать последней! Но работали, зарабатывали себе на жизнь и думали, что наша работа не так уж плоха. А сын Павел ещё и падал на вертолёте в лес по причине потери пространственного положения. Удар, потеря сознания – очнулся, а по нему течёт керосин, и механик тащит его из кабины вертолёта наружу. Об этом он вряд ли кому захочет рассказывать. Жив – и слава тебе, Господи!

4. О дороге в Ферапонтово

Раньше в Ферапонтово ходили и ездили через перевал, который называли *серёдка*. Тропинки проходили из двух деревень: Борбушна и Быкова – и у самого перевала соединялись в одну. Ещё в раннем детстве я запомнил ту тропинку, что шла из Борбушна: по ней в Ферапонтово уходили мать и Александра Дмитриевна за пайком (хлебом или чем-нибудь ещё). И вот, движимые голодом, мы втроём: сестра Ольга, Нина Семёнова и я – отправлялись по этой тропинке к перевалу. Мы боялись леса и поэтому доходили только до опушки, сидели там и ждали, когда возвратятся матери. А когда дождёмся, получали по маленькому куску хлеба, который тут же жадно съедали. Матери заранее специально отрезали по кусочку каждому: знали, что дети придут их встречать.

Вот такие первые воспоминания о дороге в Ферапонтово. С сентября и до декабря и с апреля до июня наша дорога шла туда, в школу. Она начиналась у Глиняного отвода (там, старухи говорили, в далёкие времена стояла наша деревня, но потом, после эпидемии, жители ушли на новое место), до самого Загорья шла лесом, в котором пасли скот. Так что лесной дороги мы не боялись – людей в ту пору ходило много.

Лес был в основном лиственный по причине грандиозного пожара, случившегося в тех местах около 1906–1907 годов: все еловые и сосновые деревья сгорели, а на их месте выросли осина, ольха, берёза, черёмуха. Это сейчас гора Роскина одевается елью, вытеснив лиственные породы (сто лет требуется, чтобы выросли те деревья, что сгорели в огне лесного пожара). Но и сейчас кое-где видны острова черёмухи, выделяющиеся белыми пятнами на нарастающих массивах ельника.

Одному же ходить по этой дороге, хоть и знакомой с детства, было жутковато, но надо. Старался ходить засветло. Если же было темно, то ходили через Оденьево: той дорогой перелесок был меньше и дорога шла большие полями и лугами. Идёшь серёдкой, весь в озобе, по сторонам оглядываешься! Но идёшь: надо домой, надо в школу! А как показался отвод у Загорья или Глинняный отвод (зavor на перевале), страх пропадает, словно и не было никогда. Становится радостно: никто не напугал, волк не съел! А уж оставшиеся километры идёшь с хорошим настроением, уже забыл, что только что дрожал от страха на лесной дороге.

Вот так прошли три года учёбы в Ферапонтове. Те чувства, что терзали детскую душу на лесной дороге, не забыть никогда! Для смелости в руках всегда была палка. И это придавало силы, уверенности, что лес преодолею. Не знаю, какие чувства терзали взрослых, которые знали о том, что дети идут сейчас лесом одни по ночной дороге.

Зимой ходили через Оденьево. Но и там, как стемнеет, было жутко. Лезли в голову мысли, что нападут волки, съедят и оставят только ноги в катаниках, так как катаники труднее всего разгрызть. Зимой ходили обычно толпой. А потом опять приходила весна, было много солнца, и по дороге уже веселее было ходить.

5. О ловле кротов

Говорят, что крот полезен. В природе не бывает вредного. Для меня же крот был добычей. Шкурка его ценилась и шла на шубы и шапки. Но прежде чем получить шкурку крота, надо его изловить.

К ловле кротов меня привлекало то обстоятельство, что за шкурку давали белую муку. Отце лежал больной (с июля по май), был уже не председатель, можно сказать, а только числился, а за его спиной бухгалтер и заместитель делали свои чёрные дела по разрушению колхоза, отпускали всех работоспособных, кто только мог куда убежать.

Я изловил около 200 кротов, везде ставил кротовки: и в полях, где их было великое множество, и в огороде, и на боровине у озёр. Мне надо было поймать крота, аккуратно разрезать шкурку по животу, вытащить тушку, выкинуть её собаке или кошкам. Дальше тушку растягивал на доске и сушил. Накопив таким образом около ста шкурок, я отправился в «Заготпушнину» г. Кириллова и на все эти шкурки получил десять килограммов белой муки.

Таким усталым и радостным я возвращался домой! Обрадовалась мать, а ещё больше отец: никогда я не слышал от него такой похвалы. Пусть этот мой маленький труд был скромен, но радость от него, может быть, на несколько дней продлила моему отцу жизнь.

С наступлением осени добычу кротов пришлось прекратить. А со смертью отца прекратился и весь мой промысел. Мне было жалко кротов. А кротовки долго висели в сарае, пока его не сломали и не уничтожили многие хранившиеся в нём старые вещи. А главное – сожгли старые бумаги. Все документы о дедушке, об отце, о прочих членах семьи были безвозвратно потеряны. А иконы мать отдала жадным чужим людям, пообещавшим отнести их в музей. Осталась только икона Божьей Матери из Семипалатной крепости. Как выглядит сейчас эта икона, видел в последнее мгновение жизни мой отец.

6. О речке Юзе

Мимо нашего дома течёт небольшой ручеёк, который весной разливается и превращается на короткое время в настоящую речку. Я называю её «речка Юза»: она юзит между холмиками, и не найти двадцати метров, чтобы речка куда-нибудь не повернула. Это теперь крохотный ручеёк, продолжение того ручья, что впадает в пруд, пересекает шоссейную дорогу по трубе и берёт своё начало под горой у дороги на Плахино.

Вот вся вода, стекающая с водораздела Горы до границы местечка Заполица, что западней Сосновины, собирается в ручей, впадает в пруд, а из пруда мимо нашего дома речкой Юзой уходит ко Ступам в болото, а по канавам в болоте попадает в озеро Круглое, затем в «узки» через бывшую когда-то мельничную плотину в Северодвинский канал и далее в Кубенское озеро. А поскольку речка течёт и текла мимо нашего дома, то это всегда было любимым местом моего детского времяпрепровождения. Это сейчас она похожа на ручеёк, а лет пятьдесят тому назад это был бурный поток, текущий по омутам. На каждом повороте реки – глубокие омута, но самый глубокий – на Ступах. Там мы с ребятишками купались всё лето, ловили щурят и карасей. Рыболовными снастями у нас были обыкновенные решёта, которыми сеяли муку. Если ребята куда-нибудь уходили без меня, то я шёл за дом на речку, чтобы бабушка видела меня из окна. Утонуть в этой речке было невозможно, так что она не беспокоила. А для меня это была великая забава. И хотя каждый раз домой я приходил мокрый, с сырьими ногами, это не каралось вицей.

Омута заросли осокой, которая раньше каждый год выкашивалась, поэтому в реке не росли камыши – это сейчас их в болотах полно! Было в осоке раздолье для уток. На перекатах росла лилия. Но теперь изменился водный режим: воды стало меньше, река превратилась в слабый ручеёк. Но и сейчас она ласкает взгляд своей какой-то новизной, журчанием воды. В знак благодарности за счастливое детство я засадил небольшой участок её берега деревьями. Скоро они окрепнут, а нынче под ёлочками выросли уже 52 ряжика. Да ещё Людмила Алексеевна Коробейникова

посадила у ёлочек грибницу в надежде, что лет через десять там появится плантация белых грибов.

А на холмике у водопуска, что звенит днём и ночью весной, летом и осенью, лежит в земле Жучка – наш верный друг, любимица детей, незабвенный сторож нашего хозяйства. Земля тебе, Жучка, пухом! Слушай голос речки, как ты радовалась нашим голосам!

7. О пчёлах

Впервые пчёлы появились у нас в деревне Большое Дымково у Алексея Петровича Татаурова. Их случайно нашёл в лесу сын его Афанасий. Увидал пчёлку на цветке, проследил за её полётом. Рой оказался в трухлявой старой осине. Пришли мужики с топорами, с пилой и лестницей: отрубили сучья, добрались до дупла и закрыли его тряпкой, сняли у ствола верхушку, привязали верёвку, отпилили дерево, отделили чурбак с рёмом от бревна и увезли его домой, в деревню.

Домика для пчёл в деревне не было. Афоня съездил к местному попу, который держал пчёл, раздобыл домик и выпросил нехитрый пчеловодный инвентарь. Колоду с роем поставил к летку домика и перегнал всех пчёл на новое место. Разобрали в дупле соты, а мёд скормили пчёлам через кормушки, чтобы семья не погибла от перемены жилья. Так появился у моих родственников рой, от которого впоследствии образовалось десять пчелосемей. Не знаю, когда они исчезли – наверное, при общем разорении хозяйства, после революции.

Второе пришествие пчёл было в 1990 году, когда мой сын Павле вдруг захотел стать пчеловодом: изучил пчелу от хоботка до яйцеклада, прошёл практику в «Тепличном» у пчеловодов Васи и Казбека, сдал экзамен в заочном техникуме и получил свидетельство дипломированного пчеловода. Мы купили две семьи у Шуры Фефиловой, но, так как опыт приходит со временем, через три года имели уже шесть пчелосемей. Но в это время подошёл срок ремонта старого дома. Пчёлы остались зимовать на улице и почти все погибли.

Третье пришествие было спустя четыре года: купили пчелопакет, но неудачно, с плохой маткой.

И вот четвёртый раз появились пчёлы прошлым летом. Сами прилетели где-то около первого июля. Что-то летом наносили, потом я их подкормил, дал примерно четыре килограмма мёда с сахаром. Пока, кажется, зимуют нормально. Вот сегодня поеду и посмотрю, как они себя чувствуют.

ПРИМЕЧАНИЯ

Борови́на – сосновый лес, растущий на сухом возвышенном месте, бор [СВГ, 1: 40].

Ви́ца – гибкий прут, ветка [СВГ, 1: 73].

Заво́р – разборное звено изгороди из свободно вынимающихся жердей, служащее воротами [СВГ, 2: 103].

Кáтаник – валенок [ВС: 107].

Отвод – ворота из жердей или тёса при въезде в деревню, в полевой изгороди, в изгороди, которой обнесена усадьба [СВГ, 6: 86].

Пестéрь – большая плетёная заплечная корзина для переноски тяжестей (сена, соломы, мха, травы) [СВГ, 7: 49].

Тряпóк – ветхая, изношенная одежда; лоскут ткани; тряпка; др. [СВГ, 11: 68].

Чунки – небольшие сани, санки [СВГ, 12: 54].

Юзíть – беспокойно двигаться, ёрзать; сползать, соскальзывать, ср.: юзгáть, юзгáться [СВГ, 12: 124].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Записи речи информантов, пред ставленные в монографии, достаточно близки в жанрово-тематическом плане. Это рассказы о природе, о крестьянском труде, воспоминания о ярких событиях в своей биографии и в жизни родной деревни. Вместе с тем каждый из рассказчиков проявляет себя по-разному. В беседах с Аполлинарией Виссарионовной Харитоновой наряду с обстоятельностью описания рыболовецкого промысла на Русском Севере ярко проявляется народный юмор, оптимистическое отношение к жизненным трудностям, активная жизненная позиция. В рассказах Анны Алексеевны Шабровой и Нины Арсентьевны Исаковой весьма ярко и полно отразились явления духовной культуры, самобытное сочетание идей народного православия с представлениями народной демонологии. Речь Николая Павловича Шаброва содержит весьма эмоциональную оценку событий прошлого: это воспоминания о реке, о собаке, о ловле кротов, о детских играх и о многом другом. В целом на фоне сглаживания фонетико-грамматических особенностей диалектной речи обнаруживается высокая активность употребления информантами диалектной лексики. Она помогает нашим собеседникам сохранить в памяти фрагменты прошлого, воссоздать значимые для них явления мира природы, реконструировать систему организации труда, отразить важные аспекты социальных отношений.

Проект «Народная речь Вологодского края» открывает перед читателем мир самобытной крестьянской культуры. В основе этой культуры – существование человека в гармонии с природой, с людьми и с самим собой: «Хорошую жизнь пронизывает лад, настрой, ритм, последовательность в разнообразии. Такой жизни присуща органичная взаимосвязь всех явлений, естественное вытекание одного из другого» (В.И. Белов).

«Лад» крестьянской жизни находит своё отражение в речи. Для всего, что имеет смысл, существуют слова. Для горожанина удивительно, например, множество народных названий дождливой погоды: *морось, морозга, непогодь, погода, падера* и др. Для крестьянина в этом, наоборот, ничего удивительного: жизнь и благополучие его семьи зависели от того, какова погода во время сбора урожая, *вёдро* стоит или *ненастье*.

В книге записаны воспоминания наших старших современников о тяжёлом времени колхозного строительства и о технических чудесах времён индустриализации, трудностях и победах послевоенного вре-

мени, о радостях и обидах последних десятилетий, когда практически на глазах опустели сотни вологодских деревень. Эти деревни продолжают жить в слове: в именах односельчан, в названиях пашен и лесов, в рассказах о жизни той самой деревни, которой уже может не быть на географической карте, но которая продолжает существовать в народной памяти.

Изучение народной речи жителей Вологодского края ждёт своего продолжения. В настоящее время сложился значительный по объему архив записей речи жителей Сямженского и Вытегорского районов (архив записей Л.Ю. Зориной), Шекснинского района (архив записей Е.П. Андреевой), в Вологодском государственном педагогическом университете выполнена серия выпускных квалификационных работ, посвящённых анализу говора одной деревни и описанию диалектной языковой личности. Все это вселяет надежду на продолжение серии «Народная речь Вологодского края», издания которой направлены не только на решение научных задач, но и на привлечение внимания к проблеме изучения народной речевой культуры, сохранения лингвистического своеобразия родного края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949.
- Аванесов Р.И. О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас (материалы и исследования). М., 1965. С. 26–42.
- Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Азарх Ю.С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М., 2000.
- Антипов А.Г. Словообразовательная морфонология русских говоров. Кемерово, 1997.
- Антипов А.Г. Алломорфное варьирование суффикса в словообразовательном типе. Кемерово, 2001.
- Араева Л.А. Словообразовательные типы имен существительных в системе говора. Томск, 1981.
- Араева Л.А. Словообразовательный тип как семантическая микосистема. М., 1994.
- Башенъкин А.Н. Новые аспекты славянского освоения Европейского Севера по археологическим источникам V–XIII вв // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда, 1992. С. 12–21.
- Бромлей С.В., Булатова Л.Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
- Бувальцева Н.М. Говоры Белозерского района Вологодской области в современном состоянии и истории: Автореф. дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук. М., 1955.
- Вендина Т.И. Русская языковая картина мира через призму словообразования (макрокосм). М., 1998.
- Вологодское словечко: школьный словарь вологодских говоров. Вологда, 2011.
- Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962.
- Вяткина М.В. Полисемия словообразовательной формы. Кемерово, 2004.
- Галинова Н.В. Этимолого-словообразовательные гнёзда праславянских корней со значениями ‘гнуть’, ‘вертеть’, ‘вить’ в говорах Русского Севера. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.
- Галинская Е.А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.
- Герд А.С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры. Вып. 6–10. СПб., 1995–2002.
- Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973.
- Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972.
- Горшкова К.В. Развитие вокализма в Белозерских говорах Вологодской области // Филологические науки, 1958. № 4. С. 75–83.
- Гудкова С.Н. Глагольные словообразовательные типы в системе одного говора. Томск, 1983.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1978.
- Диалектологический атлас русского языка. Вып. I–III. М., 1986. (ДАРЯ)
- Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915.

- Евдокимова Е.А. Отглагольные словообразовательные субстантивы в среднебоских говорах: опыт системно-функционального описания. Кемерово, 1997.
- Завалишина А.И. Словопроизводство глаголов в говоре с. Михайловки Залегощенского р-на Орловской обл. Дисс ... канд. филол. наук. Орел, 1981.
- Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913.
- Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах. Вологда, 2014.
- Иванова Л.В. Структурно-семантическая типология глаголов (на материале говора с. Татищево Переволоцкого р-на Оренбургской обл.). Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 1972.
- Ильина Е.Н. Морфемика диалектного глагола. Вологда, 2012.
- Ильина Е.Н., Крылова А.Б., Никифоров О.Ю. Диалектный словарь строения слов // Свидетельство Роспатента о государственной регистрации программ для ЭВМ № 2013611057.
- Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Катышев П.А. Мотивационная многомерность словообразовательной формы. Кемерово, 2001.
- Кодзасов С. В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М., 2001.
- Кузнецова А.М. О гиперкорректных формах в области произношения согласных в русских говорах // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.
- Лебедев Г.С. Верхняя Русь по данным археологии и древней истории // Очерки исторической географии: Северо-запад России: Славяне и финны. СПб., 2001. С. 31–58.
- Лексический атлас русских народных говоров: Пробный выпуск. СПб., 2005. (ЛАРНГ)
- Лимонов Ю.А. Владимиро-Сузdalская Русь: очерки социально-политической истории. Л., 1987.
- Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997.
- Методические рекомендации по сбору, классификации и анализу производной лексики говоров. Кемерово, 1990.
- Михова Н.Г. Говоры Кирилловского района Вологодской области (фонетический аспект). Череповец, 2006.
- Мызников С.А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2003.
- Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1961.
- Новикова Л.Н. О соотношении словообразовательных категорий и семантических групп лексики в тверских говорах // Актуальные проблемы русской диалектологии: Тезисы докладов международной конференции 23–25 октября 2006 г. М., 2006. С. 140–141.
- Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

Оглезнева Е.А. Номинативное поле производного имени существительного конкретной семантики в русских говорах Приамурья. Томск, 1996.

Опыт диалектного гнездового словаобразовательного словаря. Томск, 1982.

Орлова В.Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.

Павленко П.А. О словах с приставкой *воз-* в русских народных говорах // Диалектная лексика. 1973. Л., 1974. С. 135–145.

Пантелеева Е.М. Характер словаобразовательных связей слов внутри словаобразовательного гнезда // Материалы по грамматике и словообразованию говоров. Красноярск, 1976.

Пантелеева Е.М., Янценецкая М.Н. Вопросы диалектного словаобразования в Сибири // Диалектное словаобразование. Очерки и материалы. Томск, 1979. С. 6–21.

Порохова О. Г. К истории изучения словаобразования в русских народных говорах // Лексика русских народных говоров. М., Л., 1966. С. 126–150.

Пшеничнова Н.Н. Типология русских говоров. М., 1996.

Радченко О.А., Закуткина Н.А. Диалектная языковая картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкоznания. 1994. №6. С. 25–48.

Разнообразие ландшафтов национального парка «Русский Север». Вологда, 2007.

Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2005.

Седых В.Н. Археология и древняя история Ярославско-Костромского Поволжья // Очерки исторической географии: Северо-запад России: Славяне и финны. СПб., 2001. С. 419–435.

Словарь вологодских говоров. Вып. 1-12. Вологда, 1983-2007. (СВГ)

Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Вып. 1–2. СПб., 2003–2005.

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005 (СРГК).

Словарь русских народных говоров. Вып. 1-35. М., СПб., 1965-2002. (СРНГ).

Соколова А.А. Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений: географическая интерпретация диалектных образов. СПб., 2007.

Сологуб А.И. Об эволюции новгородского диалекта // Вопросы изучения северорусских говоров и памятников письменности. Материалы к межвузовской научной конференции. Череповец, 1970.

Срезневский И.И. Замечания о материалах для географии русского языка // Вестник императорского Русского географического общества. Ч. I. Кн. 1. СПб., 1981.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка.: Т. 1–2. М., 1990.

Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969.

Чайкина Ю.И. О традиционных прозвищах в Белозерье // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. 1969. № 3. С. 104–109.

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике северорусских говоров. Вологда, 1975. С. 3–187.

- Чайкина Ю.И. Очерки по лексике севернорусских говоров // Вопросы истории и лексики Белозерья. Вологда, 1975. С. 3–187.
- Чайкина Ю.И. Из истории диалектных границ в связи с заселением Северной Руси // Вопросы языкознания. 1976. № 2.
- Чайкина Ю.И. О субстратных топонимах с формантом *-гумэзь* (-гумезь) в Белозерье // Вопросы ономастики. Свердловск, 1977. С. 119–124.
- Чайкина Ю.И. О диалектном членении старорусского языка по данным антропонимии // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка. Ужгород, 1984.
- Чайкина Ю.И. Памятники деловой письменности русского Севера XVII – XVIII вв. Вологда, 1986.
- Чайкина Ю.И. Географические названия Вологодской области. Архангельск, 1988.
- Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии: этимологический словарь. Вологда, 1995.
- Чайкина Ю.И. История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). Вологда, 2005.
- Чайкина Ю.И., Новосёлова О.Н. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Пробные словарные статьи // Русская региональная лексикология и лексикография. Вологда, 1999. С. 12–30.
- Чайкина Ю.И., Смольников С.Н. История русских личных имен, отчеств и фамилий: Материалы в помощь учителю. Вологда, 2001.
- Шаброва Е.Н. Морфемика диалектного глагола. СПб., 2003.
- Шаброва Е.Н. Производные глаголы в русских говорах. Вологда, 1998.
- Шелепова Л.И. Особенности словообразовательной системы говоров и этимология // Историческое и диалектное словообразование Алтая. Барнаул, 1985. С. 157–167.
- Яцкевич Л.Г. Словарь со связанными основами: Словарь-справочник. Вологда, 2006.

А.А. Шаброва, А.В. Харитонова и Н.П. Шабров в окружении родственников, д. Борбушино, 1997 г.

Н.А. Исакова, жительница д. Плахино, 2013 г.

